

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУБАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Научный центр пропаганды и внедрения инноваций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Материалы I Международной научно-практической конференции
21 апреля 2015 год

Краснодар 2015

УДК 340
ББК 67.9(3)
П 78

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жинкин С.А.

*доктор юридических наук,
Кубанский государственный университет, Россия.*

Лупарев Е.Б.

*доктор юридических наук,
Кубанский государственный университет, Россия.*

А.Д. Лебедева

*кандидат юридических наук,
Кубанский социально-экономический институт, Россия.*

Д.А. Флудас

*доктор юридических наук, доцент колледжа Хьюз Холл
Кембриджского университета, Греция.*

А.С. Жаксыбеков

*доктор политических наук,
Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Республика Казахстан.*

Проблемы развития правовой системы России: материалы I Международной научно-практической конференции, 21 апреля 2015 г. / Краснодар: КубГУ, КСЭИ 2015. – 141 с.

ISBN 978-5-91276-112-6

УДК 340
ББК 67.9(3)
П 78

© Издательство Кубанского государственного университета, 2015 г.
© Издательство Кубанского социально-экономического института, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

I Раздел:

Теоретические проблемы развития правовой системы в России

ВОЛОГИНА Т.

Основные направления оптимизации процесса правового воспитания современной молодежи 6

ГОЛОВЧЕНКО Г.А.

О роли правового воспитания и правового обучения в закреплении социально-правовых ценностей в правосознании российских граждан 12

ДИАМБУ Б.

Регистрация лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, по законодательству России и Мали 18

ЖИНКИН С.А., АГАСЯН К.Р.

Проблемы взаимодействия права и личности в условиях современного российского общества 25

КАЗАКОВ Г.А.

Цели и принципы правовой модернизации в современной России 29

КАЗАКОВА Р.А.

О влиянии этнических и культурных факторов на развитие и осуществление идеологической функции права в современной России 33

КОВТУН З.Л.

Об аспектах реализации регулятивной функции права 36

ПУНЧЕНКО С.И.

О социальных аспектах понятия эффективности права и его норм 41

СТРЕЛЬЦОВ Н.В.

Формирование чувства социальной ответственности в контексте обеспечения национальной безопасности в современных условиях развития Российского государства 46

II Раздел:
Социально-экономические и правовые основы развития правовой
системы России

ЖИНКИН А.А., ЖИНКИНА Е.Ю. Постановления пленума Верховного суда РФ как вспомогательный источник права России	49
ЖИНКИН А.А., ПАВЛОВА А.В. Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения: исторический и сравнительно-правовой анализ	53
КУЛИШ М.В., АЛИХАНОВА Д.Р. Специфика деятельности органов правопорядка на Северном Кавказе в период революционных выступлений в начале XX века	58
ЛАЗАРЕНКО Л.А., НЕДБАЙЛО В.Г. Мероприятия по снижению вероятности суицидального поведения среди военнослужащих	64
САВЧЕНКО М.С., ЛЕБЕДЕВ М.О. Правовые проблемы разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления	69
ЛЕГОСТАЕВ В.П., БУДНИК В.В. К вопросу о соотношении следственной и оперативно-розыскной деятельности	74
ЛЕНКОВА М.И., ГУЧЕТЛЬ А.И. Уголовно-правовой аспект налоговых преступлений: понятие и квалификация	79
ЛЕУС М.В. Проблемы правового регулирования удержания недвижимого имущества	89
МЕДВЕДЕВА Э.А. Особенности и этапы приватизации в России	94
МЕРКУЛОВА Т.А. Уголовно-правовая политика государства, направленная на предупреждение правонарушений в сфере торговли	98
ПАНАСЕНКО (ЯЛОВАЯ) В.Н., ЯЛОВОЙ Г.Н. Институт смертной казни в международном и российском уголовном праве	105

ПАНКРАТОВА О.В.

Основные этапы развития законодательства, направленного на соблюдение прав граждан на получение вознаграждения за труд и иных гарантированных социальных платежей: сравнительно-правовой анализ международных, отечественных, зарубежных правовых актов 111

ПАНКРАТОВА О.В.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ – действие или бездействие 117

САМОЙЛЕНКО А.А., ДЗИДЗАВА В.

Психолого-педагогические условия формирования готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности 120

СИДОРОВ А.А., ЭРНСТ А.А.

Информационные основы судебной экспертизы 129

ФЕДИНА И.М.

Судьбы советских военнопленных в концлагерях Германии 137

Раздел I
Теоретические проблемы развития правовой системы в России

Вологина Т.
*аспирант юридического факультета,
Кубанский государственный университет*
Vologina T.
graduate of the faculty of law, Kuban state University

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА
ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ**

**THE MAIN DIRECTIONS OF OPTIMIZATION OF PROCESS OF LEGAL
EDUCATION OF TODAY'S YOUTH**

Аннотация. В настоящей статье исследуются вопросы и методика оптимизации процесса правового воспитания, которые приобретают все более важное общегосударственное значение, поскольку от правовой воспитанности граждан сегодня зависит успех претворения в жизнь идеи правового государства. Автор указывает на необходимость использования всесторонних методик правового воспитания в образовательном процессе, не только лекций, бесед и проведение семинаров по правовым вопросам, но и использование инновационных интерактивных методик обучения праву. Особенно автором подчеркивается негативное влияние СМИ, интернета и социальных сетей на формирование правового потенциала современной молодежи.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовое сознание, правовое просвещение, интерактивные методики правовоспитательного процесса.

Annotation. This article explores the issues and methods of optimizing the process of legal education, which are becoming increasingly important national importance because of the legal education of citizens today, the success of the implementation of the idea of the rule of law. The author points to the need for comprehensive methods of legal education in the educational process, not only lectures, discussions and seminars on legal issues, but also the use of innovative interactive methods of teaching law. Especially the author highlights the negative impact of the media, the Internet and social networks on the formation of the legal capacity of today's youth.

Key words: legal education, legal consciousness, legal education, interactive methods pravovospitatelnogo process.

Правовое воспитание личности, в силу своего влияния на все сферы общественной жизни, является не только ключевым направлением на пути построения правового государства и гражданского общества, но это еще и сложная и многоаспектная деятельность, которая должна развиваться и не от-

ставать от реалий развития современного общества.

Можно отметить, что правовое воспитание – это система мер, направленных на внедрение в сознание индивидов демократических правовых и моральных ценностей, принципов права, стойких убеждений в необходимости и справедливости норм [5;15]. Но недостаточный уровень правовой культуры и правового сознания может привести к проблеме обеспечения реализации основных правовых принципов, в том числе и принципа верховенства закона. Следовательно, наша задача в современных условиях построения правового государства и возрастающей роли закона в системе социальных регуляторов – воспитать личность с прочными знаниями о законодательстве, законности, правовых обязанностях.

В современной России формирование всесторонне развитого, физически здорового, образованного, социально подготовленного молодого поколения является одной из основных стратегических задач развития общества. Именно поэтому молодежь, как особая социальная группа, выступает важнейшим объектом национально-государственных интересов, основным фактором поступательного развития и дальнейшей стабильности российского общества на ближайшие десятилетия.

На протяжении всей жизни человека на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения человека, а особенно молодежи, оказывают влияние многие факторы.

Ряд этих факторов особенно важен при воспитании молодого поколения, будущего поколения россиян. Такими направлениями и факторами влияния могут быть: характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей; качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания; распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения, в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, а также с помощью средств массовой информации; деятельность лиц творческих профессий и их объединений, средств массовой информации, организаторов эфирного и кабельного вещания, издательских организаций, производителей рекламной продукции, направленная на создание и распространение произведений, активно продвигающих в общественное сознание модель законопослушного поведения в качестве общественно одобряемого образца [2; 17].

Для формирования позитивного правосознания, воспитания в детях внимательности к людям, готовности к дружбе, сотрудничеству, уважения к окружающим, СМИ, теле- и радиоканалы должны демонстрировать и распространять опыт положительных примеров социально активного поведения в обществе [2;18]. В настоящее время телеканалы, СМИ, Интернет демонстрируют много криминальной хроники (убийства, насилие, кровь и др.), что от-

рицательно сказывается на неустойчивой, формирующейся психике ребенка. Количество и качество таких передач должно быть минимальным и подвергаться контролю.

Определяющая роль в системе источников правовой информации принадлежит средствам массовой информации.

В России по телевидению вместо отечественной истории и действительной культуры для молодежи ежедневно демонстрируется насилие с убийствами и развратом, а в работе полиции афишируется праздное распитие спиртных напитков прямо на рабочих местах (например, популярный сериал «Глухарь»), как будто это и есть ее повседневная жизнь. Так что жаловаться на молодежь грех – мы сами направляем ее на алкоголь, разврат и насилие.

Интересным оказалось для нас мнение представителей СМИ о том, что демонстрацию убийств они не считают пропагандой насилия. Оказывается, это всего лишь художественные образы, и демонстрируется не насилие, а, напротив, борьба с ним, и трупы людей на экране – это только наглядное пособие. Но жизнь свидетельствует иное. Не случайно старшеклассник заходит с винтовкой в свой класс, убивает учителя, стреляет в работника полиции и берет класс в заложники (факт, произошедший в Москве в начале 2014 г.). Подросток наверняка не придумал этот боевик, а скопировал с наших телепередач. Подобное происходит и в других странах, например в США [4; 36].

Под правовым воспитанием обычно подразумевается целенаправленная деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правовых идеалов, правового опыта и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому, имеющая целью развитие правового сознания человека и в итоге – правовой культуры общества в целом [1; 589]. Знание гражданами своих прав, свобод, а также обязанностей перед государством и обществом является составной частью правовой культуры. Правовое сознание человека включает чувство убежденности в том, что он найдет у государства, посредством его органов помощь в защите своих прав, законных интересов. Государство, справедливо требуя от него выполнения возложенных обязанностей, гарантирует его равенство в правах с другими гражданами, равенство со всеми перед законом и судом. Важно подчеркнуть, что на сегодняшний день практически отсутствует включенность судебной власти в процесс правового воспитания.

Правоохранительные органы, в том числе и судьи, фактически отстранены от правового воспитания населения, что в советское время входило в их обязанность, когда даже судьи «ходили в народ». Рассматривая, в частности, в этом роль судей, А.М. Цалиев справедливо пишет: «С начала 90-х годов, с реформированием судебной власти, их роль свелась исключительно к осуществлению одной основной задачи – осуществлению правосудия, что привело к удалению судебной власти от народа. Об этом свидетельствуют социологические исследования, многочисленные публикации в печати, указывающие на

повышение уровня недоверия к судебной власти» [6; 35].

Сегодня народ не ходит даже на судебные заседания, так как во многих районных судах не предусмотрено для посещения граждан соответствующего количества мест. Мы согласны, что определенными каналами правового воспитания населения с некоторых пор стали такие телепередачи, как «Час суда», «Суд идет», «Федеральный судья», что восторженно отмечает П.А. Гук [3; 59], но, к сожалению, это мало касается молодежи школьного возраста, которая такие телепередачи не смотрит. Для подрастающего поколения нужно живое общение с представителями правоохранительных органов и правосудия.

«Основами государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденными Президентом России 4 мая 2011 г., определены следующие направления государственной политики: правовое просвещение, развитие правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях различного уровня посредством внедрения в образовательный процесс учебных курсов, программ, учебно-методических материалов, обеспечивающих получение знаний в области права.

Как видно, средствами трансляции правовой культуры являются правовое воспитание, обучение и образование, но начало XXI в. это начало эпохи инноваций, с коренными преобразованиями в сфере образования, меняющими наши представления о его роли в современном обществе. Сегодня меняются и условия формирования личности, и, безусловно, должны меняться и методы правового воспитания.

Поэтому современная методика правового воспитания и просвещения подрастающего поколения должна эволюционировать не только с учетом изменяющейся социокультурной среды, возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних, но и с учетом новых факторов влияния и восприятия молодежью правовой информации.

Молодежь сегодня увлечена и поглощена интернетом и социальными сетями, она не интересуется новостями, не смотрит телевидение, кроме сериалов определенной направленности. Все что им интересно это интернет-общение, активность в социальных сетях и максимум как развлечение – это кинематограф, к которому они подходят очень избирательно. Особо хотелось бы подчеркнуть, что сегодня общаясь в соцсетях подрастающее поколение тратит на них куда более больше времени, чем за чтением художественной и тем более научной литературы.

Британский ученый и писательница Сьюзан Гринфилд доказала, что дети, воспитанные в соцсетях, теряют способность к сопереживанию. Верить на слово не хочется.

А ведь человеческий мозг устроен так, что впечатление о человеке мы на 70% составляем из невербальной информации. А в соцсетях получается,

что мы отключаем свой мозг. И готовы общаться с каждым, не задумываясь. И мало того, что добавляют в друзей кого угодно, но и требуют к себе постоянного внимания.

Многие психологи утверждают, что соцсети помогают современному молодому поколению не чувствовать себя одиноким, борются с депрессией. Но на самом деле все наоборот: ребенок настолько привыкает к тому, что его постоянно оценивают и замечают, что в реальной среде ему трудно. И либо у него наступает депрессия, либо он целиком уходит в виртуальные сети, отгораживаясь от мира.

Ребенок, воспитанный в соцсетях, не умеет разбираться в людях, не способен грамотно разговаривать и строить диалог, не утруждает себя такими чувствами, как сочувствие. Но и это не верхушка айсберга. У детей стираются гораздо более важные границы. Они не чувствуют ответственности. Ребенок сам выбирает, с кем дружить, а с кем нет. И если чем-то друг не устроил, его легко можно поставить в игнор. И не надо ничего объяснять.

Так же легко можно оскорбить человека, унижить и растоптать. И все это сойдет с рук, да и слез и переживаний своего врага ребенок не увидит, ему не станет стыдно.

На наш взгляд, это очень серьезная проблема, которая в дальнейшем не позволит воспитать человека, сопереживающего, ответственного, доброго и способного прийти на помощь.

С самого детства надо приучать ребенка к самостоятельности и ответственности за свои поступки, а главное – формировать способность к сочувствию и сопереживанию. Прививать ребенку моральные ценности только личным примером, который научит его видеть в каждом человеке доброту.

Особое место в процессе правового воспитания занимает проблема «правового минимума», некоего обязательного уровня знания права, которым должен обладать каждый гражданин любого общества, независимо от его социального статуса.

Поэтому наиболее важной проблемой на сегодня, мы считаем необходимость вовлечения молодежи в процесс правового воспитания. Вовлечение в этот процесс, безусловно, наиболее эффективно может проявить себя через систему образования.

Содержанием правового воспитания является приобщение людей к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, выработка у граждан устойчивой ориентации на законопослушное поведение. Другими словами, под содержанием правового воспитания понимается часть социального опыта в области правовой культуры.

Но прогресс неизбежен и мир сегодня стоит на пороге новой волны инноваций, которая сможет изменить сложившийся образовательный процесс. Новые технологии проникают во все сферы нашей жизни. Появляются успешные предпринимательские интернет-проекты (Google, Yandex, Facebook,

Вконтакте и др.).

В нашей стране инновации в образовании, связанные с правовым воспитанием, в основном ассоциируются с применением интерактивных методов обучения, создающих наиболее благоприятные условия для усвоения нового материала.

Современные тенденции обучения требуют активизировать познавательную деятельность учащегося, что обуславливает смещение акцента на вопросы: «определи цель и поставь задачи», «выскажи свое обоснованное мнение», «оцени», «реши проблему», «докажи». Поэтому интерактивными методами принадлежит особая роль.

Усвоение информации учащимися происходит комплексно (кинестетически, аудиально и визуально) при доминировании одного из каналов восприятия.

Основные интерактивные методы, помогающие достичь целей правового воспитания, представлены такими видами как круглый стол (дискуссия, дебаты), мозговой штурм (брейншторм, мозговая атака), деловые и ролевые игры, case-study (анализ конкретных ситуаций, ситуационный анализ), мастер-класс.

Единственным инструментом, позволяющим обеспечить участие общества в делах государственных, гарантом его интересов выступает право. Недостаточно только наличия хороших законов. Во всем обществе должна сложиться обстановка безусловного уважения закона. Иначе закон, гарантирующий самые передовые демократические нововведения, будет фикцией [5; 14]. Поэтому и необходимо наличие высокого правосознания личности и общества, высокой правовой культуры.

Таким образом, можно утверждать, что при достижении цели формирования правовоспитанной и правоосознающей личности, необходимо использовать максимальный спектр средств, методов и форм воздействия на правовое сознание молодежи. Необходимо шагать в ногу с передовыми образовательными технологиями, использовать их для обозначенных целей в полном объеме, ведь главная цель правового воспитания – воспитание уважения к праву и законности как ценностной установки, формирование представления у законопослушного гражданина понимания того, что недостаточно иметь юридическую информацию, важно еще и уметь грамотно ей пользоваться.

Источники:

1. Алексеев С.С. Права человека. М.: Норма, 2009.
2. Васильев Ф.П., Булатова Л.А. Современное правовое воспитание как необходимый фактор в образовательной политике России. Административное право и процесс, 2013, № 4.
3. Гук П.А. Методы судебной деятельности // Российская юстиция. 2008. № 3.
4. Гунибский М.Ш. Инновационные и интерактивные методы в процессе правового воспитания //Юридический мир, 2014, № 4.
5. Мельников В.Ю. Правосознание и правовое воспитание личности в демократическом, правовом государстве. //Культура: управление, экономика, право. 2012. №3.
6. Цалиев А.М. Деятельность суда по повышению правосознания граждан // Российская юстиция.2011. №7.

Головченко Г.А.
*аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
(e-mail: decanat-jf@mail.ru)*
Golovchenko G.A.
Lawfaculty of the Kuban state university

О РОЛИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ И ПРАВОВОГО ОБУЧЕНИЯ В ЗАКРЕПЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАВОСОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

ABOUT THE ROLE OF LEGAL EDUCATION AND LEGAL TRAINING IN THE STRENGTHENING OF SOCIAL AND LAW VALUES IN THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CITIZENS

Аннотация. Статья посвящена вопросам роли правового воспитания и правового обучения в закреплении социальных ценностей права в правосознании. Основная задача правового воспитания состоит в формировании высокого уровня правосознания граждан, ориентированного на повышение их социально-правовой активности.

Ключевые слова: правовое воспитание, социальные ценности, правосознание.

Annotation. This article is devoted to issues of the role of legal education and legal training in the strengthening of social values rights in the legal consciousness. The main target of legal education is to foster a high level of legal awareness of citizens, aimed at increasing their social and legal activity.

Key words: legal education, social values, legal consciousness.

В современном российском обществе правовое воспитание приобретает все более важное общегосударственное значение, поскольку от правовой воспитанности граждан в прямой зависимости находится успех всестороннего реформирования общества, что становится особенно важным для претворения в жизнь идеи правового государства.

Несмотря на свою относительную самостоятельность (определенность целей, специфика методов их достижения, используемых средств и организационных форм), правовое воспитание является органической частью единого процесса воспитания личности.

Правовое воспитание и правовое обучение являются одним из важнейших факторов развития правового сознания человека и правовой культуры общества в целом. Наиболее простой семантический анализ категорий «правовое воспитание», «правовое обучение» свидетельствует, что состоят они из двух частей: «право» и «воспитание», «право» и «обучение».

Правовое воспитание как проблема многогранная затрагивает наравне с правовыми, политические, социологические, психологические, нравственные и педагогические аспекты жизни общества. Кроме того, правовое воспитание имеет неразрывную связь с другими видами социального воспитания, среди которых – патриотическое, семейное, нравственное, культурное, школьное и т.д. Все они тесно взаимосвязаны, поскольку образуют единый процесс духовного (интеллектуального) воздействия на сознание и поведение людей.

Следует отметить, что современное видение вопросов правового воспитания и обучения как систематической целенаправленной деятельности государственных органов, направленной на формирование правовой культуры и правосознание, неразрывно связано с духовно-нравственной составляющей жизни общества. Само отношение к праву как к ценности, способной воплотить стремление к социальной справедливости, зарождается в недрах духовности, высокой нравственности. Учитывая органическую связь права и морали, можно с твердой уверенностью сказать, что правовое воспитание – это одно из направлений целостного духовно-нравственного воспитания [3; 84].

Проблемы правового воспитания в современном правоведении получают новое звучание. Их сложность и многоплановость предполагают использование многообразных методов. Аксиология права предлагает ряд возможностей для определения эффективных способов совершенствования правовоспитательного воздействия. С этой точки зрения освоение правовых ценностей представляется важнейшей целью и содержанием правового воспитания.

Теория правового воспитания предполагает рассмотрение его в широком и узком смысле. В широком смысле правовое воспитание рассматривается как общий процесс формирования правосознания и правовой культуры членов общества, включая влияние социально-экономического уклада жизни, политического режима, идеологической деятельности, нравственно-правовой атмосферы. В узком смысле правовое воспитание рассматривается как один из видов общественной деятельности, которая выражается в целеустремленной и организованной работе государственных органов и общественных организаций, направленной на формирование правовой культуры и воспитание правопослушных граждан.

Существующая сегодня концепция правового воспитания объективно нуждается в новых теоретических разработках, касающихся аксиологических ее аспектов, в новом научном поиске. Перед обществом стоит проблема переосмысления системы правовых ценностей. Концепция правовоспитательной работы исходит из определенной системы ценностей. Сейчас это воспитание должно быть направлено на идеи правового государства с системой ценностей, в центре которой находится личность.

Освоение личностью правовых норм происходит двумя путями: а) путем предметно-рационального сознания; б) путем интернализации. В первом случае право воспринимается как необходимое и целесообразное, полезное

для общества и личности. Во втором происходит превращение внешних по отношению к личности требований права в ее собственную жизненную позицию, в правовую установку, в привычку действовать в соответствии с заданной правовой моделью.

В связи с этим различают следующие цели правового воспитания: а) ближайшую цель – формирование системы правовых знаний; б) промежуточную цель – формирование правовой убежденности; в) конечную цель – формирование мотивов и привычек правомерного поведения [4; 26]. Следует указать на освоение правовых ценностей как важнейшую цель правового воспитания.

Подробнее следует остановиться на процессе формирования ценностно-правовых установок. Это, во-первых, глубокое осознание людьми ценности права, в результате чего осуществляется выбор правомерного поведения. Ценностное осознание является без преувеличения главным фактором выработки уважения к закону и правопорядку. Это может достигаться путем определения роли права в повседневной деятельности человека. В этой связи приобретает особое значение деятельность по разъяснению и конкретизации целей законодательства. Специфика правовоспитательной деятельности учитывает либо персоналистскую ориентацию в сфере правовых отношений, либо ориентацию на государство, либо ориентацию на общество. На первый план в правовой жизни постепенно выдвигается субъект как самостоятельная, творческая личность. Поэтому в правовоспитательной деятельности большое значение имеет правильное определение реальных потребностей и интересов людей, основанных на ценностных представлениях. Это качество оказывает прямое влияние на выработку уважительного отношения к закону и правовые убеждения. Можно предположить, что существует определенная логическая последовательность смены ценностных моделей правового воспитания: вначале в центре личность, затем государство, впоследствии общество [1; 5].

Потребности личности должны становиться неотъемлемым компонентом формирования социально-ценностных установок. Аксиологический аспект правовоспитательного процесса состоит в том, чтобы все усилия субъектов правового воспитания были направлены на процесс формирования внутренней потребности человека в правомерном поведении, основанном на ценностном восприятии права.

Содержание правового воспитания как процесса формирования правовой культуры личности включает в себя следующие структурные компоненты: информирование о праве (информационный); формирование отношения к праву (оценочный); воспитание установки на правомерное поведение (регулятивный); воспитание чувства необходимости правомерного поведения (когнитивный); организация деятельности субъектов правового воспитания в рамках государственных и общественных институтов (организационный).[6;12]

Правовое воспитание призвано формировать личность, ее мировоззрение, корректировать пути достижения личных целей. Оно играет ключевую роль в формировании гражданского общества как основы правового государства, имеет несомненный потенциал в правовой жизни людей. «Правовое общество, – справедливо отмечает В.В. Стреляева, – невозможно без высокой правовой культуры населения, а деятельность государства по укреплению правопорядка – без ее неуклонного повышения. Важнейшим компонентом этой культуры выступает правовоспитанность граждан, без которой невозможно их правомерное поведение» [10; 4].

Правовое воспитание – это целенаправленная деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому. Правовое воспитание имеет целью развитие правового сознания человека и правовой культуры общества в целом, призвано обеспечивать поведение, согласующееся с потребностями и ценностями правового государства [5;364].

Р.В. Кравцов рассматривает правовое воспитание как целевое воздействие, направленное на формирование системы нравственно-правовых ценностей личности, обеспечивающей высокий уровень правовой культуры. Сущность правового воспитания заключается в целенаправленном воздействии на структуру иерархии ценностей личности, в результате которого правовые ценности занимают максимально высокое положение. Важнейшей составляющей правового воспитания должен становиться ценностный аспект. В отличие от распространенных в современной науке взглядов, согласно которым правовая информированность выступает основной целью правового воспитания, названный автор считает необходимым, прежде всего, в процессе правового воспитания формировать ценностную установку на правомерное поведение и ценностное отношение к правовым явлениям вообще [7; 8].

Именно посредством правового воспитания возможно изменить представления человека о праве, научить его уважать закон, выработать потребность в правовом поведении, а, следовательно, качественно преобразовать общество.

Одна из главных целей правового воспитания – выработка у гражданина здорового чувства права, прогрессивного юридического мировоззрения; подготовка социально активного члена общества, хорошо знающего свои права и возможности, умеющего отстаивать, защищать их всеми законными средствами. Речь идет о воспитании человека, остро реагирующего на факты несправедливости и произвола, уважающего закон и порядок, противодействующего правонарушениям, правовому беспределу.

Конечная цель правового воспитания – правомерное поведение, т.е. строгое, точное соблюдение личностью юридических предписаний, ее активность в осуществлении предоставленных ей прав, высокий уровень ответственности. Правовое воспитание ориентировано на осознание восприятия

юридических законов, правовых норм и обязанностей.

Правовоспитательная деятельность является составляющей процесса формирования правового сознания обучаемых. Правовое воспитание представляет собой целенаправленный и управляемый процесс организационно-идеологического воздействия социальных институтов на сознание и поведение, учитывающий объективное влияние общественной среды и саморазвитие личности. Воспитание представляет собой не просто трансляцию, передачу понятий, идей убеждений, накопленных и сконцентрированных в социальном опыте предшествующих поколений. Оно, прежде всего, призвано способствовать верному отражению общественных условий жизни в сознании граждан, формированию таких взглядов и установок в их поведении, которые диктуются насущными потребностями развития общества [9; 30-31].

Как представляется, основная задача правового воспитания состоит в формировании высокого уровня правосознания граждан, ориентированного на повышение их социально-правовой активности. Исходя из этой задачи, правовое воспитание следует сосредоточить на формировании в правосознании граждан России таких компонентов, как:

- а) знание системы основных правовых предписаний, правильное понимание и уяснение их содержания и значения;
- б) глубокое внутреннее уважение к праву, законам, законности и правопорядку;
- в) умение самостоятельно применять правовые знания на практике;
- г) привычка поведения в точном соответствии с полученными правовыми знаниями;
- д) прочный и устойчивый духовный правовой иммунитет к совершению любых нарушений правовых норм [2; 48].

Правовое воспитание, как впрочем, и весь воспитательный комплекс, выполняет две основные функции. Первая состоит в передаче воспитываемым (индивидам, общественным группам) определенной суммы правовых знаний, навыков и умений, вторая – в формировании правовых идей, чувств, убеждений в правосознании указанных субъектов.

Систему мер правового воспитания необходимо конструировать с особой четкостью, не допускающей постановки пространственных задач и заведомо недостижимых целей, устанавливая и используя не случайные, а их закономерные зависимости, придавая ей, с одной стороны, формализм, а с другой – творческий практицизм, что позволяло бы говорить не только о существовании собственно самого механизма правового воспитания, но и о его эффективности.

Правовоспитательные мероприятия, отмечает Е.К. Матевосова [8; 33], должны проводиться в отношении всех категорий граждан, без исключения, в том числе независимо от субъективной оценки собственного уровня правовоспитанности. Однако принуждение к правовому воспитанию с использова-

нием силовых методов и способов таит в себе серьезную угрозу – обратный эффект, при котором необходимость правового воспитания, как нечто насаждаемого властью, слепо отрицается.

Таки образом, правовое воспитание – сложная и многоаспектная система деятельности, особая роль в которой принадлежит образовательной системе. Еще в юношеском возрасте, когда формируются личностные установки человека, необходимо закладывать основы для становления человека, уважающего закон. Конечно, многие правовые ценности, имея основу и происхождение в моральных нормах, усваиваются личностью в процессе разнообразной социальной практики, через иные неправовые формы и каналы общественного сознания. Однако правовое воспитание предполагает создание специального инструментария по донесению до разума и чувств каждого человека правовых ценностей, превращение их в личные убеждения и внутренний ориентир поведения.

Правовое воспитание – это система мер, направленных на внедрение в сознание индивидов демократических правовых и моральных ценностей, принципов права, стойких убеждений в необходимости и справедливости норм. Целями правового воспитания являются: достижение прочных знаний людей о законодательстве, законности, правах и обязанностях личности, в первую очередь тех норм, которые непосредственно касаются человека.

Источники:

1. Бабенко А.Н. Значение правовых ценностей для процесса правового воспитания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2.
2. Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания: учебное пособие. Ростов н/Д, 1999.
3. Бугаенко Ю.Ю. Правовое воспитание современной молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4.
4. Головченко В.В. Эффективность правового воспитания: понятие, методика, критерии измерения. Киев, 1985.
5. Гук А.А. Средства формирования правовой культуры личности // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6(31).
6. Долгополов О.А. Организация правового воспитания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
7. Кравцов Р.В. Правовое воспитание личности в контексте аксиологии права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
8. Матевосова Е.К. Значение правового воспитания в условиях построения правового государства // Юридическое образование и наука. 2012. № 2.
9. Певцова Е.А. Актуальные проблемы формирования правовой культуры юристов. М., 2010.
10. Стреляева В.В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

УДК: 340.5

Диамбу Бубакар
аспирант кафедры гражданского права,
Кубанский государственный университет (Мали)
Diambou Boubacar
graduate student of civil law, Kuban State University (Mali)

**РЕГИСТРАЦИЯ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ
КОММЕРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И МАЛИ**

**REGISTRATION OF PERSONS ENGAGED IN COMMERCIAL
ACTIVITIES ACCORDING TO THE LEGISLATION OF
RUSSIA AND MALI**

Аннотация. В статье анализируются основные положения о регистрации лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, по законодательству России и Мали. Выявляя их сходство и различия, автор делает вывод о том, что последствия отсутствия регистрации в обеих странах одинаковы, в то время как виды регистрации различаются. В силу преобладания неформального сектора экономики в Мали введена регистрация лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, на основе подачи декларации о занятии определенной деятельностью.

Ключевые слова: регистрация, коммерческая деятельность, реестр, индивидуальные предприниматели, *entreprenant*.

Annotation. The article analyzes the main provisions for the registration of persons engaged in commercial activity, according to the legislation of Russia and Mali. It identifies their similarities and differences, the author concludes that the consequences of the absence of registration in both countries are the same, while the types of registration are different. Due to the predominance of the Informal Sector in Mali, the registration of persons engaged in commercial activity was introduced on the basis of their submitting a declaration of their occupation in certain activities.

Key words: registration, commercial activity, registry, individual entrepreneurs, *entreprenant*.

В философии термин «лицо» применяется исключительно к человеку, обозначая либо целостность человека (лат. *persona*), либо его социальный и психологический облик (лат. *personalitas*) [11, с. 314]. В правовой науке понятие лица не совпадает с понятием человека, на что указывалось еще в дореволюционной цивилистике. Так, Д.И. Мейер писал: «...Понятие о лице в смысле юридическом не совпадает с понятием о человеке; иногда оно теснее, иногда шире понятия о человеческой личности; иногда положительное право не

признает за человеком никаких прав, иногда и не только люди одаряются способностью к правам» [9, с. 84]. Понятие «лицо» в гражданском праве применяется не только к человеку, но и к объединениям людей (юридическим лицам), поэтому лица разделяются на лиц физических и лиц юридических. Данное понятие является родовым и относится ко всем субъектам гражданского права, на что указывает структура соответствующего раздела Гражданского кодекса РФ¹. Так, подраздел второй первого раздела ГК РФ называется «лица» и включает в себя три главы, одна из которых посвящена гражданам (физическим лицам), а две другие – юридическим лицам и публично-правовым образованиям.

Способности, характерные черты и воля того или иного лица раскрываются в его деятельности, под которой понимается совокупность действий субъекта, направленных на удовлетворение его потребностей и интересов, например, в коммерческой деятельности. Учитывая, что регламентация деятельности предпринимателей России и Мали имеет специфические особенности, вопросы регистрации субъектов коммерческой деятельности представляют не только научный, но и практический интерес².

Вопросы о регистрации предпринимателей хорошо изучены в российской [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 10] и европейской правовой науке [4; 12; 13; 14; 15], чего нельзя сказать о Республике Мали, в которой публикации по проблемам коммерческого права крайне малочисленны.

В коммерческой сфере стран Африки существует общий правовой принцип свободы торговли. Малийское позитивное право по этому поводу уточняет, что коммерция (торговля) со всеми странами является свободной³. Это означает, что никаких специальных условий, чтобы стать коммерсантом, не требуется, поскольку любое лицо может совершать торговые сделки, как случайно, так и в качестве профессии. Однако Декретом д'Аллар-да зафиксировано, что свобода для всех лиц осуществлять торговлю или заниматься любой профессией, искусством или ремеслом обуславливается предварительным приобретением патента, его оплатой и соблюдением обязательных правил, которые приняты или могут быть приняты [13, с. 4]. Свобода торговли и

¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² В частности, практическое значение имеют вопросы доказывания факта занятия предпринимательской деятельностью. Так, Верховный Суд РФ отметил, что доказательствами, подтверждающими факт занятия деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли, лицами, не зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, могут являться различные финансово-хозяйственные документы, если из них следует, что денежные средства поступили за реализацию этими лицами товаров (выполнение работ, оказание услуг), размещение рекламных объявлений, выставление образцов товаров в местах продажи, закупки товаров и материалов, заключение договоров аренды помещений (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях» // Бюллетень ВС РФ. 2006. № 12).

³ Ст. 1 Декрета № 00-505/P-RM от 16 октября 2000 «О регламентации внешней торговли» // JORM от 30.11.2000. № 33. С. 1292.

промышленности ограничивается законом, устанавливающим пределы ее осуществления и исключения из данного принципа⁴.

Согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Из данной нормы прямо вытекает, что государственная регистрация является необходимым условием осуществления предпринимательской деятельности. Под государственной регистрацией предпринимателей понимаются акты уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемые посредством внесения в государственный реестр сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, приобретении физическими лицами статуса индивидуального предпринимателя, прекращении физическими лицами деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, иных сведений о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях⁵.

В Мали под коммерсантами понимаются лица, для которых совершение торговых сделок (*acte de commerce par nature*) является профессией (промыслом)⁶. К таким лицам относятся физические лица и торговые товарищества, обязанность регистрации которых прямо вытекает из ст. 25, абз. 1 ст. 35 и 46 AUDCG и ст. 97 AUSCGIE⁷. Торговые посредники (комиссионер, куртье и коммерческий агент⁸), которые в строгом смысле слова коммерсантами не являются, поскольку находятся в зависимой связи посредством договора поручения, согласно ст. 170 AUDCG приравниваются к коммерсантам и также подлежат регистрации. Обязанности по регистрации возложены и на юридических лиц гражданского права⁹ (ст. 6 AUSCGIE), дочерние предприятия, объединения по экономическим интересам (ст. 872 AUSCGIE), государственные учреждения, осуществляющие экономическую деятельность и обладающие юридической и финансовой самостоятельностью (ст. 35 AUDCG). Кроме этого, положения AUDCG расширили круг лиц, подлежащих регистрации, и отныне предусматривают в числе новых субъектов регистрации осо-

⁴ Ст. 6 Единообразного Акта «Об общем торговом праве» от 15 декабря 2010 г. // JO OHADA от 15.02.2011. № 23. (Далее – AUDCG.)

⁵ Ст. 1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

⁶ Ст. 2 AUDCG.

⁷ Пересмотренный Единообразный акт о торговых фирмах и объединениях по экономическим интересам // JO OHADA Spécial от 04.02.2014. (Далее – AUSCGIE.)

⁸ Согласно п. 7 абз. 1 ст. 3 AUDCG этот перечень исчерпывающим не является.

⁹ В праве Мали все юридические лица подразделяются на гражданские и торговые товарищества. Первые именуются юридическими лицами гражданского права (*personnes morales de droit civil*), а вторые – юридическими лицами торгового права (*personnes morales de droit commercial*).

бых независимых профессионалов – *entreprenants*¹⁰, любые другие объединения, обладающие правосубъектностью, и любых иных физических лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, которые подлежат регистрации на основании норм национального законодательства государства-участника договора ОНАДА¹¹. Таким образом, в отличие от российского ГК, указывающего на обязательность государственной регистрации лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, но не конкретизирующего таких лиц, п. 1 ст. 35 AUDCG дает точный перечень подлежащих коммерческой регистрации субъектов, предоставляя при этом национальным законодателям право расширять этот перечень.

В Российской Федерации регистрация предпринимателей осуществляется в государственном реестре, который дифференцируется на два специальных государственных реестра: единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) и единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП)¹².

В Республике Мали регистрация осуществляется в торговом реестре и реестре гарантий по обеспечению исполнения обязательств недвижимым имуществом (далее – RCCM), что вытекает из абз. 1 ст. 1 AUDCG и Единообразного Акта «Об организации способов обеспечения исполнения обязательств»¹³. Согласно ст. 34 AUDCG функция RCCM заключается в записи и учете лиц, осуществляющих коммерческую деятельность; применении декларации об осуществлении деятельности *entreprenants*; предоставлении доступа к содержащейся в реестре информации и обеспечении потребностей в безопасности, скорости, транспарентности и лояльности экономических отношений; регистрации договоров лизинга и других гарантий обеспечения исполнения обязательств.

Законодательство Мали отличает регистрацию лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, от декларации о занятии определенной деятельностью. Регистрация заключается во внесении лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, в RCCM в течение месяца, следующего за их учреждением или изменением статуса, а также фиксации судебных решений, касающихся этих лиц, в результате которых они приобретает статус коммерсанта (ст. 59 AUDCG). Декларация же о занятии определенной деятельностью

¹⁰ *Entreprenant* – это индивидуальный предприниматель, физическое лицо, которое осуществляет профессиональную коммерческую, ремесленную или сельскохозяйственную деятельность на основе простой декларации (абз. 1 ст. 30 AUDCG).

¹¹ Перечень лиц, подлежащих регистрации, содержащийся в ст. 35 AUDCG не является исчерпывающим, поскольку государства-члены ОНАДА могут устанавливать обязанность торговой регистрации иных лиц, не указанных в данной статье.

¹² О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 30.03.2015) // Российская газета. 2001. № 153-154. 10 авг.; 2015. № 70. 6 апр.

¹³ «Об организации способов обеспечения исполнения обязательств»: пересмотренный Единообразный Акт от 15.12.2010 // Ю ОНАДА от 15.02.2011. № 22. (Далее – AUS.)

заключается в официальном объявлении лица о своем намерении получить статус *entrepreneur* и использовать преимущества, связанные с данным статусом.

Таким образом, и государственный реестр РФ, и торговый реестр стран OHADA подразделяются на две части. Но в отличие от российского государственного реестра, осуществляющего регистрацию предпринимателей в зависимости от организационно-правовой формы деятельности, право OHADA в одном реестре производит регистрацию всех предпринимателей независимо от их организационно-правовой формы (торговый реестр), а во втором – регистрацию гарантий, основанных на движимом имуществе и предоставленных коммерсантами своим кредиторам (реестр гарантий по обеспечению исполнения обязательств недвижимым имуществом).

Лица, имеющие различную государственную принадлежность – России или Мали, – могут осуществлять коммерческую деятельность на территории названных государств при соблюдении национальных процедур, легитимирующих их деятельность. Право, подлежащее применению при определении правового положения лиц, осуществляющих коммерческую деятельность в юрисдикционном пространстве РФ, определяется главой 67 ГК РФ. В частности, право физического лица заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица в качестве индивидуального предпринимателя определяется по праву страны, где такое физическое лицо зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя; если это правило не может быть применено ввиду отсутствия обязательной регистрации, применяется право страны основного места осуществления предпринимательской деятельности (ст. 1201 ГК РФ).

Признание за участником деятельности статуса предпринимателя является юридическим фактом и влечет за собой определенные правовые последствия¹⁴. Выписка из торгового реестра страны происхождения или иное эквивалентное доказательство юридического статуса иностранного лица в соответствии с законодательством страны его местонахождения, гражданства или постоянного места жительства имеет существенное значение, поскольку подтверждает юридический статус иностранного лица [См.: 6, с. 625].

Гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (п. 1 ст. 23 ГК РФ). Гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требования о государственной регистрации, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он

¹⁴ См.: Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц: Информационное письмо от 16.02.1998 № 29 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 4; Обзор практики рассмотрения по делам с участием иностранных лиц, рассмотренных арбитражными судами после 1 июля 1995 года: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.12.1996 № 10 // Вестник ВАС РФ. 1997. № 3.

не является предпринимателем. Суд может применить к таким сделкам правила ГК РФ об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (п. 4 ст. 23 ГК РФ).

Ситуация в малийском праве является аналогичной. Указанные лица формально не приобретают статуса коммерсанта и не могут пользоваться преимуществами, связанными с таким статусом, но при этом не могут уклоняться от исполнения возложенных на коммерсантов обязанностей [15, с. 132].

Говоря о регистрации индивидуальных предпринимателей, следует отметить, что законодательство Мали разграничивает регистрацию физических лиц и регистрацию *entreprenants*.

Физическими лицами, подлежащими регистрации, являются те, которые приобрели качество коммерсанта и осуществляют коммерческую деятельность в одном из государств-членов OHADA, в частности, приобретатель торгового фонда, управляющий арендатор предприятия и коммерческий агент, а также независимые профессионалы, занимающиеся деятельностью в неформальном секторе. Процедура регистрации осуществляется посредством подачи заявления на специальном бланке в канцелярию компетентной юрисдикции. Этот бланк предусматривает сообщение информации, касающейся личности коммерсанта или независимого профессионала, подлежащего регистрации, а также информации, касающейся осуществляемой им деятельности или деятельности, которую он намерен осуществлять (ст. 44 AUDCG). Кроме этого, заявитель обязан сообщить информацию о вторичном торговом или дочернем предприятии, если он ими обладает. Документы, перечисленные в ст. 45 AUDCG, должны быть приобщены к заявлению.

Кроме этого, на *entreprenant* лежит обязанность предоставления документов, подтверждающих его личность, а также режим имущественных отношений с супругом и, наконец, заявления о том, что он не ограничен в дееспособности (ст. 10 AUDCG). Уместно отметить, что формальности, связанные с декларацией, не сопровождаются какими-либо платежами, что, по нашему мнению, составляет отличную мотивацию для субъектов выйти из теневого сектора экономики.

Таким образом, по законодательству России и Мали субъекты предпринимательской (коммерческой) деятельности могут заниматься таковой с момента государственной регистрации. Лица, осуществляющие подобную деятельность, но не прошедшие государственную или коммерческую (торговую) регистрацию, не приобретают юридического статуса предпринимателя (коммерсанта), однако являются таковыми с фактической точки зрения, поэтому к ним применяются правила внутреннего законодательства, связанные с предпринимательской (коммерческой) деятельностью.

В отличие от российского подхода законодательство Мали предусматривает и такой вид регистрации, который неизвестен российскому праву, –

регистрацию по декларации о занятии определенной деятельностью.

Источники:

1. Бандуров Д.Н. Общая характеристика законодательства о регистрации коммерческих организаций // Сравнительные опыты кафедры гражданского права и процесса СГУ: Сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – С. 6-16.
2. Гордеева Е. В. Проблемы государственной регистрации коммерческих организаций // Вестник Московского университета МВД России. – 2006. – № 8. – С. 72-73.
3. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. В 2-х т. Т. 1. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 560 с.
4. Жамен С., Лакур Л. Торговое право. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 254 с.
5. Залесский В. В. Вопросы совершенствования системы государственной регистрации коммерческих организаций // Юстиция. – 2005. – № 5. – С. 56-66.
6. Звеков В. П. Международное частное право: курс лекций. – М.: Норма-Инфра М, 1999. – 686 с.
7. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник / под ред. В. Ф. Попондопуло. – М.: Проспект, 2010. – 608 с.
8. Крамаренко А. С. Порядок государственной регистрации коммерческих организаций с иностранными инвестициями // Право и экономика. – 1999. – № 10. – С. 12-24.
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2-х ч. Часть 1. – М.: Статут, 1997. – 290 с.
10. Радкевич А. Л. Место и роль государственной регистрации в процедуре возникновения коммерческих организаций, как субъектов гражданского права, создаваемых в уведомительном порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – 25 с.
11. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
12. Mercadal B., Macqueron P., Le droit des affaires en France, éd. Francis Lefebvre, Paris 2003, 560 p.
13. Pédamon M., Droit commercial : commerçant et fonds de commerce, concurrence et contrats commerce, 2e éd., Dalloz, Paris, 2000, 448 p.
14. Santos A. P., Alemawo K., Le registre du commerce et du crédit mobilier in Encyclopédie du droit OHADA (sous dir. de Paul Gérard Pougoué), Paris, Lamy, 2011, p. 1510-1545.
15. Santos A. P., Toé J. Y., OHADA - Droit Commercial général, Collection « Juriscope - Droit uniforme africain », Ed. Bruyant, Bruxelles, 2002, 478 p.

Жинкин С.А.

*декан юридического факультета, д.ю.н.,
Кубанский государственный университет*

Zhinkin S.A

Dean of juridical faculty of the Kuban state university

Агасян К.Р.

*аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет*

Agasian K.R.

Lawfaculty of the Kuban state university

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВА И ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE RIGHTS AND IDENTITY IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых актуальных проблем, связанных с взаимодействием личности и правовой системы. Необходимо изучать право и правовые явления в личностном контексте, с позиций необходимости личностного роста и самореализации.

Ключевые слова: личность, право, взаимодействие, личностный рост и самореализация.

Annotation. The article is devoted to the study of some relevant problems associated with the interaction of the individual and the legal system. It is necessary to study law and legal phenomena in the personal context, from the standpoint of the need for personal growth and fulfillment.

Key words: person, law, interaction, personal growth and fulfillment.

Исследование права как социально-духовного регулятора, продукта духовного творчества, явления цивилизации и культуры, неотделимо от изучения личности, ее природы, основополагающих качеств человека, от анализа проблем бытия людей в мире права.

В литературе отмечается, что антропологическая ориентация существенно важна для дальнейшего развития правовой науки в 21 веке. Объективными предпосылками все увеличивающегося значения антропологии права являются: во-первых, возрастающее значение гуманизации правоведения; во-вторых, бытие человека в сфере права и утверждение свободы человека, порождающей свободу генерирования правовых культур, а также бытие «правового человека» в современных правовых системах, в национальных, этнических, религиозных и культурных общностях; в-третьих, развитие институциональных элементов правового государства и гражданского общества (человека, государства, правовой практики); в-четвертых, возрастающая роль

развивающихся государств и традиционных правовых систем, характеризующаяся многими самобытными чертами и тенденциями; в-пятых, расширение экономических и культурных, научно-технических и правовых связей между государствами [4; 63].

К сожалению, в современном российском обществе и государстве такое представление о человеке является весьма и весьма размытым, подвергается попыткам необоснованной «вестернизации», отрыва от своих духовных и культурных корней. Главная ответственность за это лежит на государстве, его конкретных органах. Традиционно право рассматривалось как внешняя по отношению к личности сила, реализующая одностороннее воздействие на ее сознание и волю. Способы воздействия и соответствующего ему реагирования со стороны личности определялись при этом как производные от содержания и формы выражения правовых предписаний, а также от характера санкций за их неисполнение. В действительности все обстоит гораздо сложнее, поскольку в процессе правового регулирования определяющую роль играет личность с присущей ей способностью к самоорганизации и управлению своим социальным поведением. Реализация ее внутреннего потенциала через осознанное использование своих прав и выполнение обязанностей требует наряду с применением юридических средств, предписывающих и ограничивающих образ действия личности, все шире использовать средства, стимулирующие ее социальную активность, диспозитивные формы регулирования, предусматривающие нормативное определение юридических возможностей в пределах социально оправданной свободы выбора [3; 5].

Нельзя не признать, что во многих работах формирование и развитие права по сути отрывается от самого его творца – человека, его мировоззрения, его высших основополагающих духовных, психологических принципов, а сами эти принципы попросту игнорируются. З. Фрейд в свое время писал: «Нельзя предположить, что экономические мотивы являются единственными, определяющими поведение людей в обществе. Уже тот несомненный факт, что различные лица, расы, народы в одинаковых экономических условиях ведут себя по-разному, исключает единовластие экономических мотивов. Вообще непонятно, как можно обойти психологические факторы, когда речь идет о реакциях живых человеческих существ, ведь дело не только в том, что они уже участвовали в установлении этих экономических отношений, и при их господстве люди не могут не вводить в игру свои первоначальные влечения, свой инстинкт самосохранения, свое стремление к агрессии, свою потребность любви, свое желание получать удовольствие и избегать неудовольствия» [5; 413].

Как известно, господствовавший долгое время в отечественной науке «социологизированный» взгляд на человека, как представляется, предопределял и некоторую односторонность в понимании основ правового воздействия на личность, а значит – и основ эффективности нормативных предписаний.

На вооружение была взята мысль К. Маркса (знаменитый шестой тезис о Фейербахе), о том, что человек представляет собой совокупность всех общественных отношений.

Правовое предписание, в том числе выраженное в законодательстве, усваивается личностью и получает относительно самостоятельную жизнь в ее духовном мире. Личность преломляет это предписание сквозь призму своих знаний, эмоций, навыков, идеалов, потребностей, и в этом контексте право выступает не только средством воздействия, регулирования, внешнего контроля, но действенным средством саморегуляции, зависящей от внутренних свойств самой личности, стимулом ее саморазвития. Таким образом, личность в отношении права выступает в качестве самоформируемой.

Данное положение приводит нас к выводу о необходимости правового воздействия не только на формирование личности, но и на ее самоформирование. Обеспечение правильного, социально и культурно адекватного самоформирования личности должно стать важной формой не только ее совершенствования, но и повышения психологической эффективности норм законодательства.

При анализе проблем взаимодействия правовой системы и личностных структур необходимо руководствоваться методологической посылкой о том, что право – это творение человека и как любое человеческое творение может быть понято только через призму его идей [6; 16]. Следует согласиться с А.И. Брызгаловым в том, что во главу угла правовых исследований должен быть поставлен человек со своим свободным социально-творческим потенциалом. Характеризуя отечественные правовые исследования, он пишет, что «по существу, теоретические разработки отделяли право от конкретного человека, от его форм существования. Все сводилось лишь к тому, что отдельный индивид должен всегда следовать установкам и правилам, которые созданы без него. (Хотя человек тем и ценен, что способен к самостоятельному творчеству). Юридическая наука не должна снимать с себя ответственность за то, что не развивала творческий потенциал личности, а только способствовала созданию правовой отчужденности человека» [2; 49].

Изучение правового воздействия на личность должно исходить из того, что внутреннее содержание личности – не простой результат механического, само собой разумеющегося внедрения в ее сознание закономерностей объективного мира, а итог внутренней саморегулятивной работы самой личности, в процессе которой независимое от ее сознания содержание внешних факторов как бы «овнутряется» и становится орудием деятельности индивида. Иными словами, детерминированность личности внешними условиями осуществляется посредством ее субъективности, а не помимо нее. Важнейшую роль при этом играет система идей, принципов, идеалов, ценностей, механизм ценностной ориентации данного индивида.

Итак, в настоящее время назрела необходимость фундаментально ис-

следовать систему объекта воздействия права – личность на правовом уровне ее существования. Изучение этих вопросов в данном аспекте, «правового в личности» определяет необходимость сущностно-содержательной, структурной и ценностной характеристики правового уровня ее духовного и материального существования.

Поведение человека зависит не только от социальных факторов, но и от духовных, культурных, от особенностей мировоззрения и системы саморегуляции личности. На эти моменты, очевидно, должно быть обращено более пристальное внимание в дальнейших исследованиях проблем эффективности права и законодательства, социальных основ правотворчества, факторов, влияющих на развитие и содержание позитивного права.

Исследование процессов построения человеком своей социальной и личностной идентичности, формирования персональной системы ценностей, когнитивных механизмов, обеспечивающих индивидуальные стратегии поведения в изменяющихся социальных обстоятельствах, т.е. того, что в целом можно определить как активность личности в ходе социализации, составляет сегодня значительную часть социально-психологического знания [1; 43]. В то же время необходимо не только научное исследование соответствующих вопросов, но и преломление их в практической плоскости, в государственной политике.

Итак, личность представляет собой наиболее непосредственный объект воздействия права и, в конечном итоге, основную цель правового регулирования. От уровня ее сознания, характера правовой активности зависит в значительной степени действенность, эффективность правовой системы, правовой политики, права как социально-духовного регулятора и отдельных норм законодательства. Представляется, что исследование эффективности правового воздействия на личность должно исходить из того, что такое воздействие носит характер взаимодействия, а личность является главным объектом правового воздействия, определяющим и степень и характер действенности правовых предписаний, в том числе закрепленных в нормативно-правовых актах государства.

Источники:

1. Белинская Е.П. Исследование личности: традиции и перспективы. В кн: Социальная психология в современном мире. М., 2002.
2. Брызгалов А.И. Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения. // Журнал Российского права. 2001. №6.
3. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. М., 1989.
4. Саидов А.Х. О предмете антропологии права. // Государство и право. 2004. №2.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
6. Шпренгер Г. Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости. // Государство и право. 2004. №5.

Казаков Г.А.
*аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
(e-mail: decanat-jf@mail.ru)*
Kazakov G.A.
Lawfaculty of the Kuban state university

ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE GOALS AND THE PRINCIPLES OF LAW MODERNIZATION IN MODERN RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена исследованию целей и принципов модернизации в современной России, в том числе в политико-правовой сфере. Важнейшие цели и принципы связаны с развитием личности, реализацией ее потребностей.

Ключевые слова: право, цели, принципы, модернизация, современная Россия.

Annotation. This article is devoted to learning of the goals and the principles of modernization in modern Russia, including political and law spheres. Main of them connected with development of person and realization of personal requirements in law regulation.

Key words: law, goals, principles, modernization, modern Russia.

Модернизационные процессы охватили различные сферы российского общества и государства, правовую систему. В этих условиях представляется необходимым упорядочить эти процессы на основе общепризнанных целей и принципов. В условиях глобализации перед Россией не должна стоять задача механической гармонизации, или слепого приведения национального законодательства в соответствие с международным правом. Причем в данном случае речь идет не только и не столько о сравнении двух правовых систем с точки зрения лучше – хуже. Определяющим критерием должны выступать национальные интересы и возможности государства на данном этапе обеспечить полноценную реализацию соответствующих норм [7; 3].

Смысл российской модернизации ни в чем ином, как в следовании простой истине освобождения от субъективного произвола власти, какими бы благими целями он ни был мотивирован [3; 31]. В литературе обоснованно говорится также об осуществлении личностного проекта в социокультурной среде [3; 32].

Модернизация неразрывно связана с кардинальным повышением информационного обеспечения юридических процессов. Как отмечается в литературе, расширение сферы использования информационных ресурсов требует

адекватного правового регулирования общественных отношений, связанных с информацией. Информатизация порождает для государства обязанность обеспечить состояние защищенности интересов граждан, общества и государства, а также создать условия для качественного и эффективного обеспечения граждан, органов государственной власти, общественных объединений достоверной информацией. Необходимо также обеспечить совместимость информационных систем в едином информационном пространстве.

Итак, обозначим основные цели правовой модернизации применительно к современной России. В качестве целей правовой модернизации могут рассматриваться повышение уровня и качества правовой жизни общества и его отдельных частей, социальных групп, обеспечение самореализации личности посредством права. Другими целями выступают оптимизация правового регулирования и повышение его эффективности, укрепление законности и правопорядка, усиление дисциплины и социальной ответственности, повышение правовой культуры общества и конкретного индивида.

Можно выделить ряд целей правовой модернизации в социальной сфере. Через структуры управления обществом, культурой, средствами информации, создание условий для самоуправления, для развития семьи, личности, государство формирует духовное и физическое здоровье граждан и призвано оберегать его [2; 10]. Целью правовой модернизации можно также считать достижение динамического равновесия между началами свободы и равенства в социальной жизни.

Целью и одновременно одним из принципов проведения модернизации в социально-правовой сфере должно являться сохранение и укрепление порядка. Имеется в виду не только простая упорядоченность наиболее важных общественных отношений, но и наиболее целесообразное функционирование звеньев правовой системы, гармоничное взаимодействие между ними, поддержание безопасности в обществе. Важнейшим аспектом порядка служит то, что можно назвать порядочностью – соответствием организационных и политических структур человеческим интересам и потребностям [1; 20].

Целью (принципом) проведения правовой модернизации является и безопасность. В литературе и политической практике существуют два основных подхода к интерпретации проблемы безопасности. В рамках первого подхода, который можно было бы назвать «этатистским», безопасность рассматривается как защищенность интересов общества и государства, и к ее сфере относится то, чем занимаются соответствующие ведомства. При такой версии безопасность измеряется степенью контроля этих ведомств над обществом. Но ограничение политики безопасности сферой интереса правящих групп оборачивается нарастающим отстранением общества от влияния на власть и в конечном итоге делает ее все менее защищенной и более уязвимой. В рамках второго подхода, который можно было бы назвать «демократическим», смысл безопасности видится в отсутствии угрозы жизни и основным

атрибутам человеческого существования (семье, этносу, окружающей среде, собственности, культуре) [1; 21]. Тем самым безопасность рассматривается как защищенность основных жизненных и социальных ценностей.

Важнейшими аспектами безопасности как цели (принципа) правовой модернизации являются:

- военный, предполагающий защиту общества и государства от внешней угрозы;
- политический, связанный с обеспечением классового мира, национального согласия, территориальной целостности, устранение причин социальных, в том числе межнациональных, конфликтов;
- правовой, выражающийся в наличии реальных гарантий защиты личности и общества от правонарушений и произвола со стороны самих государственных органов;
- экономический, характеризующий способность экономики к устойчивому развитию;
- экологический, состоящий в способности государства и права осуществлять эффективную охрану окружающей природной среды;
- технологический, обеспечивающий внедрение новых технологий и обеспечение надлежащих условий для их создания;
- информационный, состоящий в возможности получения полной и достоверной информации и вместе с тем в ограждении общества от информации экстремистской направленности;
- медицинский, состоящий в обеспечении правовыми средствами эффективной охраны здоровья и борьбы с эпидемиями, наркоманией и алкоголизмом.

Важнейшей целью правовой модернизации является установление контроля за информационными потоками. Кроме того, информация должна подвергаться обработке на предмет ее восприимчивости и полезности. Утрата информационного контроля над обществом оборачивается социальной дестабилизацией, разрушением государства и правовой системы.

Распространение правовой информации не является самоцелью, а направлено на формирование положительного общественного мнения, доверия граждан и социальных групп к государству и правовой системе.

Одной из целей правовой модернизации выступает также обеспечение прямого общения, диалога государства и общества, личности и власти.

Другая цель – формирование и усиление правозащитного характера деятельности государства. Как отмечается в литературе, для государства необходимо создать такие условия, при которых ему было бы невыгодно экономически, политически, юридически, нравственно нарушать права и свободы человека и гражданина [6; 156].

Еще одна цель – повышение социально-правовой активности и ответственности личности. Ответственность личности связана с индивидуализмом,

усилением автономного начала, являющегося обязательным для осуществления прав и свобод, формирования правовой государственности в России. Однако индивидуализм имеет различные проявления, и если он не основан на высоком уровне культуры, в том числе и правовой, можно ожидать проявления его отрицательных сторон [6; 157].

Одной из целей и одновременно фактором модернизации является формирование развитого гражданского общества. В литературе отмечается, что формирование гражданского общества в России в современных условиях глобализации социально-экономической жизни – это единственный путь, позволяющий выдержать натиск глобальной конкуренции и не остаться «на задворках» мировой экономики [4; 86].

Одной из целей модернизации в юридико-идеологической сфере является формирование идеологии, направленной на поддержку инноваций и постоянного развития. Иногда в качестве такой идеологии называют утилитаризм, который потенциально несет в себе рост значимости личностного начала, ценностей прогресса и развития. При этом отмечается, что потребительский утилитаризм должен уравниваться производительным и трудовым [5; 67].

Достижение целей модернизации должно основываться на определенных принципах. В качестве принципов проведения правовой модернизации можно назвать следующие:

- 1) выстраивание приоритетов юридической деятельности, правовой политики государства и соответствующего реформирования;
- 2) предвидение социальных последствий модернизационных мероприятий;
- 3) ориентация на достижимые цели и выбор адекватных средств модернизации;
- 4) разработка и нормативное закрепление механизмов проведения правовой модернизации.

В целом, модернизация должна сопровождаться следующими тенденциями: постепенный переход от запретительно-предписывающего характера регулирования к преимущественно дозволительному, при котором акцент делается на правовых дозволениях, субъективных правах и законных интересах; обретение личностью более устойчивого и защищенного правового статуса; все большее правовое ограничение власти; усиление гуманистической тенденции в правовом регулировании и наложении мер юридической ответственности.

Источники:

1. Демидов А.И. Политическая жизнь // Политическая и правовая жизнь модернизирующегося общества / А.И. Демидов, А.В. Малько, А.Ю. Саломатин, В.М. Долгов. Пенза, 2002.
2. Иванов С.И. Модернизация правосознания и правовой культуры общества в современной России (политико-правовые аспекты). Автореф.дисс.канд.юрид.наук. М.,

- 2008.
3. Козловский В.В. Социальные ценности: анализ оснований российской модернизации. Автореф. дисс. докт. филос. наук. СПб., 1995.
 4. Лукьянова Е.Г. Социальный капитал и его роль в построении гражданского общества в России // Государство и право. 2006. №3.
 5. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.
 6. Рыбаков О.Ю. Тенденции развития российской правовой политики // Правоведение. 2004. №3.
 7. Хачинский К.Б. Трансформационные предпосылки глобализации в реформировании и модернизации государственно-правовой системы России (теоретико-правовой аспект). Автореф. дисс. канд. юрид. наук. СПб., 2010.

Казакова Р.А.
*аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
(e-mail: decanat-jf@mail.ru)*
Kazakova R.A.
Lawfaculty of the Kuban state university

О ВЛИЯНИИ ЭТНИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ABOUT INFLUENCE OF ETHNIC AND SOCIAL FACTORS TO DEVELOPMENT AND REALIZATION OF LAW IDEOLOGY FUNCTION IN MODERN RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена вопросам воздействия права в контексте этнических и культурных факторов. Эти факторы необходимо учитывать этнические факторы в формировании правовой идеологии в России.

Ключевые слова: влияние, этнические факторы, социальные факторы, идеологическая функция права, общество.

Annotation. This article is devoted to issues of influence of law in context of ethnic and cultural factors. It is necessary to take into account these factors in formation of law ideology in Russia.

Key words: influence, ethnic factors, social factors, ideology function of law, society.

В литературе справедливо отмечается, что ни одно государство, не обладающее государственно-правовой идеологией, в которой была бы отражена самобытность культурно-правовой истории его народа, не в состоянии сформировать эффективное законодательство [6; 32]. Успех или неуспех любой социальной идеологии, в том числе правовой, в огромной мере зависит от ее связанности с культурными основами жизнедеятельности народа и социума.

Идеологическая функция права в современной России испытывает влияние разнонаправленных факторов. По мнению М.К. Горшкова, в настоящее время в России сосуществуют две различные модели ценностных систем. Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая связана с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеет к патриархально-коллективистской модели ценностей [4; 363]. В связи с этим в современной России особенно необходима гармонизация правовой идеологии с правовой психологией, народным менталитетом. Р.С. Байниязов справедливо указывает на то, что нередко случаи «столкновения» правовой идеологии, законодательной воли с обыденным правосознанием, с массовой правовой психологией граждан. Не всегда граждане понимают и принимают законы, а также общественную значимость нормативного акта, поскольку последний может не соответствовать имманентному правоожиданию людей [1; 16].

Представляется в этой связи, что одной из важнейших и недооцененных задач идеологической функции права в современной России является реализация и защита национальной идеи. По мнению И.Б. Чубайса, дореволюционное российское общество развивалось под знаком русской идеи, включающей такие ценности, как православие, собирание земель, общинный коллективизм. Однако историческое развитие способствовало постепенному девальвированию этих компонентов русской идеи. Так, православие утратило статус духовного интегратора общества; территориальная идейная экспансия советского периода истории (распространение социализма по всему миру) подорвала физические и духовные силы народа; община, игравшая роль основы гражданского общества, сначала исчерпала себя экономически, а затем была заменена советским коллективом, находящимся под контролем государства [10; 2]. Таким образом, в содержательном плане эти компоненты русской идеи себя исчерпали.

В то же время в концепцию русской идеи многие авторы включают такие ценности, как идея экономического прорыва, идея сохранения России в качестве великой державы (в том числе в военном отношении), идея демократической страны, имеющей добрые отношения с остальным миром. Немало авторов считает необходимым включать в национальную идею такие ценности, как справедливость, социальная защита, гражданственность, доброта, что должно, по их мнению, уравновешивать негативные аспекты рыночной экономики и частнособственнических отношений [8; 150].

Как известно, в культурном плане, в том числе и в политико-правовой сфере, конец 20 – начало 21 века отмечен в России новой мощной волной вестернизации. Результатом этой волны явилось не только свободное приобщение образованных слоев общества к мировой культуре, но и основательный подрыв нравственных устоев народа, которому навязываются худшие образцы западной поп-культуры [9; 28]. В то же время одной из самых серь-

езных проблем современной теории права является неэффективность «прививки» российской правовой культуре либеральных политико-правовых ценностей. Многие западные концепции бездумно переносились на российскую почву, причем нередко та или иная политико-правовая модель механически копировалась без учета национально-исторических традиций и особенностей правовой культуры России [5; 39].

Представляется, что необходимо кардинальное изменение идеологии взаимодействия народа и властных структур. Такое изменение должно быть не только идеологическим, но и нормативно-правовым. К сожалению, сложившийся политический режим в современном российском обществе, по данным социологических опросов, ассоциируется в массовом сознании преимущественно не столько с демократией, сколько с политикой административного диктата и произвольного использования власти высокопоставленными должностными лицами, чиновниками [2; 33]. Поэтому важной задачей является изменение отношения российских граждан к власти. По справедливому замечанию Л.М. Ганцевой, власть для русских людей – не набор прав и, что еще важнее, обязанностей, а конкретная личность, которая осуществляет власть по своему усмотрению. Для русского менталитета характерно особое отношение к власти, перевод этого абстрактного понятия в личностную форму [3; 46]. В этом же ключе высказывается и Р.С. Байниязов, который отмечает, что необходимо изменить сущность российского правосознания, менталитета, поскольку российский человек склонен идентифицировать авторитет власти, ее реальную силу с определенным лицом (персонализация государства) [1; 17]. Практика государственно-правового строительства 20 века показала, насколько велика может быть цена ошибки, связанной с персонализацией власти и проведения политики на основе «харизматизации» руководителя государства.

Приходится делать вывод, что постоянные изменения государственных институтов и всей государственности в России являются неотъемлемой чертой ее прошлого и неизбежны в ее будущем. Этот феномен российской идентичности обуславливается взаимосвязью двух факторов. В онтологической части – это установка россиян на непрерывный поиск индивидуального и национального смыслов жизни (личной и национальной идеи). В феноменальной части – это волюнтаризм власти, вхождение в которую так немоло русскому народу [7; 60]. Важнейшая задача идеологической функции права – нормативно упорядочить эти изменения, создать соответствующие эффективные процедуры.

Очевидно, что современному Российскому государству необходима собственная продуманная концепция общенациональной правовой идеологии, которой в целостном (концептуальном) виде пока нет, что отрицательно отражается на единстве правового пространства России и не позволяет в достаточной мере использовать потенциал юридических средств. В правовой

идеологии важно учесть как общечеловеческий, так и национальный правовой опыт, обосновать ее на началах, с одной стороны, требований времени, с другой – национального менталитета.

Источники:

1. Байниязов Р.С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1998. №3.
2. Бойков В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. №6.
3. Ганцева Л.М. Особенности формирования правового сознания россиян в современных условиях // Вестник Башкирского университета. 2001. №1.
4. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.
5. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002.
6. Колдаева Н.П. К вопросу о роли идеологических факторов в правообразовании // Теория права: новые подходы. М., 1995.
7. Курашов В.И. Нация в общечеловеческом и российском измерениях. Казань, 1999.
8. Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000.
9. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. №10.
10. Чубайс И. Мы построили большой дом, и должны вместе его обустроить // Книжное обозрение. 1997. 8 июля.

Ковтун З.Л.

*преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
(e-mail: decanat-jf@mail.ru)*

Kovtun Z.L.

Lawfaculty of the Kuban state university

ОБ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА

ABOUT THE ASPECTS OF REALIZATION OF REGULATIVE FUNCTION OF LAW

Аннотация. Статья посвящена исследованию различных аспектов реализации регулятивной функции права. Одним из аспектов является воздействие на личность, ее жизненную позицию.

Ключевые слова: право, регулятивная функция, аспекты.

Annotation. This article is devoted to learning of different aspects of law regulative function. One of the aspects is influence on life position of person.

Key words: law, regulative function, aspects.

Нормативное регулирование является неотъемлемым компонентом жизни любого общества. Социальное назначение права состоит прежде всего в регулировании им общественной жизни, в нормировании отношений, свя-

занных с производством, распределением и потреблением. Регулирование правом общественных отношений достигается в значительной степени благодаря тому, что оно является системой норм, указывающих широкому кругу участников общественных отношений варианты определенного поведения. Социальное значение права с самого начала проявляется в необходимости осуществления им регулятивной (правилоустановительной, правилоуказывающей) функции, направленной на координирование поведения людей [5; 43]. Поэтому регулятивная функция считается основной функцией права.

Усложнение социальных взаимосвязей, возрастание их динамизма, повышение социальной активности и мобильности предъявляют все более высокие требования к урегулированности общественных процессов и отношений. При этом важное значение имеет как надлежащий выбор методов и способов правового регулирования, так и надлежащее определение меры урегулированности социальных процессов, соотношения правовых и иных социальных регуляторов, регулирования и саморегулирования. Все это определяет актуальность исследования регулятивного воздействия права в современных условиях, регулятивной функции права и ее новейших трансформаций.

Кроме того, посредством регулирования изменяется и правосознание людей, повышается уровень их общей и правовой культуры. Устанавливая юридические границы политической, экономической, культурной, личной свободы, формулируя общественный долг граждан, государство тем самым юридически открывает (или соответственно закрывает) возможность участия лиц в тех или иных общественных отношениях, а следовательно, в юридическом плане признает или отрицает за субъектами права способность обладания соответствующими правами и обязанностями, а также их способность своими осознанными действиями приобретать права и исполнять обязанности.

Регулятивная функция, с одной стороны, является общей всем формам организации общественной жизни – и политике, и нравственности, и экономике, и религии, – а, с другой стороны, в рамках действующего права она обладает определенной спецификой, например, в характере и средствах воздействия, санкционированности и пр. [4; 153].

Регулятивная функция права – это важнейшая многоаспектная социально-юридическая функция права, выражающая его социальное назначение как социального и духовного регулятора и состоящая в регламентации социальной жизни и поведения людей путем установления субъективных прав и юридических обязанностей, определения круга субъектов тех или иных правоотношений и обстоятельств, ведущих к их возникновению, изменению либо прекращению.

Регулятивная функция права включает ряд стадий, ступеней, которые можно рассматривать и как ее аспекты. По мнению Т.Н. Радько, наделение граждан праводеееспособностью представляет собой определенную (скорее

всего начальную ступень) осуществления регулятивной функции, так как в этой стадии определяется круг лиц, которые станут затем участниками (субъектами) правоотношений. Именно на этой стадии устанавливаются требования к психофизическому состоянию лиц, способных быть носителями прав и обязанностей. С этой целью в законе нередко определяется возраст, состояние здоровья и другие необходимые условия для отнесения лица к праводее-способному, либо наоборот. Праводееспособность является свойством (условием), без которого лицо не может стать субъектом тех или иных правоотношений. Влияние права на действия граждан в этом случае состоит в том, что посредством признания их способности своими действиями осуществлять предоставленные им права и обязанности указываются варианты поведения, следуя которым, граждане добиваются удовлетворения общественных и личных интересов [5; 69].

Путем предусмотрения круга лиц – субъектов права, наделения их определенными правами и обязанностями создаются условия для дальнейшей, более четко согласованной деятельности участников общественных отношений. Право регулирует чрезвычайно широкий и разнообразный круг общественных отношений, имеющих различный экономический, политический, социальный и личный характер. Государство не может безразлично относиться к вопросу о конкретных участниках этих отношений [5; 71].

Еще в советской литературе отмечалось, что без верного теоретического решения проблем, связанных с правовым положением субъектов общественных отношений и, в частности, с правовым положением личности в обществе, нельзя успешно решать вопросы, касающиеся форм и методов воздействия права на общественные отношения, нельзя достаточно верно определить пути дальнейшего совершенствования регулятивной функции права [3; 43]. Определение круга субъектов права и их правового статуса приобретает особую актуальность в современном мире в связи с процессами социальной дифференциации, модернизацией и усложнением социального регулирования.

Закрепление и изменение правового статуса граждан посредством правовых норм является одним из важных путей осуществления регулятивной функции права. Эффективность его зависит от своевременного реагирования законодательства на достижения в политической, экономической, культурной и других сферах общественной деятельности, на социальные потребности.

Определение юридических фактов составляет следующую важнейшую форму осуществления регулятивной функции права и другой важнейший ее аспект. Хотя юридические факты – это прежде всего реальные жизненные обстоятельства, но их определение посредством правовых норм мы относим к одной из форм осуществления регулятивной функции. Ведь фактами, имеющими юридическое значение, являются лишь такие жизненные обстоятельства, которые предусмотрены нормами права. Именно они порождают те или

иные юридические последствия, причем не сами по себе, а в силу того, что они предусмотрены в соответствующих правовых нормах [1; 53].

Определение и закрепление в качестве юридических тех или иных фактов в нормах права является необходимой предпосылкой его эффективного регулирующего воздействия на социальную жизнь. Поскольку с юридическими фактами всегда связывается наступление тех или иных юридических последствий для участников общественных отношений, они играют важную информационную и ориентирующую роль в координации действий граждан, государственных органов и общественных организаций. Кроме того, в данном случае осуществляется непосредственное регулирующее влияние права и его норм на поведение субъектов права, так как с наступлением юридического факта у одних возникают конкретные права, а у других – конкретные юридические обязанности.

Права и обязанности, возникшие в результате наступления юридического факта, необходимо реализовать. В нормах права предусматривается, какие именно права и обязанности возникают по поводу того или иного юридического факта и с наступлением каких обстоятельств они изменяются или прекращаются. На этой стадии достигается наибольшая определенность правового положения субъектов права, точнее говоря, наивысшая степень юридической оформленности их взаимоотношений. Здесь уже речь идет о конкретной правовой связи конкретных лиц, возникшей на основе конкретного юридического факта и вытекающих из него прав и обязанностей [5; 100].

Правоотношения можно рассматривать не только как некую конкретизацию юридической нормы, но прежде всего как форму воплощения в жизнь правовых норм, процесс перехода юридической возможности (долженствования) в фактически существующие отношения. Соответственно, в правоотношениях регулятивная функция права получает свою конкретизацию.

Регулятивная функция выражается не только в том, что устанавливаются определенное правило, рамки поведения, но и в том, что нормы права вызывают в сознании участников отношений мотивацию к правомерному поведению. В этом состоит еще один аспект реализации данной функции.

Как видим, регулирование осуществляется в самых разнообразных формах, поэтому и функциональная характеристика права будет отличаться многоаспектностью. По мнению А.С. Палазяна и В.П. Малахова, наиболее существенными в отражении своеобразия правового регулирования являются организующая и распределяющая функции. При этом правовая организация связана с формированием социальных положений людей, организаций, групп. Распределяющая функция связана со структурированием общества по различным правовым параметрам (правам, обязанностям, благам, заслугам, привилегиям, справедливости, ответственности и пр.), с индивидуализацией (ориентацией на ситуации) регулирования [4; 182].

Процесс правовой регламентации участников общественных отноше-

ний (установление правового статуса, определение правдееспособности, компетенции), благодаря трансплантационной роли юридических фактов, претерпевает весьма существенные изменения. Правовая регламентация, преломляясь через юридические факты, продолжается и в следующей стадии – в правоотношениях. Однако здесь она характеризуется конкретностью содержания прав и обязанностей субъектов права, большей степенью урегулированности их взаимоотношений [5; 97].

Норма права, конкретизируясь в правоотношении, переносится на конкретных лиц – субъектов этого правоотношения. Здесь норма права как бы трансформируется в правомочие либо обязанность участников правоотношения. Поэтому в литературе правоотношение иногда определяется как средство «перевода», переключения общих предписаний правовых норм в плоскость субъективных прав и обязанностей для данных субъектов [1; 54].

Применительно к осуществлению регулятивной функции права можно сказать, что четкая взаимная правовая связь, устанавливаемая в общей форме правовыми нормами между участниками общественных отношений, достигается благодаря тому, что права и обязанности субъектов правоотношений имеют регулятивное содержание.

Конкретная правовая связь способствует устойчивости правового положения участников регулируемых отношений. Конкретизация юридической связи способствует и конкретизации объекта правоотношения, что в свою очередь приводит к достижению требуемого результата, к удовлетворению интереса участников.

Естественно, что регулятивная функция получает свою реализацию в регулятивных правоотношениях. Они возникают в соответствии с предписаниями правовых норм, на основе правомерных юридических фактов и направлены на регулирование общественных отношений путем установления и реализации установленной компетенции, правового статуса, субъективных прав и юридических обязанностей.

Регулятивная функция права проявляется и тогда, когда оно, воздействуя на личность, социально ориентирует ее поступки. Нормы права указывают образцы должного поведения, удерживают от нежелательных для общества действий, влияют на выбор целей деятельности и средств их достижения. Но право не действует как некая стихийная и непреодолимая сила. Существует множество условий, определяющих эффективность его регулятивного воздействия.

Среди них одно из важнейших – интернализация права, то есть усвоение правовых принципов и норм личностью, признание их справедливости и необходимости, отношение к ценностям права как к своим собственным ценностям [2; 11]. Думается, что «ценностная наполненность» регулятивного воздействия является важнейшим фактором его эффективности и его важнейшим аспектом.

Можно констатировать, что правовое воздействие на общественные отношения оказывается с момента издания нормативных актов, содержащих в себе нормы права. Тем самым оказывается серьезное мотивационное и оценивающее воздействие общего характера на сознательно-волевую деятельность людей. Наряду с этим определенные результаты правового воздействия имеют место и в процессе правотворчества, когда обсуждаются проекты нормативных актов, предусматривающие, например, различные формы юридической ответственности. В этой ситуации проявляется идеологическое воздействие права через правосознание на поведение людей, и оно часто достигает положительных результатов в упорядочении общественных отношений: еще до того, как будет принят и издан обсуждаемый нормативный акт. Эти моменты, конечно, необходимо учитывать при разграничении регулятивного и иного воздействия права.

Источники:

1. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып.2. Свердловск, 1964.
2. Бойков А.Д. Некоторые вопросы теории правового воспитания //Правовая культура и вопросы правового воспитания (сборник научных трудов). М., 1974.
3. Кучинский В.А. Правовой статус и субъективные права граждан // Правоведение. 1965. №4.
4. Палазян А.С., Малахов В.П. Функциональная характеристика права: вопросы методологии. М., 2009.
5. Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970.

Пунченко С.И.

*соискатель кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет*

Punchenko S.I.

Lawfaculty of the Kuban state university

О СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПОНЯТИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА И ЕГО НОРМ

ABOUT THE SOCIAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF EFFICIENCY LAW AND IT'SNORM

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с социальными аспектами феномена эффективности права и его норм. Этим аспектам необходимо уделять больше внимания, так как право является важнейшим социальным регулятором.

Ключевые слова: эффективность норм права, социальные аспекты, основные подходы.

Annotation. The article is devoted to issues related to social aspects of the phenomenon of the effectiveness of the law and it's norms. These aspects should be

given more attention, as the right is the most important social regulator.

Key words: efficiency of legal norms, social aspects, basic approaches.

Проблема эффективности норм права достаточно давно является в отечественной науке предметом оживленных дискуссий. Как известно, широкое обсуждение вопросов эффективности в праве в отечественной юридической литературе началось со 2-й половины XX века. В ходе анализа проблем эффективности норм права первоначально акцент был сделан на ее соотношении либо отождествлении с оптимальностью, правильностью, обоснованностью самих норм. Многие авторы продолжали формулировать рассматриваемое понятие через потенциальную способность правового решения оказывать влияние на общественные отношения в определенном направлении (А.С. Пашков, Д.М. Чечот), содействовать достижению желаемой цели (М.Д. Шаргородский), обеспечивать достижение социально полезной и объективно обоснованной цели (В.А. Козлов), обеспечивать нормальный ход правосудия (Д.М. Чечот) и т.д.

В обобщенном виде можно сказать, что под эффективностью правовых норм стали понимать их способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении». В этом плане хотелось бы отметить работы А.С. Пашкова и Д.М. Чечота. Соотнесение эффективности с результативностью было характерно и при изучении правоприменительной деятельности. Так, В.В. Лазарев отмечал, что «в самом общем виде, при первом приближении к вопросу, эффективность правоприменительных актов означает их результативность в достижении поставленных перед данными актами целей [3;52]. Подобные взгляды высказывались в литературе и позже, в постсоветский период. Например, О.Э. Лейст под эффективностью права понимал его осуществимость, которая предопределяется общеизвестностью, понятностью и непротиворечивостью правовых норм, их системностью (хотя бы беспробельными связями материально-правовых и процессуальных норм), соразмерностью социальных целей норм и юридических средств достижения этих целей, обеспеченностью права действенной системой органов правосудия и других правоохранительных органов [4; 93].

Немало авторов понимали эффективность норм права как достижение целей права, соответствие между целями законодателя и реально наступившими результатами. В этом плане особо хотелось бы отметить роль В.И. Никитинского в разработке данного подхода, его работу «Эффективность норм трудового права», а также коллективную монографию «Эффективность правовых норм», в написании которой он принял непосредственное участие. Указанный подход получил в литературе наименование целевого (функционально-целевого) [7; 19-20]. Его сторонники понимали под эффективностью норм права отношение между фактически достигнутым результатом и той целью, ради которой были приняты соответствующие правовые предписания [1; 36]. Серьезным вкладом в развитие этого подхода стала работа И.А. Ико-

ницей «Проблемы эффективности в земельном праве». Подобная точка зрения отразилась и в более поздней литературе. В частности, М.Х. Хутыз и П.Н. Сергейко отмечали, что «правовые нормы эффективны тогда, когда практика их реализации дает положительные результаты, способствует достижению поставленных целей» [8; 36].

Целевой подход к понятию эффективности норм права, который можно было бы назвать господствующим, вместе с тем подвергался и критике. Так, Ф.Н. Фаткуллин отмечал, что «цель и результат объективно суть явления, не охватываемые непосредственно самим содержанием права. Юридические нормы могут содержать указание на свою социальную цель, но и в таком случае последняя, как идеально намеченное состояние реального объекта, находится вне их собственного содержания. Цель всегда направляет, результат достигается. Они оба никогда не становятся внутренним свойством самих правовых норм. И уже по этой причине эффективность не может рассматриваться одновременно в качестве и свойства правовых норм, и отношения их цели и результата [6; 318-319]. Весьма обстоятельной критике подход к эффективности как соотношению цели и результата подвергся в работах А.С. Пашкова и Л.С. Явича. Они подчеркивали, что неправильно любой эффект действия нормы смешивать с ее социальной эффективностью, которая предполагает достижение объективно необходимого и социально полезного результата. Таким образом, они четко отграничивали социальную эффективность от других эффектов действия нормы.

Интересным направлением функционально-целевой концепции в отечественной литературе в контексте нашего исследования является причинно-функционально-целевая, отличающаяся от первой акцентированием внимания на анализе совершенства правовой нормы и включением в оценку ее эффективности таких элементов, как социально-полезный характер результата действия нормы, учет затрат материальных средств, человеческой энергии и времени при решении поставленных задач, оптимальный вариант достижения поставленной цели и т.д. Один из сторонников данного подхода В.А. Козлов, в частности, понимает эффективность права как максимально положительную результативность действия правовых норм при наименьших социальных издержках. Он отмечает, что «эффективность правового регулирования нельзя рассматривать как простую результативность, она необходимо должна включать классовую полезность этих результатов» [2; 109]. Соглашаясь с В.А. Козловым, следует заметить, что социальные аспекты и социальные проявления эффективности норм права исследованы в отечественной юридической науке недостаточно.

В современной российской юридической науке эффективность права и его норм обсуждается чаще не как самостоятельная проблема, а лишь затрагивается в связи с проблемами повышения качества нормативных актов, расширения социальной базы правотворчества, соблюдения требований законо-

дательной техники. Интерес в этой связи представляют работы А.С. Пиголкина, Ю.А. Тихомирова, С.В. Полениной, В.Б. Исакова и др. Хотелось бы отметить весьма оригинальную трактовку понятия эффективности правовых норм, предложенную В.В. Лапаевой. Она обратила внимание на то, что в современных условиях, «когда задача правового регулирования видится уже не в достижении заданных сверху целей, а в выражении и согласовании социальных интересов, способствующих нормальному, свободному развитию общественных отношений, должны быть соответствующим образом пересмотрены и положения теории эффективности законодательства. Было бы неверно продолжать трактовать эффективность закона как соотношение между результатом действия нормы и предписанными ей неправовыми (экономическими, политическими, идеологическими и т.д.) целями. В русле современного понимания сущности закона в условиях формирующейся правовой государственности эффективность законодательства следует измерять его вкладом в укрепление правовых начал государственной и общественной жизни, в формирование и развитие элементов свободы в общественных отношениях, в реализацию прав и свобод человека и гражданина. То же самое можно сформулировать и в привычных терминах соотношения цели и результата, поскольку эффективность – это всегда мера целенаправленного воздействия. Только речь пойдет не о внешних по отношению к праву экономических, политических, идеологических и иных целях, а об имманентной ему правовой цели, заключающейся в согласовании социальных интересов на базе правообразующего интереса и в обеспечении, таким образом, максимально возможной всеобщей меры свободы для развития соответствующей сферы общественной жизни» [5; 503]. Думается, что категория эффективности норм права нуждается в более детальном рассмотрении через призму отражения социальных интересов и достижения социальной гармонии, снижения уровня социальной конфликтности.

В отечественной науке ряд авторов уже указывали на необходимость разграничения юридической и социальной эффективности норм права. Несмотря на достаточно широкую разработку проблем эффективности норм права, социальной ценности права, социальных основ права социальная эффективность как самостоятельная разновидность эффективности правовых норм не стала объектом специального монографического исследования.

Очевидно, что социальная эффективность норм права представляет собой многоплановое явление, имеющее ряд аспектов. В частности, социальная эффективность норм права может пониматься как соответствие их балансу социальных интересов, способствование снижению уровня деструктивной, социально вредной конфликтности в данной сфере отношений, этнической или иной социальной группе. Социальная эффективность нормы может выражаться в обеспечении ею реализации тех или иных социальных отношений, либо, напротив, в противодействии их развитию и осуществлению.

Представляется, что оценка социальной эффективности применима не к любой правовой норме. Однако любая норма права имеет определенную социальную значимость, выполняет определенное назначение, связанное с реализацией социальных связей.

В заключение хотелось бы заметить, что важнейшим критерием социальной эффективности законодательства, в том числе субъектов РФ, является снижение уровня неконструктивной конфликтности в обществе, уменьшение количества актов государственного и иного социального принуждения. Социальная эффективность норм как федерального, так и регионального законодательства предопределяется их соответствием социальным потребностям, потребностям общественного развития государства и соответствующего региона.

Итак, социальные аспекты эффективности норм права нуждаются в дальнейшем научном осмыслении.

Источники:

1. Иконницкая И.А. Проблемы эффективности в земельном праве. М., 1979. С. 36; Эффективность правовых норм. М., 1980.
2. Козлов В.А. К вопросу о понятии эффективности права // Вестник ЛГУ. 1972. №5.
3. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань, 1975.
4. Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002.
5. Проблемы общей теории права и государства. / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 2002.
6. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987.
7. Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж, 1984.
8. Хутыз М.Х., Сергейко П.Н. Энциклопедия права. М., 1995.

Стрельцов Н.В.
*аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
(e-mail: decanat-jf@mail.ru)*
Streltsov N.V.
Lawfaculty of the Kuban state university

**ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА СОЦИАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

**FORMATION OF A SENSE OF SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE
CONTEXT OF NATIONAL SECURITY IN MODERN CONDITIONS OF
DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE**

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальной ответственности в контексте правового воспитания в современной России, в том числе применительно к вопросам обеспечения национальной безопасности

Ключевые слова: социальная ответственность, национальная безопасность, современная Россия.

Annotation. The article is devoted to the study of social responsibility in the context of legal education in modern Russia, including in relation to matters of national security.

Key words: social responsibility, national security, modern Russia.

Современное развитие обуславливает усиление внимания ко всем существенным чертам индивида, характеризующим его как личность. Ведущее место среди них занимает социальная ответственность. Усиливается социально-правовая взаимозависимость членов общества, коллективов, общностей. Современное общество, расширяя созидательные возможности человека, раздвигает границы принимаемых им решений, что должно сопровождаться и усилением социальной ответственности. При этом имеется в виду ответственность не только перед нынешним, но и перед будущими поколениями. Ответственность дополняется новыми формами, например, ответственностью ученых за социальные последствия их открытий, ответственностью за рациональное использование природных ресурсов и охрану окружающей природной среды.

Все это тесно переплетается с проблемами обеспечения национальной безопасности. Важнейшим аспектом обеспечения национальной безопасности является правовой, в том числе теоретико-правовой, ценностно-правовой, информационный.

Потребность формирования высокоразвитого чувства ответственности

каждого человека обуславливается, помимо прочего, особенностями современного исторического периода, когда происходит поляризация различных мировоззрений. В этом плане трудно переоценить роль правового воспитания как целенаправленной деятельности по формированию личности, выработки у нее соответствующих социальных и личностных качеств.

Без формирования чувства ответственности у каждого человека нельзя успешно совершенствовать его личность, его духовное развитие, создать условия для всестороннего и гармоничного развития личности. В свою очередь гармоничное развитие личностей и социальных общностей является одним из решающих факторов обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, формирование социальной ответственности личности в сегодняшних условиях является важной политической и социальной проблемой, актуальность решения которой диктуется как потребностями общества, так и необходимостью развития самой личности [2; 6].

Как показала социальная практика, общественное поведение личности, соответствующее потребностям общественного развития, не формируется само по себе по мере взросления и роста социальной активности человека. В этом плане необходимо воспитание, в том числе правовое как комплекс мер, концепций, нормативных документов.

Социальная ответственность является важнейшим элементом взаимосвязи личности и общества, государства, права, важнейшим качеством, характеризующим личностный аспект национальной безопасности.

Ответственность общества включает в себя реакцию общества на поведение человека, а также ответственность за судьбу каждого человека, его воспитание, социализацию. Личная ответственность состоит в ответственности человека перед обществом и государством за свои действия, она включает в себя осознание долга, свободу воли, выбора, а также предвидение и учет этим человеком возможной оценки его действий со стороны общества. Это, несомненно, повышает предсказуемость социальной деятельности, ее стабильность.

Социальная ответственность личности является неотъемлемым атрибутом любого общественного организма, характеризует его социальную структуру и часть его качественного состояния. По мере эволюции общества ответственность стала ведущим качеством политических, идеологических, семейно-бытовых и других отношений; ее совершенствование является необходимым условием общественного развития. При этом ответственность может быть за настоящее и будущее, может отражать осознание личностью требований общества, класса, коллектива, а также собственной совести. Личности свойственна социальная ответственность, которая проявляется и в отношениях между людьми, и в необходимости оценивать последствия своих действий с позиций интересов общества и даже будущих поколений.

Социальную ответственность можно определить как систему отноше-

ний, суть которых составляют сознательное, активное, творческое отношение субъекта ответственности к своей деятельности, совершаемой в соответствии с потребностями развития общества, способность предвидеть результаты этой деятельности и предотвращать возможные ее негативные последствия. Социальная ответственность определяется глубиной осознания интересов страны, общества, этноса, профессионального коллектива, семьи, духовным и нравственным потенциалом личности. Другими словами, социальная ответственность и удовлетворение национальных интересов неразрывно связаны.

В обществе нет и не может быть отношений, творцом и носителем которых не выступал бы человек. Именно поэтому социальная ответственность является аспектом, неотъемлемой частью всех общественных отношений. Такой же неотъемлемой частью общественной жизни должно являться и социально-правовое воспитание, обеспечение воспитательной и ценностной основы национальной безопасности.

В контексте нашего исследования важно то, что в литературе выделяется личная и общественная ответственность. Если брать связь «общество – личность», то социальная ответственность, по мнению А.Ф. Плахотного, – это социальный механизм контроля, пользуясь которым, общество обеспечивает согласование личных и общественных интересов, направляет поведение людей в необходимое, общественно полезное русло. Обратное направление этой связи (от личности к обществу) характеризует ответственность как важнейшее нравственное и социально-психологическое качество личности. В этом, по мнению автора, проявляется объективная и субъективная стороны ответственности [1; 34]. В то же время в литературе отмечается, что в данной классификации нет места ни ответственности в межличностных отношениях, ни обязательствам общества перед личностью. В любом случае личность обязана, общество контролирует эти обязанности [2; 38]. Все это требует переосмысления проблем соотношения общества и личности в процесс осуществления социальной ответственности, в процессе достижения общественной и национальной безопасности.

Итак, вопросы социальной ответственности, ее формирования в контексте совершенствования всей системы социально-правового воспитания в современной России нуждаются в дальнейшем научном исследовании в контексте обеспечения национальной безопасности Российского государства.

Источники:

1. Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность. Харьков, 1972.
2. Сперанский В.И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования. М., 1987.

Раздел II
Социально-экономические и правовые основы развития правовой
системы России

Жинкин А.А.

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет*

Zhinkin A.A.

*Ph.D., Associate Professor of Criminal Law and Criminology department
Kuban state university*

Жинкина Е.Ю.

К.ю.н., мировой судья, г. Краснодар

Zhinkina E.Yu.

Ph.D., the magistrate, Krasnodar

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ КАК
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПРАВА РОССИИ**

**RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT AS A
SUBSIDIARY SOURCE OF RUSSIAN LAW**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового статуса Верховного Суда Российской Федерации, его конституционного и законодательного закрепления, вопросы правовой природы постановлений Пленума Верховного суда РФ и степени их обязательности.

Ключевые слова: Конституция РФ, Верховный Суд РФ, толкование норм права, постановление Пленума Верховного Суда РФ, судебный прецедент.

Annotation. In article are considered questions of legal status of the Supreme Court of the Russian Federation, its constitutional and legislative fixing, questions of the legal nature of resolutions of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and degree of their obligation.

Key words: Constitution of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, interpretation of law, resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial precedent.

Оговоримся сразу: мы не являемся сторонниками однозначного признания постановлений Пленума Верховного суда РФ (далее – ППВС РФ) источниками российского права. Однако, в контексте продолжающейся уже долгое время научной дискуссии по поводу правовой природы указанных постановлений, обратим внимание на некоторые аспекты проблемы.

Основы правового положения Верховного Суда Российской Федерации заложены Конституцией РФ (далее – Конституция). Согласно ст. 126 Консти-

туции Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Таким образом, наряду с иными функциями, Верховный Суд РФ осуществляет легальное (или судебно-нормативное, как именуют его ряд авторов) толкование закона.

С точки зрения общей теории права, толкование права – необходимый и важный элемент правореализационного процесса, в частности правоприменения. Прежде чем применить ту или иную норму права, надо уяснить ее подлинный смысл, а в некоторых случаях и разъяснить. Толкование права – это сложная и многогранная деятельность различных субъектов, представляющая собой интеллектуальный процесс, направленный на познание и разъяснение смысла правовых норм. Вместе с тем, некоторые авторы ограничивают толкование лишь уяснением, другие в противоположность – лишь разъяснением. Однако более предпочтительно понимание процесса толкования как единства уяснения и разъяснения (В.М. Корельский, Н.И. Матузов, А.В. Малько, В.Д. Перевалов и др.) [8; 440].

А.Ф. Черданцев под толкование понимает, с одной стороны, мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и смысла терминов и выражений, заключенных в нормативных актах», с другой стороны – «результат мыслительного процесса, который фиксируется в совокупности языковых высказываний, отражающих содержание норм права [10; 5-6]. Я.М. Брагинин указывал, что толкование является составной частью применения норм права [7; 105-106].

В литературе указано, что разъяснение, как вторая часть единого процесса толкования права не всегда следует за уяснением. Однако, в силу прямого указания Конституции, одной из основных функций Верховного Суда РФ является разъяснительная деятельность. Следовательно, процесс толкования положений закона Верховным Судом РФ, основанный на анализе судебной практики, всегда носит уяснительно-разъяснительный характер. Обратим внимание, что Конституция не содержит прямого указания на то, что Верховный суд имеет право толкования законов (уголовных, гражданских и т.д.), а основной упор сделан на функцию осуществления Верховным Судом РФ правосудия по определенным категориям дел, функцию надзора за деятельностью нижестоящих судов и право давать разъяснения по вопросам судебной практики. В Конституции законодательное право толкования закона, а именно самой Конституции, предоставлено только Конституционному суду РФ (ч. 5 ст. 125).

ППВС РФ определяются в литературе как официально опубликованную соответствующую форме позицию высшей судебной инстанции по вопросам судебной практики, которая призвана ориентировать нижестоящие суды на унифицированное понимание, и, как следствие, применение уголовного закона.

В литературе сложилось две основные точки зрения по существу правовой природы и степени обязательности разъяснений Верховного суда РФ. Сторонники первой (В.В. Демидов, А.Э. Жалинский, И.Я. Козаченко, А.В. Наумов, Ю.Е. Пудовочкин, В.И. Ткаченко, Г.Т. Ткешелиадзе и другие) придают ППВС РФ нормативный или общеобязательный характер, приводя различные аргументы в обоснование своей позиции. Однако, как справедливо указывают представители второй точки зрения (Н.Д. Дурманов, И.Э. Звечаровский, Н.А. Лопашенко, В.С. Нерсисянц, А.И. Рарог, А.Ф. Черданцев и др.) обязательная сила ППВС РФ не прописана в действующем законодательстве. Придание нормативного характера ППВС РФ противоречит принципу разделения властей.

Рассмотрим данную ситуацию с позиций уголовного права и процесса. Согласно вышеизложенному, при осуществлении уголовного судопроизводства суды руководствуются только положениями Конституции и законов (Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ). Согласно ч. 1. ст. 1 Уголовного кодекса РФ «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Следовательно, определять преступность и наказуемость деяний постановления Пленума Верховного Суда РФ не могут. Однако, здесь имеется интересный нюанс. Так, в соответствии со ст. 379 Уголовно-процессуального кодекса РФ одним из оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке является неправильное применение уголовного закона. А как мы говорили выше, разъяснения по вопросам применения законодательства РФ (в том числе уголовного) дает Верховный суд РФ в постановлениях Пленума. На лицо парадоксальная ситуация, когда по своей правовой природе постановления Пленума Верховного Суда РФ не относятся к числу источников уголовного права, однако содержат рекомендации по его применению и нарушение этих рекомендаций согласно УПК РФ может влечь пересмотр решения суда. Кроме того, разъяснения по вопросам применения законодательства должны обеспечить единство судебной практики, то есть единообразное понимание и применение уголовного закона на всей территории России, а если читать между строк закона – то понимание закона в том виде, в котором оно излагается в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

С другой стороны, согласно ст. 120 Конституции судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Аналогичные нормы содержатся в ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от

31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ст. 1 Закона РФ 26.06.1992 г. (в ред. от 04.03.2013 г.) № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Напрашивается вывод о том, что в основе решения суда по уголовному делу может лежать только закон в узком его понимании (о чем говорится и в ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ).

Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) также содержит интересные положения. В соответствии с ч. 2 ст. 311 АПК РФ (в ред. от 28.06.2014 г.) определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте Верховного Суда Российской Федерации содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства, является вновь открывшимся обстоятельством, которое может влечь пересмотр судебного акта. Иными словами, АПК РФ фактически признает за ППВС РФ их нормативный характер, однако прямо об этом законодатель не говорит. В ст. 13 АПК РФ перечислены источники права, которыми руководствуются арбитражные суды при вынесении решений, и разъяснения Верховного Суда РФ в этот перечень не входят.

Таким образом, вопрос о правовой природе постановлений Пленума Верховного суда РФ, степени их обязательности и значения не только не потерял актуальность, но снова выходит на первый план. Естественно, обосновывать юридическую силу акта лишь авторитетом органа, его принявшего, для права, а тем более, уголовного, недопустимо. Кроме того, необходимо учесть и требования принципа разделения властей, исходя из которого суды не вправе осуществлять правотворчество.

Правовое значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ для судебной и правоприменительной деятельности очень велико и говорить о нем лишний раз смысла нет. Думается, что на законодательном, а не только на теоретическом уровне, следует четко определиться с правовой природой этих постановлений, степенью их обязательности для нижестоящих судов, возможностью отмены или изменения приговоров или иных решений суда в силу нарушения рекомендаций Верховного суда РФ. При этом возможен возврат к имевшемуся в советский период приданию обязательной силы разъяснениям Верховного Суда РФ, что приведет к существенной реформе нормативной системы. В любом случае, признание ППВС РФ источником права должно иметь нормативную основу и возможно только лишь на основании прямого указания Конституции РФ.

Источники:

1. Конституция РФ 1993 г. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Уголовный кодекс РФ 1996 г. (в ред. ФЗ от 21.07.2014 г. № 277-ФЗ)

3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в ред. ФЗ от 21.07.2014 г. № 277-ФЗ)
4. Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ
5. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ
6. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» 26.06.1992 г. № 3132-1 (в ред. ФЗ от 04.03.2013 г.)
7. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 105-106.
8. Демидов В.В. О роли и значении Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3. С. 21-24.
9. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 440
10. Теория государства и права. Учебник. Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 358.
11. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 5-6.

Жинкин А.А.

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет*

Zhinkin A.A.

*Ph.D., Associate Professor of Criminal Law and Criminology department,
Kuban state university*

Павлова А.В.

*студентка юридического факультета,
Кубанский государственный университет*

Pavlova A.V.

student of law faculty, Kuban state university

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

FEATURES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY OF PERSONS, COMMITTED A CRIME WHILE INTOXICATED: HISTORICAL AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, история формирования в уголовном праве норм об ответственности за преступные деяния в состоянии опьянения и современное зарубежное уголовное законодательство по данному вопросу.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, состояние опьянения, алкоголизм, наркомания.

Annotation. In article the questions of criminal liability of the persons who committed a crime in a state of intoxication, formation history in criminal law of norms on responsibility for criminal actions in a state of intoxication and the modern foreign criminal legislation on the matter are considered.

Key words: criminal law, crime, state of intoxication, alcoholism, drug addiction.

Проблема уголовной ответственности лица, совершившего преступление в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического и др.) издавна является актуальной для уголовного права. Основная ее суть в определении – является ли такое состояниеотягчающим наказание обстоятельством (квалифицирующим признаком) или же наоборот может смягчать, а в определенных случаях и исключать уголовную ответственность.

Некоторые лица, совершившие преступления в состоянии опьянения, ссылаются на то, что они не осознавали значения своих действий, не могли руководить ими, ничего не помнят о случившемся и т.д. Однако состояние физиологического опьянения не может служить основанием для освобождения от уголовной ответственности. Состояние опьянения увеличивает психическую и двигательную активность, затрудняет концентрацию внимания, у человека происходит переоценка своих возможностей, снижается самоконтроль. В состоянии опьянения растормаживаются инстинкты и проявляются скрытые особенности личности и переживания, контролируемые в трезвом состоянии (ревность, тщеславие, обиды и другие).

Обоснование уголовной ответственности за действия, совершенные в состоянии опьянения, наука уголовного права видит, прежде всего, в отсутствии медицинского критерия невменяемости. От болезненных состояний психики, обуславливающих невменяемость, состояние обычного алкогольного опьянения отличается двумя существенными особенностями: во-первых, в состоянии опьянения человек приводит себя сознательно, намеренно, и, во-вторых, обычное алкогольное опьянение не связано с галлюцинациями, обманом слуха, зрения и ложными восприятиями окружающего. С точки зрения медицины, опьянение хотя и вызывает нарушение психической деятельности, но не является болезненным состоянием психики.

Систематическое злоупотребление алкоголем может привести человека к заболеванию хроническим алкоголизмом. У алкоголика развиваются психопатические черты характера, имеющие криминогенное значение.

Употребление человеком одурманивающих веществ началось с образования человеческого общества, когда поиски пищи сталкивали его с ядовитыми свойствами растений, когда он научился изготавливать опьяняющие напитки. Вплоть до начала XIX века одурманивающие вещества, и напитки назывались на Руси «зельем». Их отрицательное воздействие на поведение людей вызывало понимание необходимости установления контроля за потреблением.

Уже в Уставе князя Владимира Мономаха «О десятинах, судах и людях церковных» в XI-XII вв. лица, нарушающие правила обращения с зельем, подвергались жестокому преследованию, вплоть до лишения жизни. Постепенно на Руси распространяются такие одурманивающие напитки как хмельной квас, пиво, медовое вино, называемое «мёдом», хлебное вино или «водка».

При Иване IV (Грозном) подобранных пьяных облагают штрафом в 10 алтын. Была запрещена торговля вином. Если попадался торговец вином или просто пьяный человек, его били кнутом и топили в реке. Это один из примеров ответственности за нарушение запретов в период правления Ивана IV.

Соборное уложение 1649 года состояние опьянения не признавало обстоятельством, освобождающим от ответственности за совершённое преступление. В главу XXI «О разбойных и о татиных делах» Уложения были включены статьи 69, 71, 73 об уголовной ответственности за убийство, совершённое в том числе и в состоянии опьянения («убийство пьяным делом»).

Согласно артикулу 43 Артикула воинского Петра I «когда кто пьян напьется и в пьянстве своем зло решит, тогда тот не токмо чтобы в том извинения получил, но по вине вящею жестоко наказуем имеет быть».

Далее в уголовном праве России проводилась политика по ужесточению уголовной ответственности за преступления совершенные в состоянии опьянения. Так, например, Свод законов 1833 года (ст.113) гласит: «Всякий совершивший деяние в состоянии опьянения признается виновным». Причем уже в этом Своде проводилось различие между деянием, неумышленно совершенным в пьяном состоянии, когда опьянение, хотя и не служило оправданием подсудимому, но не влияло на смягчение наказания, и деянием умышленным, совершенным в пьяном виде, когда опьянение, наоборот, усиливало ответственность – опьянение само по себе, хотя и приведшее в состояние беспамятства, не только не может быть основанием невменяемости, но и не может служить причиной для смягчения наказания.

В примечании к ст.17 УК РСФСР 1922 года состояние опьянения не признавалось обстоятельством, исключаящим уголовную ответственность, если лицо привело себя в такое состояние для совершения преступления. В свою очередь, Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., как и Руководящие начала 1919 г., не решали вопроса об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Вместе с тем принципиально важные положения данного вопроса, нашедшие отражение в УК РСФСР 1922 г., получили свое дальнейшее развитие в ст.11 УК РСФСР 1926 г., в которой отмечалось, что лица, совершившие преступления в состоянии невменяемости, освобождаются от уголовной ответственности. При этом в примечании к данной статье особо указывалось,

что действие настоящей нормы не распространяется на лиц, совершивших преступное деяние в состоянии опьянения.

Согласно ст.12 Закона СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», и в ст. 12 УК РСФСР 1960 г. говорилось, что лица, которые совершили преступление в состоянии опьянения, не освобождались от уголовной ответственности.

В настоящее время к числу наиболее распространенных негативных социальных явлений общества относятся пьянство, алкоголизм и наркомания. Это сложные явления, имеющие различные аспекты: экономические, социальные, психологические, медицинские, демографические и др. На данный момент алкогольная ситуация в нашей стране характеризуется повсеместным распространением пьянства и алкоголизма, увеличением потребления алкогольной продукции, наращиванием объема выпуска крепких алкогольных напитков, реализацией их в неограниченном количестве, широкой доступностью (продажа в непредназначенных для этого местах; фактическое отсутствие ограничений продажи в связи с возрастом покупателей и т.п.).

УК Молдавии (ст.24) и Туркменистана (ст.25) наряду с установлением вышеуказанного общего правила закрепили следующую дополнительную норму причины опьянения, его степень и влияние на совершение преступления принимаются во внимание при назначении наказания.

УК Республики Казахстан (ст.18) указывает, что «совершение преступления в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения» является обстоятельством, отягчающим наказание.

УК Республики Таджикистан (ст.26) рассматривает «совершение преступления в состоянии алкогольного, наркотического опьянения или под воздействием психотропных и других одурманивающих веществ» как обстоятельство, отягчающее наказание.

УК Узбекистан (ст.19) также предусматривает состояние опьянения в качестве отягчающего наказание обстоятельства.

В целом же следует отметить, что законодатель и правовая доктрина большинства мировых государств исходят из общего принципа, согласно которому недобровольное опьянение, приведшее к полной утрате вменяемости, исключает уголовную ответственность лица, а в остальных случаях уменьшает такую ответственность.

Полное освобождение от уголовной ответственности в случае недобровольного опьянения, повлекшее за собой полную утрату вменяемости, прямо допускают нормы УК Австралии, Бразилии, Брунея, Индии, Италии, Мальты, Румынии, Судана, Уругвая. В тоже время УК Венесуэлы предусматривает в случае недобровольного опьянения только смягчение наказания.

Учет состояния опьянения в качестве смягчающего обстоятельства прямо допускается в УК Австрии, Албании, Венесуэлы, Гондураса, Литвы, Никарагуа, Румынии, Сан-Марино.

Примечательно, что во всех случаях признание опьянения смягчающим обстоятельством возможно с определенными оговорками. Например, по УК Гондураса и Никарагуа опьянение не должно быть привычным или вызванным с целью совершения преступления. По УК Литвы смягчающим обстоятельством считается только совершение деяния лицом, приведенным в состояние опьянения против его воли.

Анализируя действующий УК РФ отметим, что с момента принятия он пополнился рядом норм, так или иначе связанных с ответственностью лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения. Закон не освобождает от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, это положение закреплено в ст. 23 УК РФ.

Относительно недавно введенная в ст. 63 УК РФ ч. 1¹ позволяет суду признать по своему усмотрению совершение преступления в состоянии опьянения отягчающим наказанием обстоятельством. Данное нововведение можно оценить с позитивной стороны.

В чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ предусматривается ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, лицом, находящимся в состоянии опьянения, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть потерпевшего, а также смерть двух или более лиц. Состояние опьянения определяется в примечании 2: «Для целей настоящей статьи и статьи 264¹ настоящего Кодекса лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств или психотропных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Что касается статьи 264¹ УК РФ, то она является новеллой в уголовном законодательстве и вступает в силу с 1 июля 2015 г. (Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ). Согласно диспозиции статьи, наказуемо «управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования

на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 настоящего Кодекса либо настоящей статьей».

Предупреждение преступлений в состоянии опьянения является одной из приоритетных задач государственных органов Российской Федерации. В реализации данной задачи немаловажную роль играют нормы уголовного права, предусматривающие ответственность за конкретные преступления, совершенные в состоянии опьянения, что предполагает значимость теоретического исследования возникающих в данной сфере вопросов совершенствования законодательного материала и практики его применения.

Источники:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (в ред. ФЗ от 30.03.2015 г. № 67-ФЗ)
2. УК РСФСР 1960 г. (в ред. от 30.07.1996 г.).
3. Исаев Н. Применение принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ // Уголовное право. 2007. №5.
4. Российское законодательство X-XX веков / под ред. О.И. Чистякова. Т.3-8. М., 1984.
5. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Уголовно-правовое значение состояния опьянения. М., 2014.
6. Иванов Н. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Законность. 1998. № 3.

Кулиш М.В.

*К.ю.н., доцент кафедры гражданского и гражданско-процессуального права,
Кубанский социально-экономический институт*

Kulish M.V.

*Ph.D., assistant professor of civil and civil procedural law,
Kuban Social and Economic Institute*

Алиханова Д.Р.

*Студентка юридического факультета,
Кубанский социально-экономический институт (г. Актау, Казахстан)*

Alikhanova D.R.

*Student of the Faculty of Law,
Kuban Social and Economic Institute (Aktau, Kazakhstan)*

**СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**SPECIFIC OF ACTIVITY OF ORGANS OF LAW AND ORDER ON
NORTH CAUCASUS IN THE PERIOD OF REVOLUTIONARY
PERFORMANCES AT THE BEGINNING XX OF CENTURY**

Аннотация. Статья посвящена деятельности органов правопорядка на Северном Кавказе в начале XX века. Историко-правовое исследование про-

блем борьбы с преступностью и обеспечения личной и имущественной безопасности населения на Северном Кавказе.

Ключевые слова: охрана правопорядка, полиция Российской Империи, борьба с преступностью и обеспечения личной и имущественной безопасности населения, Северный Кавказ.

Annotation: The article is devoted to the activities of law enforcement agencies in the North Caucasus in the early twentieth century. Historical and legal study of the problems of combating crime and to ensure personal and property safety of the population in the North Caucasus.

Key words: guard of law and order, police of Russian Empire, fight against criminality and providing of the personal and property safety of population, North Caucasus.

Особо следует отметить деятельность по охране правопорядка во время революционных событий в начале XX века. Это время, как известно, характеризуется многочисленными массовыми выступлениями различных слоев населения, зачастую сопровождавшимися нарушениями общественного порядка. Полиция Российской Империи проявила достаточно высокий профессионализм и высокий уровень ответственности при выполнении служебных обязанностей в этих тяжелых условиях.

Учитывая всю сложность сложившейся ситуации, были практически запрещены отпуска для чинов полиции. Например, начальник Кубанской области и наказный атаман Кубанского казачьего войска циркуляром от 18 июня 1905 г. № 8073 указал, что «в виду тревожного времени, требующаго усиленной и энергичной деятельности со стороны чинов полиции, отпуска этим чинам будут разрешаемы им лишь в особых случаях и только по болезни, по представлении медицинских свидетельств».

17 октября 1905 г. император Николай II подписал Манифест об усовершенствовании государственного порядка, явившийся вынужденной уступкой в условиях активизации революционного движения. Издание Манифеста вызвало всплеск выступлений как со стороны населения, одобрявшего его, так и со стороны представителей партий, оппозиционных власти.

Обстановка в данный период была настолько сложная, что наместник Его Императорского Величества на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков 21 октября 1905 г. в целях пресечения беспорядков обратился к населению Кавказского края с обращением, в котором содержались такие слова: «... населению Империи ныне открывается широкий путь к самостоятельности, как к усовершенствованию духовному, так и к увеличению материального благосостояния. Однако это может быть достигнуто лишь при условии мирной и спокойной совместной работы правительства и народа, что в свою очередь возможно лишь при неуклонном соблюдении населением государства законов последнего. В этом отношении я необходимым считаю разъяснить следующее: до тех пор, пока существующие законы не изменены, они должны

почитаться действующими и подлежат исполнению... Необходимо, чтобы и население со своей стороны пошло навстречу правительству и строго соблюдало законы, охраняя их от преступного на них посягательства. Гражданская свобода – всегда и всюду свобода ограниченная, она кончается там, где начинается нарушение прав других и если закон обеспечивает неприкосновенность личности каждого от произвольных действий властей, то в то же время он охраняет личность каждого частного человека от произвола других частных лиц. Прошу население помнить, что свобода не есть произвол и что всякое насилие над личностью или имуществом не терпимо ни в одном государстве... При этом предупреждаю, что тот Высочайший манифест, который открыл государству зарю свободы, в то же время повелевает властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, безчинств и насилий. Призывая население к спокойствию и обращению к мирному труду и занятиям, я убеждаю его избавить от грустной необходимости обращаться к представленным мне законом крутым мерам в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долге».

Несмотря на обнародованный манифест, обращение руководства Кавказа к его жителям, обстановка в годы первой русской революции была крайне неблагоприятной. Политические выступления сопровождались значительным количеством преступлений.

В этой ситуации органы власти и управления принимали дополнительные меры по обеспечению безопасности населения. Так, 20 октября 1905 г. состоялось экстренное заседание Екатеринодарской городской думы, на котором был рассмотрен вопрос «О принятии мер к охране личности и имущества граждан ввиду происходящих в городе беспорядков и об ассигновании средств на увеличение штата полиции и жалованья полицейским чинам». В результате дума приняла решение, предусматривавшее: 1) выделение кредита для найма помещения для лиц, задержанных полицией, и лиц, подлежащих высылке из города; 2) выделение денег для отпуска кормового довольствия находившимся в патрульной службе нижним чинам гарнизона; 3) выделение до 1 января 1906 г. кредита для найма 4-х сыщиков, назначив им по 50 рублей жалованья в месяц; 4) ассигновать до 1 января 1906 г. добавочных 100 рублей для разъездов чинов полиции; 5) увеличить жалованье нижним полицейским чинам до 20 рублей в месяц младшим и до 25 рублей старшим городовым; 6) обратиться к горожанам с призывом к спокойствию.

Полиция Российской Империи в чрезвычайных условиях событий 1905-1907 гг. достойно выполнила стоящие перед ней задачи. Оценив ее деятельность, император 18 октября 1905 г. объявил всем чинам полиции благодарность. В циркулярном письме Департамента полиции от 19 октября 1905 г., адресованном губернаторам, градоначальникам и Варшавскому Обер-полицмейстеру, подписанном товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, генерал-майором Треповым говорилось: «Его Император-

ское Величество Государь Император, Собственноручно рескриптом от 18 сего Октября на мое имя, Высочайше повелеть соизволил объявить всем чинам полиции Империи свою горячую благодарность за их беззаветно-верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах».

Правовыми актами, изданными в царствование различных монархов в России, неоднократно запрещалось взяточничество. В специальной литературе по организации полицейской службы этому вопросу также придавалось большое значение. В частности, в «Букваре современного городского», изданном в 1915 г., говорилось: «Взявший взятку служащий всецело закабаляется во власть давшему ее; от последнего зависит донести об этом и виновник будет исключен со службы. Прием угощений за услуги понижает чести, унижая служащего».

Чинам полиции о всяком случае предложения взятки надлежало доложить об этом по команде, что впоследствии поощрялось. В качестве примера можно привести приказ полицмейстера г. Екатеринодара № 329 от 27 августа 1915 г.: «Сверхштатному Помощнику Пристава при сыском отделении Головки и городовому Сорокину за доставление по начальству данных им обоим во взятку 3 руб. и городовому Сорокину 5 руб. – объявляю благодарность».

3 октября 1916 г. было принято Постановление Совета Министров «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». Целью его являлось «приведение числа и состава как городской, так и уездной полиции в надлежащее соответствие с современной численностью населения обслуживаемых районов. Далее во внимание к признанной недостаточности существовавших штатов полиции размер присвоенных полицейским должностям окладов содержания значительно увеличен сообразно повысившимся требованиям материального обеспечения правительственных служащих. В связи с этим улучшением положения полицейских чинов вступление на полицейскую службу и дальнейшее ее прохождение обусловлены известными требованиями квалифицированного образовательного и служебного ценза».

Указанное Постановление Совета Министров от 23 октября 1916 г. не распространялось на ряд губерний и областей Российской Империи, в частности, на Кавказский край.

На Кавказе к этому времени существовали большие проблемы функционирования полиции. В циркулярном письме из канцелярии наместника Его Императорского Величества на Кавказе начальнику Кубанской области от 8 декабря 1916 г. (№ 35482) говорилось: «В отношении постановки в нем полицейской охраны Кавказский край находится до сих пор в условиях, которые предоставляются еще менее соответствующими современным требованиям дела, чем существовавшим в губерниях внутренней России до издания Положения 23 октября сего года. Полиция в крае образована на основании

штатов, утвержденных разновременно для отдельных местностей, в большинстве значительно устаревших и не отвечающих более действительной потребности как в общем количественном составе полицейских чинов, так и в распределении различных классов полицейских должностей. Большая сложность и разнообразность обязанностей по службе, при несомненной недостаточности служебного и материального обеспечения, часто являются серьезным препятствием для привлечения к полицейской службе таких лиц, которые по своему развитию и деловому опыту могли бы с успехом выполнить возлагаемую на них трудную и ответственную задачу ограждения в стране законного порядка и внутреннего спокойствия... При этом надлежит особо отметить, что давно назревший вопрос об усилении и улучшении состава и положения полиции на Кавказе приобрел в настоящее время еще более острый характер в связи с военными обстоятельствами и участвовавшими случаями разбоя и грабежа».

В некоторых местностях Кавказа штаты полиции очень ограничены, в иных – вообще не было чинов полиции, а полицейские обязанности возлагались на участковых начальников, станичных и хуторских атаманов, волостных, сельских и аульных старшин, что крайне негативно влияло на состояние правопорядка.

Учитывая давно назревшую потребность усиления и улучшения состава и положения полиции на Кавказе, наместник Его Императорского Величества на Кавказе принял решение о разработке законопроекта о реформе полиции на Кавказе. Канцелярия наместника, приступая к исполнению этого, просила руководителей административно-территориальных образований, входящих в Кавказский край, сообщить соображения и сведения по данному вопросу.

Революционные события 1917 г. помешали разработке законопроекта о реформе полиции на Кавказе, как и дальнейшему существованию полиции в России, поскольку декретом Временного правительства от 11 марта 1917 г. полиция была упразднена, а вместо нее учреждена милиция.

В частности, в Екатеринодаре полиция была заменена милицией, завершилась эта реорганизация к 20 апреля 1917 г. Возглавил городскую милицию Н. А. Симановский. На заседании 31 мая 1917 г. Екатеринодарская городская дума постановила принять Екатеринодарскую городскую милицию в ведение городского самоуправления.

Историко-правовое исследование проблем борьбы с преступностью и обеспечения личной и имущественной безопасности населения на Северном Кавказе позволяет выявить ряд особенностей криминальной ситуации и практики противодействия преступности.

Преступность на Северном Кавказе помимо общих ее причин была обусловлена факторами исторического и этнического характера, что придавало ей характер, отличный от преступности непосредственно в Российской Империи.

Некоторые политические решения имперской власти (в частности, переселение горцев с мест исторического проживания на другие земли) не только не сгладили остроту взаимоотношений между коренным населением Северного Кавказа и пришлым русским населением, но и обусловили существование долговременных, действующих на протяжении около двухсот лет, факторов преступности и негативных межнациональных отношений.

Мероприятия, направленные на противодействие преступности, во многих случаях не имели целостной системы, были разрозненными, что во многом обусловило их недостаточную эффективность. Лишь комплекс мер, осуществляемых под единым началом, способен был стабилизировать криминальную ситуацию на Северном Кавказе.

Наряду с позитивными мерами, направленными на устранение криминогенных факторов, широко применялись меры силового воздействия на местное население, имевшие целью его устрашение (высылки горцев, переселение и уничтожение аулов, круговая порука горского населения и т.п.). В литературе того времени справедливо высказывалась мысль, что лучшим способом предупреждения преступности на Северном Кавказе был бы подъем культурного населения региона.

В современных условиях необходим учет деятельности органов государственной власти на Северном Кавказе, чтобы не повторять ошибок прошлого, не допускать обострения межнациональных отношений, оптимизировать работу правоохранительных органов.

Источники:

1. ГАКК. Ф. 454, оп. 1, д. 3160, л. 154.
2. СУ. 1905. Отд. I. Ст. 1658.
3. Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 40.
4. Очерки истории органов внутренних дел Кубани... С. 444.
5. ГАКК. Ф. 454, оп. 1, д. 3344, л. 547.
6. Цит. по: Сафронов А. Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел. М., 2003. С. 201.
7. ГАКК. Ф. 449, оп. 10, д. 4, л. 301.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916. № 307. Ст. 2426.

Лазаренко Л.А.
к. психол. н., доцент кафедры сервиса и туризма,
Кубанский социально-экономический институт

Lazarenko L.A.
*Ph.D., assistant professor of service and tourism,
Kuban Social and Economic Institute*

Недбайло В.Г.
помощник проректора по воспитательной работе,
Кубанский социально-экономический институт

Nedbaylo V.G.
*assistant of Vice-rector on educational work
Kuban Social and Economic Institute*

МЕРОПРИЯТИЯ ПО СНИЖЕНИЮ ВЕРОЯТНОСТИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

MEASURES TO REDUCE THE LIKELIHOOD OF SUICIDAL BEHAVIOR AMONG SOLDIERS

Аннотация. Данная статья посвящена раскрытию мероприятий для военнослужащих с суицидальными наклонностями поведения. В статье представлены статистические данные, выделены основные направления воспитательного воздействия суицидального поведения.

Ключевые слова: суицид, военнослужащий, воспитание, коррекция.

Annotation. This article is devoted to the revelation of events for soldiers with suicidal behavior. The article presents statistical data, and the main directions of educational influence suicidal behavior.

Key words: suicide, military, education, correction

Глобальные перемены в социальной жизни, растущая нестабильность общества играют немалую роль в повышении статистики самоубийств среди населения страны.

Вооруженные Силы России, как одну из подструктур общества затронули те же проблемы общественной жизни. Феномен суицида чаще всего связывается с представлением о психологическом кризисе личности, под которым понимается острое эмоциональное состояние, вызванное какими-то особыми, личностно значимыми психотравмирующими событиями. Причем, это кризис очень масштабный, и интенсивный, когда весь жизненный предыдущий опыт человека, решившегося на суицид, не может подсказать ему иного выхода из ситуации, которую он считает невыносимой.

Одним из компонентов системы психологического сопровождения военнослужащих, отнесенных к группе риска суицидального поведения, являет-

ся коррекционно-развивающая работа. Организованная Система психологического сопровождения позволяет повысить адаптационные возможности военнослужащих к новым условиям жизни, снижая уровень риска суицидального поведения.

Существует ряд методов, апробированных на практике и положительно зарекомендовавших себя для решения задач коррекции предрасположенности к суициду [1].

Один из методов, который является целесообразным для коррекции суицидального поведения, является Метод Переключения.

Его суть состоит в отвлечении внимания человека от провоцирующих суицидальные переживания поводов. Концентрация внимания суицидента на негативных переживаниях усиливает намерения совершить самоубийство или покушение на него.

До 80% суицидентов отмечают факт фиксации на негативных переживаниях. Так, на вопрос: «Что Вам мешало переключиться или отвлечься от негативных, суицидных мыслей?» 80% обследуемых суицидентов указывают на субъективную «невозможность» отвлечься от суицидных мыслей. Другие 20% активно переключали свое внимание, но на непродолжительный период времени: от одного часа до нескольких суток, месяцев. В дальнейшем для этих 20% становилось затруднительным отвлечение своего внимания от негативно окрашенных суицидных переживаний. Многие из них совершали суицидную попытку «неожиданно» для себя.

Таким образом, длительная концентрация на негативных переживаниях и (или) суицидных мыслях в значительной степени обуславливает совершение суицидной попытки или суицида. Переключение или отвлечение внимания личности от этих переживаний способствует сдерживанию развития суицидоопасного состояния. Следовательно, это переключение, выполняемое субъектом, осуществляет профилактические действия по предохранению его от суицида [2].

Переключению могут сопутствовать как внешние социально-психологические и экономические, так и внутренние условия. Отвлечение от суицидогенных переживаний должно осуществляться не только самой личностью, но и социальным окружением.

Способы отвлечения внимания от суицидогенных переживаний могут быть различными (рациональная и разъяснительная психотерапия, музыкотерапия, хоббитерапия, трудотерапия, творческое самовыражение, а также разовые поручения и работа за пределами подразделения).

Из бесед с военнослужащими, выяснилось, что 80% из них вышли из суицидного состояния и продолжили дальнейшую службу в армии без тягостных переживаний. Это позволяет рекомендовать этот метод как вспомогательный, оказывающий эффективное влияние на личность при не сильных, но

постоянно действующих стрессогенных раздражителях, провоцирующих развитие суицидального поведения [3].

Следующий метод, используемый для проведения психолого-педагогической коррекции суицидального поведения - суггестия. Его суть заключается во внушении обследуемым антисуицидных установок в состоянии гипнотического сна.

Положительный результат применения этого метода позволяет рекомендовать его не только как вспомогательный, но и как основной при наиболее тяжелых случаях.

Исследования показывают, что коррекционный эффект также дают воспитательные воздействия руководителей коллективов на подчиненных. Причем, объектом этих воздействий являются суицидогенные установки личности.

Сущность воспитательных воздействий на эти установки заключается в совместной деятельности психолога и военнослужащих с целью приобретения вторыми опыта предшествующих поколений, знаний и идей, способов разностороннего развития личности, обеспечивающих социальное существование и исключение различного рода отклонений от общепринятых норм, в том числе и самоубийств.

Средствами воспитательного влияния на суицидогенные установки могут стать личный пример командира, образцы антисуицидального поведения, демонстрируемые окружающим людям, поступки, описываемые как нормативные и высоко оцениваемые в педагогической, художественной и другой литературе. Воспитательное воздействие на человека с целью уменьшения риска формирования суицидального поведения может оказывать все, что так или иначе личностно затрагивает его и способно повлиять на его психологию и суицидальное поведение [4].

Средства воспитательного влияния на суицидогенные установки по характеру можно условно разделить на прямые и косвенные. Первые включают в себя непосредственно личное воздействие одного человека на другого, осуществляемое в прямом общении друг с другом. Вторые содержат воздействия, реализуемые без личных контактов друг с другом воспитателя и воспитуемого (чтение специальной литературы, просмотр видеофильмов).

По включенности сознания воспитателя и воспитуемого в процесс воспитания антисуицидных установок и направленности личности способы воздействия делятся на осознаваемые и неосознаваемые. В случае использования осознанных средств воспитательного воздействия на суицидогенные установки воспитатель сознательно ставит перед собой определенную цель, а воспитуемый знает о ней и принимает ее.

Результаты психолого-педагогической коррекции показывают, что в случае выявления суицидального поведения у обследуемого и при его стремлении выйти из данного состояния, больший эффект дают осознаваемые

средства воспитания. Личность принимает их и в дальнейшем становится активным участником коррекционного процесса. При нежелании выходить из суицидного состояния, базирующегося на разных причинах (нежелание работать, уволиться и т.п.), применение осознанных методов воспитательного воздействия не дало значительных результатов. Также при перевоспитании они дают незначительный эффект.

Исходя из общих задач воспитательного воздействия на суицидальное поведение, можно выделить несколько основных его направлений:

1. Жизнеутверждающее воспитание, помогающее сформировать стойкую привязанность к жизни и устойчивость к различным стрессогенным воздействиям [5].

2. Воспитание, направленное на привитие смысла жизни воспитанникам, стремления к самоактуализации.

3. Формирование здорового образа жизни через разъяснение и убеждение. Отучение от дурных привычек.

4. Обучение фундаментальным основам воспитания и самовоспитания.

Сложность перевоспитания некоторых лиц с суицидальным поведением, главным образом, заключается в своеобразно сложившейся нравственной сфере, где наряду с положительными, жизнеутверждающими существуют и пессимистические, деструктивные формы. У данной категории лиц, нуждающихся в перевоспитании, существуют, так называемые, психологические барьеры и установки на негативизм не только в нравственном поведении, но и в отношении собственной жизни. Обычные воспитательные методы, обращенные в основном к их интеллектуальной сфере, дают здесь, к сожалению, незначительный результат.

Следующим методом коррекции суицидального поведения военнослужащих группы риска является метод саморегуляции состояния.

Наблюдения показали, что положительная антисуицидальная установка, созданная путем самовнушения, приносит испытуемым удовлетворение и оптимизм, ощущение жизненной энергии.

О сдвигах, происходящих в состоянии испытуемых и их суицидальном поведении, свидетельствует комплекс показателей, система прямых и независимых характеристик, анкетирование, творческие работы испытуемых, замер уровня притязаний и жизненных планов, самооценки.

Положительные сдвиги, которые происходят в поведении испытуемых, свидетельствуют о действенности и целесообразности использования приемов психической саморегуляции в общей системе перевоспитания лиц с суицидальным поведением.

Важнейшим компонентом психологического сопровождения военнослужащих с суицидальным поведением является психологическое просвещение офицерского и начальствующего состава. Основная тематика, которой должны владеть руководители это информация о сущности суицида, особен-

ностях поведения и типичных чертах личности потенциальных суицидентов, способах эффективного взаимодействия с военнослужащими, демонстрирующими склонность к суициду, способах коррекции суицидального поведения.

Введение в воинских частях Системы психолого-педагогических мероприятий по диагностике и коррекции суицидального поведения позволит эффективно формировать высокую психологическую устойчивость, военнослужащих, способность противостоять негативным факторам в условиях современной войны, укрепить психическое здоровье и привить командирам навыки индивидуальной психолого-педагогической работы с подчиненными.

Источники:

1. Лебедева А.Д. Проблемы юридического образования на современном этапе. // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2004. № 1-3 (14-16). С. 53-56.
2. Лазаренко Л.А. Методы изучения самосознания в психологии. // В сборнике: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ Сборник статей Международной научно-практической конференции. г. Уфа, Республика Башкортостан, 2014. С. 57-59.
3. Лазаренко Л.А., Омельченко Л.Д., Ветчинова М.Е. Умереть или жить: жизнь без наркотиков. // В сборнике: Уголовная политика в сфере обеспечения здоровья населения, обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов III-я Международная научно-практическая конференция. 2014. С. 46-50.
4. Лазаренко Л.А., Шишова Е.С., Омельченко Л.Д. Личностные качества руководителя, обуславливающие эффективность управления. // В сборнике: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян А. А. Уфа, 2015. С. 159-162.
5. Пилюгина Т.В., Пилюгин Д.С. Имидж и профессионализм правоохранительных органов: факторы риска противоправного поведения сотрудников. // В сборнике: Материалы I Международной научно-практической конференции «Наука в 21 веке» Краснодар, 2013. С. 120-123.

Савченко М.С.

*д.ю.н., профессор кафедры государственного и международного права,
Кубанский государственный аграрный университет*

Savchenko M.S.

*Doctor of Law, Professor of Public and International Law,
Kuban State Agrarian University*

Лебедев М.О.

*студент юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный университет*

Lebedev M.O.

law student, Kuban State Agrarian University

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

LEGAL PROBLEMS DIVISION OF POWERS BETWEEN THE STATE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Аннотация. В статье рассматривается механизм разграничений полномочий между органами власти соответствующего уровня при условии соблюдения принципа единого правового пространства. В основу взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления должен быть положен принцип четкого разграничения предметов ведения, функций и полномочий.

Ключевые слова: Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, предметы исключительного ведения РФ и субъектов РФ, предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, государственно-властные полномочия.

Annotation. The article examines the mechanism of differentiation of powers between the authorities at the appropriate level, subject to the principle of a single legal space. The basis of cooperation between state authorities and local self-government must be the principle of a clear delineation of jurisdiction, functions and powers.

Key words: The federal bodies of state power, bodies of state power of subjects of the Russian Federation, local governments, entirely a matter for the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation, subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation, state-powers.

Масштабное обновление российского законодательства, проводимое в последние годы на основе Конституции РФ [1], привело к значительному увеличению массива нормативных правовых актов. Количество и многообра-

зие нормативных правовых актов предполагают синхронное развитие всех уровней законодательства и поддержание их баланса на основе Конституции РФ. Однако ситуация не вполне удовлетворительная: недостаточно равномерна и устойчива динамика регионального законодательства, по-прежнему отсутствует последовательность в решении вопросов разграничения полномочий между уровнями публичной власти [2].

Дисгармония правового разграничения полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления является одной из наиболее острых проблем, выступает источником разногласий и конфликтов между органами государственной власти и органами местного самоуправления [3].

Практика разграничения полномочий между органами публичной власти свидетельствует о том, что разграничение полномочий требует анализа и оценки эффективности принятых решений, теоретического обобщения и совершенствования.

В Конституции РФ Российская Федерация определена как демократическое федеративное правовое государство.

Закрепленные в Конституции РФ принципы федерализма, правового государства и местного самоуправления тесно связаны между собой и являются основополагающими в системе государственного устройства России. Местное самоуправление играет важную роль в развитии федеративных отношений, так как местное самоуправление дополняет комплекс отношений между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта РФ. Местное самоуправление выступает самостоятельным субъектом взаимоотношений в силу своего конституционного статуса, не считаться с которым нельзя.

Перечень предметов совместного ведения Российской Федерации, так же как и перечень предметов ведения РФ, является закрытым. Он подлежит расширению (изменению) только в порядке, предусмотренном для внесения поправок в Конституцию РФ. Это создает определенные гарантии конституционной защиты согласованного сторонами федеративных отношений объема совместного ведения.

Следует заметить, что российская модель совместного ведения несколько отличается от моделей, сформированных зарубежной практикой. В конституциях зарубежных государств, где используется институт совместного ведения, как правило, осуществляется разграничение не предметов ведения между федерацией и ее субъектами, а функций либо совместной компетенции между конкретными ветвями государственной власти - законодательной и исполнительной. Так, в Конституции Австрии отдельно указываются полномочия федерации и земель в сфере законодательной и исполнительной деятельности, а также совместная пересекающаяся компетенция, когда по определенным вопросам федерация законодательствует, а земли осуществляют исполнитель-

ную деятельность. Аналогичные подходы используются в Конституции ФРГ [4].

Концепция разграничения полномочий между уровнями публичной власти задала в целом правильное и продуктивное направление поисков эффективного баланса полномочий, распределения общественных финансов, усиления ответственности и контроля за исполнением полномочий и использованием финансовых средств.

Одним из основных посылов концепции является утверждение, что основной массив регулятивных и контрольных полномочий должен быть сосредоточен на федеральном уровне и, следовательно, органы государственной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления должны стать лишь исполнителями.

Однако некоторые правовые аспекты и принципы теории государственного управления не нашли должного отражения в концепции и правовом обеспечении разграничения полномочий.

В результате, во многих федеральных законах по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации регулирование осуществлено таким образом, что регулятивные полномочия полностью исключаются из ведения субъектов Российской Федерации, и при этом ограничивается право субъектов Российской Федерации принимать решения по вопросам совместного ведения, даже в тех сферах, которые по самой природе федеративных отношений и местного самоуправления не могут быть изъяты из ведения субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. При этом некоторым таким решениям трудно найти политическое, социальное или экономическое обоснование. Такой подход привел к излишней централизации государственного управления и источников доходов бюджетов, а некоторые решения оказались неэффективными и были пересмотрены. В результате, в силу поспешности принятия федеральных законов, внесших изменения в отраслевые законодательные акты в части разграничения полномочий, и недостаточной проработанности правового регулирования ряда решений, отсутствия управленческого, организационного и методического сопровождения внесенные изменения пришлось отменить либо пересмотреть (ФЗ-№ 199 от 31.12.2005), что в некоторых случаях также было сделано не лучшим образом).

В условиях федерального устройства Российского государства совершенно четко прослеживается три относительно самостоятельных уровня власти: федеральный, региональный и местный (муниципальный). Стабильность государственного устройства во многом будет зависеть от того, насколько эти уровни власти будут уравновешены. Для этого должны быть предусмотрены механизмы обеспечения самостоятельности каждого из уровней власти и механизмы предотвращения необоснованного вмешательства в компетенцию другого уровня власти.

Одним из таких механизмов является механизм разграничений полномочий между органами власти соответствующего уровня при условии соблюдения принципа единого правового пространства. Принцип единого правового пространства подразумевает единую иерархически построенную правовую систему, где нормативные правовые акты нижестоящего уровня не должны противоречить нормативным правовым актам вышестоящего уровня. Иерархия правовой и законодательной системы совершенно не означает то, что ей должна соответствовать административно-управленческая иерархия. По нашему мнению, суть правового государства в том, что соподчиненность и взаимодействие всех элементов государственного устройства достигаются, прежде всего, за счет правовой, а не административно-управленческой «вертикали», о которой в последнее время так много идет разговоров.

Таким образом, каждому уровню власти соответствует определенный уровень правового регулирования. Поэтому можно говорить также о трех уровнях правового регулирования, составляющих правовую систему государства.

В целом трехуровневая правовая система построена по принципу верховенства правовых актов более высокого уровня, но не по всем вопросам, а только по вопросам, входящим в исключительную компетенцию соответствующего уровня власти, либо по вопросам совместного ведения разных уровней власти. В остальных случаях уполномоченные органы соответствующего уровня власти осуществляют собственное правовое регулирование.

Следует согласиться с утверждением, что в основу взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления должен быть положен принцип четкого разграничения предметов ведения, функций и полномочий. Как следствие, каждый уровень власти должен иметь определенную законом сферу предметов ведения, наделяться полномочиями для реализации порученной сферы и нести ответственность за недобросовестную реализацию своих задач [5].

В настоящее время на уровне РФ и субъектов РФ предметы ведения и полномочия соответствующих государственных органов четко разграничены. Конституцией РФ, определены предметы исключительного ведения РФ и субъектов РФ и предметы совместного ведения. Вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти (ст.73 Конституции РФ).

Таким образом, разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, безусловно, выходит далеко за рамки реформы местного самоуправления и имеет определяющее значение для обеспечения политического, правового и экономиче-

ского развития России, в соответствии с федеративной конституционно-правовой природой современного российского государства.

По существу, задача формирования эффективно действующей правовой системы разграничения полномочий между уровнями публичной власти в соответствии с федеративной природой современного российского государства и конституционными гарантиями местного самоуправления не решена и сегодня мы находимся только на подступах к ее решению.

Источники:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)
2. Подробнее об этом см.: Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010. С. 17, 57 - 58.
3. Пшеничнов М.А. Гармонизация законодательства как форма взаимодействия органов власти и управления субъектов Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 2.
4. Умнова И.А. Совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов как предмет конституционного регулирования // Журнал российского права. № 11. 1999.
5. Чихладзе Л.Т. Особенности и проблемы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления (на примере государств-участников СНГ) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 45 - 51.

Легостаев В.П.

*к.ю.н., доцент, профессор кафедры административного права и
правоохранительной деятельности,
Кубанский социально-экономический институт*

Legostaev V.P.

*Ph.D., associate professor, professor of administrative law and
law enforcement, Kuban Social and Economic Institute*

Будник В.В.

*ООН, департамент по вопросам охраны и безопасности
(Папуа-Новая Гвинея)*

Budnik V.V.

UN Department of Safety and Security (Papua New Guinea)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ON THE RELATION OF INVESTIGATIVE AND OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения проверочных действий и оперативно-розыскных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в соответствии с изменениями и дополнениями в ст. 144 УПК РФ.

Ключевые слова: процессуальные действия; оперативно-розыскная деятельность; доказательства в уголовном процессе; следователь; орган дознания; оперативно-розыскные мероприятия.

Annotation. The article discusses the features of checking actions and operational-search activities at the stage of a criminal case in accordance with the amendments to art. 144 Code of Criminal Procedure.

Key words: legal proceedings; operatively-search activity; evidence in criminal proceedings; investigator; the body of inquiry; operatively-search actions.

Изменения, коснувшиеся ст.144 УПК РФ от 04.03. 2013 г., №23-ФЗ предоставили органам дознания и расследования наиболее широкие возможности по проведению следственных мероприятий, которые по смыслу направлены не только на проверку заявлений (сообщений) о преступлениях, также на раскрытие их по «горячим следам».

В соответствие с данной нормой следователь, дознаватель, орган дознания вправе до принятия решения о возбуждении уголовного дела проводить практически любые проверочные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые при условии соблюдения требований ст. 75 и 89 могут приравниваться к доказательствам. Так ч. 1 ст. 144 УПК РФ предписывает следо-

вателю, органу дознания, дознавателю получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон регламентировал такие средства проверки, которые осуществляются большим количеством непроцессуальных действий, регулируемых другими отраслями права, в первую очередь – оперативно-розыскным. Следует признать, что с точки зрения общей теории права данная ситуация не совсем верна, так как уголовно-процессуальные отношения должны быть урегулированы нормами уголовно-процессуального права. Однако, средства предварительной проверки, предусмотренные УПК до принятия поправок от 04.03. 2013 г., №23-ФЗ, явно не удовлетворяли потребности практики для принятия законного и обоснованного итогового решения в стадии возбуждения уголовного дела.

Представляется, что законодатель в качестве проверочных действий регламентировал проведение, по меньшей мере, шести оперативно-розыскных мероприятий, обозначенных в ст. 6 ФЗ «Об ОРД». Кроме того вызывает удивление ч. 2 ст. 144 УПК, наделяющая полученные в ходе проверки сведения процессуальной силой доказательств, если при этом соблюдены положения ст. 75 и 89 УПК РФ. Неужели пришло время революционных преобразований в уголовном процессе и результаты оперативно-розыскной деятельности больше не служат целям доказывания, а являются сами доказательствами?

Попробуем разобраться в этом подробно.

Во-первых, с практической точки зрения это представляется оправданным, если согласно ч.3 ст.86 УПК РФ учесть право защитника собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребование справок, документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы и их копии. Аналогичными полномочиями законодатель наделил подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, т.е. действиями схожими по содержанию и результатам с оперативно-розыскными.

Во-вторых, согласно ст. 89 УПК РФ, полученные в ходе мероприятий результаты ОРД, уполномоченными на то должностными лицами должны соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам. Какого либо пояснения, о каких требованиях идет речь законодатель не дает. В связи с чем, уместным было бы подтвердить правоту А.Г. Маркушина, когда он указывал на то, что эта норма никакой правовой нагрузки не несет, никакой ре-

гулирующей функции не выполняет [1]. И действительно, это же какое недоверие к правоохранительным органам государства, в лице их должностных лиц оказывает законодатель! Для него настолько важна форма предоставления результатов ОРД в уголовный процесс, что он забывает о предъявляемых к ним требованиях, а именно, достоверности, относимости и проверяемости оперативно-розыскной информации, предоставляемой для доказывания.

В-третьих, в п. 6 ст. 74 и ст. 84. УПК РФ в качестве доказательств по уголовному делу, наряду с другими допускаются «иные документы» - какие именно законодатель не поясняет. По смыслу это могут быть как результаты проверочных действий, перечисленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, так и документы, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий. В юридической литературе присутствует единое мнение о том, что иные документы – это любые документы, полученные вне процессуальной деятельности, носящую в себе доказательственную информацию и отвечающие требованиям относимости, допустимости и достоверности доказательств [2]. Кроме того, на возможность использования результатов ОРД в качестве доказательств было отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ №8 от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Так, в соответствии с п. 14 результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц, могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь, когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством» [3].

В-четвертых, в последнее время среди процессуалистов широко обсуждается проблема совершенствования оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства по использованию негласного расследования преступлений. Мной по данному вопросу ранее было высказано мнение о необходимости использования в качестве доказательств результатов таким ОРМ, как проверочная закупка, оперативный эксперимент и контролируемая поставка. Несмотря на то, что данные ОРМ содержат в себе элементы поимки подозреваемого с поличным, в ст. 74 УПК РФ мы не найдем схожих по смыслу доказательств. Остается только сожалеть, что это не является доказательством, а только средством доказывания. Складывается парадоксальная ситуация: поимка преступника с поличным в ходе производства ОРМ в момент совершения преступления – это не доказательство. Производство впоследствии следственных действий (допросы участников ОРМ, производство освидетельствования, осмотры, др.), т.е. воспроизведение оперативного эксперимента, события, которое было уже в прошлом – доказательство. Возникает вопрос: какие еще нужны доказательства, например, по вымогательству, если

путем проведения оперативного эксперимента осуществляется наблюдение за поведением подозреваемого и в момент покушения на преступление, осуществляется его захват с поличным [4]? Совершенно был прав В. В. Лунеев, когда писал, что нормы УПК РФ направлены не на поиск истины, а на производство уголовно-процессуальных процедур [5].

Весьма актуальным нам видится замечание А. Г. Маркушина о том, что два уполномоченных государственных органа параллельно осуществляют одну и ту же целенаправленную деятельность в различных правовых режимах. И здесь совершенно очевидны дублирование и параллелизм оперативно-розыскных и процессуальных действий, нерациональность и неэкономичность затрат сил и средств, не говоря уже о немислимо больших сроках оперативно-розыскного и уголовно-процессуального производства по одному и тому же преступлению [6].

И все это стало возможным потому, что оперативно-розыскные правоотношения дублируются не только уголовно-процессуальным законодательством, но и такими нормативными актами как: О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ. (ред. от 1.03.2012 г.), Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (с изм. от 01. 04. 2012 г.), Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ (с изм. от 08.12.2012 г. и множеством других, регламентирующих деятельность спецслужб Российской Федерации.

Таким образом, все сказанное могло бы иметь под собой обоснование, если бы не то обстоятельство, что оперативно-розыскная деятельность – является правоохранительной, но в силу своей специфики она никогда не станет процессуальной (юрисдикционной). В отличие от уголовного процесса нормы ФЗ «Об ОРД» представляют собой декларативные предписания, которые никаких правовых последствий не влекут, а только содержат информационно-поисковую направленность. Поэтому предложения некоторых ученых о законодательном закреплении оперативно-розыскного процесса не что иное как попытки создать невозможное – оперативно-розыскное правоотношение и параллельную правоохранительную процессуальную деятельность [7].

Представляется, что по этой причине законодатель на примере комментируемой ст. 144 УПК все шире применяет проверочные действия под процессуальные нормы.

Недаром в последнее время высказываются мнения о ненужности Закона об ОРД и негласные способы собирания информации, а также производство гласных оперативно-розыскных мероприятий заменить на уголовно-процессуальные действия, тем самым прекратить разделение оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Учитывая изменения и дополнения от 04.03. 2013 г., №23-ФЗ, в ст. 144 УПК РФ, с такой точкой зрения можно согласиться, установив в качестве проверочных или даже следственных действий, такие ОРМ как: проверочная закупка, контролируемая поставка и оперативный эксперимент. В таком случае действительно надобность в Законе Об ОРД отпадет.

В заключение следует подчеркнуть то, что автор никогда не выступал против теории ОРД, как способа борьбы с преступностью, напротив – этот вид правоохранительной деятельности является наиболее важным, нужным, необходимым обществу и государству. Выявление, предупреждение и раскрытие преступлений без использования негласных, скрытых и замаскированных сил и средств, каковые представляет ОРД, вообще не возможно. Но с другой стороны та редакция Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которая не несет в себе никакого юрисдикционного смысла, в настоящее время себя окончательно изжила, о чем свидетельствуют комментируемые нормы УПК РФ.

Источники:

1. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / А.Г. Маркушин М.: Издательство Юрайт, 2012. С.243.
2. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. /Под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2012. С.184-185; Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд. перераб. и доп. М.: «Юрайт», 2012. С. 157. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник для вузов / под общ. ред. Г.М. Резника. М.; изд-во «Юрайт», 2013. С.313.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 16.04.2013) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». СПС «КонсультантПлюс»
4. Легостаев В.П. Могут ли быть доказательствами результаты ОРД в борьбе с преступлениями коррупционной направленности // Современные проблемы информационно-криминалистического обеспечения предварительного расследования и его оптимизация: материалы международной научно-практической конференции (21-22 апреля 2011 г.) Краснодар, Кру МВД России, 2011. С.326.
5. Лунеев В. В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России // Государство и право. 2003. №7. С. 110.
6. Маркушин А.Г. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Юридическая наука, образование и практика: актуальные проблемы. Сборник научных статей. Выпуск 5. НГУ. Н. Новгород, 2011. С.195.
7. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. В.Б. Рушайло. Изд. 2-е испр. и доп. СПб.: изд-во «Лань», 2000. С. 416-432.
8. Баранов А.М. Закон об ОРД: вчера, сегодня, завтра // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская юридическая академия, 2012. С.144-150.

Ленкова М.И.

*к.э.н., доцент кафедры сервиса и туризма,
Кубанский социально-экономический институт*

Lenkova M.I.

*Ph.D., assistant professor of service and tourism,
Kuban Social and Economic Institute*

Гучетль А.И.

*Студент юридического факультета,
Кубанский социально-экономический институт*

Guchetl A.I.

Law student, Kuban Social and Economic Institute

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ И КВАЛИФИКАЦИЯ

LEGAL ASPECTS OF CRIMINAL TAX PRESTUPLINY: CONCEPT AND QUALIFICATIONS

Аннотация. В статье рассматривается понятие «налогового преступления», раскрывается классификация этого вида преступлений. Изучается уровень общественной и экономической опасности налоговых преступлений, меры ответственности. Также в данной статье рассмотрены проблемы квалификации налоговых преступлений.

Ключевые слова: налоговые преступления, виновность, субъект налогового преступления, объект налогового преступления, уголовное законодательство, налоговое законодательство, сокрытие налогов.

Annotation. The article discusses the concept of tax crimes, reveals the classification of this type of crime. Examined the social and economic dangers of tax crimes, penalties. The article considers the problems of qualification of tax crimes.

Key words: tax crimes, the guilt, the subject of tax crimes, the tax object of crime, criminal law, tax law, withholding taxes.

Налоговую преступность как общественно-опасное явление нельзя назвать принципиально новым для России, хотя существовавшее долгое время господство государственной собственности в экономике позволяло осуществлять перераспределение доходов вне налоговой системы. В период с начала 30-х до конца 80-х годов налоговые преступления носили эпизодический характер и сводились главным образом к нарушению порядка уплаты налогов гражданами.

Понятие «налоговое преступление» отсутствует как в Налоговом Кодексе РФ, так и в Уголовном Кодексе РФ. Однако, учитывая положения Уголовного Кодекса РФ, такое понятие можно сформулировать. Под налоговым преступлением следует понимать виновно совершенное общественно опасное

деяние, запрещенное уголовным законодательством под угрозой наказания и посягающее на финансовые интересы государства в сфере налогообложения. Общественная опасность налоговых преступлений заключается в том, что они влекут непоступление денежных средств в бюджетную систему РФ, а это неизбежно приводит к потере способности государства финансировать субъекты публичной власти [5].

Теперь рассмотрим само совершение преступления.

Временем совершения налогового преступления считается дата истечения срока, отведенного специальными нормами Налогового Кодекса РФ для уплаты определенного налога.

К ответственности за совершение налогового преступления лицо может быть привлечено только в судебном порядке. В суде должен быть доказан полный состав преступления (все его признаки). В качестве доказательств по налоговому преступлению могут быть признаны первичные документы, документы налогового учета, налоговые декларации. В отношении данных, подтверждающих наличие или отсутствие в действиях подсудимого состава преступления, Верховный Суд РФ указал, что такие данные наряду с заключением эксперта могут устанавливаться также актами документальных проверок исполнения налогового законодательства и ревизии финансово-хозяйственной деятельности [4].

Что относится к виновности в совершении преступления, то здесь соблюдается следующее: виновность подразумевает умысел в совершении деяния. Применительно к налоговому преступлению составообразующим быть может признано только такое деяние, которое совершается намеренно и направлено на избежание уплаты налога в нарушение определенных налоговым законодательством правил. Это обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, не только определить в ходе расследования и судебного рассмотрения конкретного уголовного дела сам факт неуплаты налога, но и доказать незаконность соответствующих действий (бездействия) налогоплательщика и присутствие умысла на уклонение от уплаты налога. Объективное вменение (применительно к сфере налогообложения – уголовная ответственность за невнесение налога, явившееся результатом невиновного поведения) не допускается.

Статья 25 Уголовного Кодекса РФ разделяет умысел в совершении преступления на прямой и косвенный. Так, преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления последствий и желало их наступления.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично [3].

Признаками налогового преступления являются:

- 1) вина субъекта преступления, т.е. лица, совершившего деяние;
- 2) общественная опасность деяния;
- 3) нарушение норм законодательства о налогах и сборах;
- 4) наличие запрета уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение деяния.

Прежде всего рассмотрим вопрос, касающийся субъекта налогового преступления и его виновности в совершении общественно опасного деяния.

Субъект налогового преступления – вменяемое физическое лицо. Для привлечения к уголовной ответственности должна быть доказана его виновность в совершении противоправного деяния. Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за совершение налогового преступления только в том случае, если оно совершено в крупном или особо крупном размере [2].

Порог уголовной ответственности за налоговые преступления в действующем УК РФ связан с крупным размером суммы налогов и (или) сборов. Более значимый с количественной точки зрения вред закреплен посредством указания на «особо крупный размер».

Законодатель дифференцирует материальные основания уголовной ответственности за налоговые преступления также по такому показателю, как размер сокрытого от уплаты налога в зависимости от характеристик субъекта. Такая дифференциация вызвана несовпадением финансового оборота юридических и физических лиц, деятельность которых подлежит обложению. В данном случае на уровне законодательного решения степень общественной опасности уклонения от уплаты налогов вписана в систему признаков объективной стороны состава и субъектов состава преступления. Лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности именно за нарушение уголовно-правового запрета в силу его социальной обусловленности, а не за формальное нарушение налогового законодательства в обязывающей его части [4].

Иными словами, общественная опасность преступления как базовая категория уголовного права основывается на взаимной связи общественных отношений, охраняемых уголовным законом, и вреда, причиняемого данным отношениям, предопределяется их качественно – количественными характеристиками.

Далее рассмотрим квалификацию налоговых преступлений

Начнем с квалификации по признакам объекта преступления. Объектом налогового преступления являются общественные отношения в области установленного порядка обеспечения финансовых интересов государства в части платы обязанными субъектами предусмотренных законом налогов и сборов. Общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, т.е. намеренное невыполнение конституционной обязанности каждого уплачивать законно определенные налоги и сборы, заключается в непоступлении денежных средств в бюджет Российской Федерации [3].

Теперь необходимо рассмотреть квалификацию по признакам объективной стороны.

Объективная сторона данного преступления выражается в уклонении от платы налогов и (или) сборов с физического лица (статья 198 Уголовного Кодекса) либо с предприятий (статья 199 Уголовного Кодекса) путем:

1) непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным;

2) либо путем внесения в налоговую декларацию или такие документы заведомо неправильных сведений.

При квалификации нужно доказывать, в какие именно документы были внесены изменения [2].

Под включением в налоговую декларацию или в иные документы заведомо неправильной информации следует понимать умышленное указание в них любых не соответствующих действительности данных об объекте налогообложения, расчете налоговой базы, наличии налоговых льгот или вычетов и любой иной информации, влияющей на правильное исчисление и уплату налогов и сборов. Включение в налоговую декларацию или иные обязательные для представления документы заведомо ложных сведений может выражаться в специальном ложной информации о доходах из установленных источников, объектов налогообложения, в понижении действительного размера дохода, искажении размеров выполненных расходов, которые учитываются при расчете налогов. К заведомо неправильной информации могут быть также приравнены искаженные данные о времени (периоде) понесенных расходов, полученных доходов и т.п.

В тех случаях, когда лицо в целях уклонения от уплаты налогов и (или) сборов осуществляет подделку официальных документов организации, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а также штампов, печатей, бланков, содеянное им при наличии к тому оснований влечет уголовную ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 198 или статьей 199 и статьей 327 Уголовного Кодекса [2].

Исходя из того, что в соответствии с нормами налогового законодательства срок представления налоговой декларации и сроки уплаты налога (сбора) могут не совпадать, моментом окончания преступления, предусмотренного статьей 198 или статьей 199 Уголовного Кодекса, следует считать фактическую невыплату налогов (сборов) в срок, указанный налоговым законодательством.

В том случае, когда налогоплательщик не представил налоговую декларацию или иные документы, представление которых в соответствии с нормами налогового законодательства Российской Федерации о налогах и сборах является неотъемлемым, либо специально включил в налоговую декларацию или в эти документы неправильную информацию, в том числе в случаях по-

дачи в налоговый орган заявления о дополнении и изменении налоговой декларации после истечения срока ее подачи, но затем до истечения срока уплаты налога и (или) сбора сумму обязательного взноса уплатил, то в его действиях состав преступления, предусмотренный статьи 198 или статьи 199 Уголовного Кодекса, отсутствует [2].

Неотъемлемым признаком изучаемого нами вида преступления является крупный размер неуплаченных налогов и (или) сборов. По статье 198 Уголовного Кодекса крупным размером является сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех налоговых периодов подряд более 600 000 руб., в том случае если доля неуплаченных налогов и (или) сборов больше десяти процентов необходимых к уплате сумм налогов и (или) сборов, или более 1 800 000 рублей. По статье 199 Уголовного Кодекса крупным размером является сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех налоговых периодов подряд более двух миллионов рублей, но только в том случае, если доля сокрытых налогов и (или) сборов более чем десять процентов подлежащих выплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая шесть миллионов рублей.

По сути закона ответственность за совершение налоговых преступлений может наступить при наличии для этого оснований и за отдельный налоговый период, установленный Налоговым Кодексом РФ (например, за календарный год или иной период относительно к отдельным налогам, по истечении которого определяется налоговая база и рассчитывается сумма налога, подлежащая уплате), если уклонение от уплаты одного или нескольких налогов (сборов) составило крупный или особо крупный размер и истекли указанные в налоговом законодательстве сроки их выплаты [1].

При расчете крупного размера сокрытия налогов и (или) сборов необходимо складывать как сумму налогов (в том числе по каждому их виду), так и сумму сборов, которые не были уплачены за период в пределах трех финансовых лет подряд. При этом необходимо учитывать лишь суммы тех налогов и (или) сборов, которые не были уплачены в бюджеты разных уровней по истечении налогового года по видам налогов и (или) сборов в соответствии с Налоговым Кодексом РФ. Крупный размер сокрытых налогов и (или) сборов рассчитывается за период в пределах трех финансовых лет подряд и в тех ситуациях, если только сроки их уплаты выходят за рамки данного трехлетнего периода и они истекли.

Рассчитывая часть неуплаченных налогов и (или) сборов (превышающую десять процентов), нужно отталкиваться от суммы всех налогов и (или) сборов, необходимых к уплате за период в пределах трех финансовых лет подряд, если такая сумма составила: по статье 198 Уголовного Кодекса – соответственно более 600 000 тысяч рублей, по статье 199 Уголовного Кодекса – следовательно более двух миллионов рублей [2].

Найденную сумму неуплаченных налогов (сборов) необходимо включать в общую сумму налогов (сборов), подлежащих уплате. Порядок определения неуплаченной части налогов (сборов) не относится к ситуациям, когда крупный размер составляет более 1 800 000 рублей для статьи 198 Уголовного Кодекса или более шести миллионов рублей для статьи 199 Уголовного Кодекса [2].

Соккрытие налогов и (или) сборов возможно только с прямым умыслом с целью полной или частичной их неуплаты. При этом не стоит забывать о том, что при решении вопроса о наличии у лица умысла нужно учитывать обстоятельства, указанные в статье 111 Налогового Кодекса РФ, которые исключают вину в налоговом правонарушении. К таким обстоятельствам отнесены:

1) осуществление деяния, которое содержит признаки налогового преступления, в результате стихийного бедствия или других чрезвычайных и непреодолимых ситуаций (указанные обстоятельства устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой информации и иными способами, которые не нуждаются в специальных средствах доказывания);

2) осуществление деяния, которое содержит признаки налогового преступления, налогоплательщиком – физическим лицом, которое находилось в момент его совершения в состоянии, когда это лицо не осознавало общественную опасность совершаемых им действий или управлять ими в результате болезненного состояния (указанные обстоятельства доказываются предоставлением в налоговый орган документов, которые по смыслу, содержанию и дате относятся к тому налоговому периоду, в котором совершено налоговое правонарушение);

3) выполнение налогоплательщиком (плательщиком сбора, налоговым агентом) письменных пояснений о порядке расчета и уплаты налога (сбора) или по иным вопросам применения законов о налогах и сборах, предоставленных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции (указанные обстоятельства вводятся при наличии соответствующего документа этого органа, по смыслу и содержанию относящегося к налоговым периодам, в которых совершено налоговое правонарушение, независимо от даты издания такого документа). Положение данного пункта не применяется в случае, если указанные письменные разъяснения основаны на неполной или недостоверной информации, представленной налогоплательщиком (плательщиком сбора);

4) иные обстоятельства, которые могут быть признаны судом или налоговым органом, рассматривающим дело, исключаящими вину лица в совершении налогового правонарушения [1].

Далее рассмотрим квалификационные признаки субъекта. Субъектом налогового преступления признается лицо, достигшее возраста шестнадцати лет, на которое в соответствии с законодательством о налогах и сборах возложена обязанность по расчету и уплате в соответствующий бюджет налогов и (или) сборов, а также по представлению в налоговые органы налоговой декларации и иных документов, необходимых для осуществления налогового контроля, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным. В частности, в силу статьи 11 Налогового Кодекса РФ им может быть индивидуальный предприниматель, зарегистрированный в установленном порядке и осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также частный нотариус, адвокат, учредивший адвокатский кабинет. Субъектом преступления, ответственность за которое предусмотрена статьи 198 Уголовного Кодекса, может быть и иное физическое лицо, осуществляющее представительство в совершении действий, регулируемых законодательством о налогах и сборах, поскольку в соответствии со статьями 26, 27 и 29 Налогового Кодекса РФ налогоплательщик (плательщик сборов) вправе участвовать в таких отношениях через законного или уполномоченного представителя, если иное не предусмотрено Налоговым Кодексом РФ [4].

В тех случаях, когда лицо, фактически осуществляющее свою предпринимательскую деятельность через подставное лицо (например, безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя), уклонялось при этом от уплаты налогов (сборов), его действия следует квалифицировать по статье 198 Уголовного Кодекса как исполнителя данного преступления, а действия иного лица в силу части 4 статьи 34 Уголовного Кодекса - как его пособника при условии, если он сознавал, что участвует в уклонении от уплаты налогов (сборов) и его умыслом охватывалось совершение этого преступления. По статье 199 Уголовного Кодекса к субъектам преступления могут быть отнесены руководитель организации-налогоплательщика, главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера), в обязанности которых входит подписание отчетной документации, представляемой в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов, а равно иные лица, если они были специально уполномочены органом управления организации на совершение таких действий. К числу субъектов данного преступления могут относиться также лица, фактически выполнявшие обязанности руководителя или главного бухгалтера (бухгалтера). Иные служащие организации-налогоплательщика (организации – плательщика сборов), оформляющие, например, первичные документы бухгалтерского учета, могут быть при наличии к тому оснований привлечены к уголовной ответственности по соответствующей части ст. 199 УК как пособники данного преступления [3].

Лицо, организовавшее совершение преступления, предусмотренного ст. 199 УК, либо склонившее к его совершению руководителя, главного бухгалтера (бухгалтера) организации-налогоплательщика или иных сотрудников этой организации, а равно содействовавшее совершению преступления советами, указаниями и т.п., подлежит ответственности в зависимости от содеянного им как организатор, подстрекатель либо пособник по соответствующей части статьи 33 Уголовного Кодекса и соответствующей части статьи 199 Уголовного Кодекса.

Далее рассмотрим проблемы квалификации данного рода преступлений.

Распространенная проблема, связанная с квалификацией налоговых преступлений, – это ошибка налогоплательщика относительно сложных положений законодательства о налогах и сборах. В обоснование отказа от уголовного преследования за деяния, совершенные в результате неправильного понимания сложных и противоречивых положений законодательства о налогах и сборах, можно сослаться на положения части 2 статьи 25 Уголовного Кодекса РФ, согласно которой «осознание общественной опасности» деяния является необходимым признаком прямого умысла [2].

Действия должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, умышленно содействовавших совершению преступлений, предусмотренных статьями 198, 199, 199.1 и 199.2 Уголовного Кодекса РФ, надлежит квалифицировать как соучастие в совершении указанных преступлений, а если при этом они действовали из корыстной или иной личной заинтересованности, то и по соответствующим статьям Уголовного Кодекса РФ, предусматривающим ответственность за совершение преступлений против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (статьи 285, 292 Уголовного Кодекса РФ).

Неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ) и злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) либо злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), при наличии в содеянном всех признаков составов данных преступлений тоже образуют совокупность этих преступлений [4].

Кроме того, важно учитывать, что когда лицо, фактически осуществляющее свою предпринимательскую деятельность через подставное лицо (например, безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя), уклонялось при этом от уплаты налогов (сборов), его действия следует квалифицировать по статье 198 УК РФ как исполнителя данного преступления, а действия иного лица в силу части четвертой статьи 34 УК РФ – как его пособника при условии, если он сознавал, что участвует в уклонении от уплаты налогов (сборов) и его умыслом охватывалось совершение этого преступления.

В тех случаях, когда лицо в целях уклонения от уплаты налогов и (или) сборов осуществляет подделку официальных документов организации, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а также штампов, печатей, бланков, содеянное им при наличии к тому оснований влечет уголовную ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 198 или статьей 199 и статьей 327 Уголовного Кодекса РФ [2].

При квалификации важно учитывать, что в соответствии со статьями 198-199.2 Уголовного Кодекса РФ обязательным условием наступления уголовной ответственности за налоговые преступления является высокий уровень общественной опасности данных деяний, который выражается в причинении крупного или особо крупного размера причиненного ущерба. При исчислении крупного или особо крупного размера уклонения от уплаты налогов и (или) сборов надлежит складывать как сумму налогов (в том числе по каждому их виду), так и сумму сборов, которые не были уплачены за период в пределах трех финансовых лет подряд.

Установление в действиях субъекта умышленности уклонения от уплаты налогов и (или) сборов является одной из проблем, возникающих на практике. Квалификация преступления как совершенного умышленно составляет наиболее сложную задачу в практической деятельности, поскольку последнему зачастую приходится оперировать оценочными понятиями. Для решения этого вопроса необходимо руководствоваться следующим: налоговое преступление непосредственно вытекает из налогового правонарушения, является по существу его продолжением, поэтому необходимо вначале устанавливать вину в нарушении законодательства о налогах и сборах [4].

Трудности и разногласия возникают не только при соотношении теоретических и практических выкладок в процессе расследования уголовных дел. Из постановлений судов следует, что следственными органами не выясняются и не принимаются меры к доказыванию события преступления, не обсуждаются вопросы о наличии в действиях виновных лиц признаков иных составов преступлений, граничащих с налоговыми.

Отсутствие конкретного потерпевшего также затрудняет расследование налоговых преступлений. Законодательство в данном случае противоречиво. В одних случаях, оно предписывает признавать потерпевшими налоговые инспекции для обращения в районные суды с соответствующими гражданскими исками о взыскании с виновных лиц в доход государства соответствующих сумм налогов, пеней, штрафов в рамках уголовного судопроизводства. С другой стороны, законодательство не предоставляет налоговому органу права на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам проверки, направленного в следственный комитет, поскольку налоговые органы в данном случае выступают от имени государства и их права никак не затрагиваются и не нарушаются вынесенными постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела.

Несомненно, налоговые преступления представляют повышенную сложность в их квалификации и расследовании, что определяется их спецификой. Представляется, что особое внимание к налоговым преступлениям должно проявляться со стороны правовой науки, законодателей и следственной практики. Данный вид преступлений является «прогрессирующим», нарушения приобретают все более массовый характер, становятся более изощренными, и опыт расследований должен накапливаться с целью выявления общих закономерностей совершения преступлений, сокрытия следов, что в итоге должно способствовать успешному их расследованию [3].

Источники:

1. Налоговый Кодекс Российской Федерации часть 2 от 05.08.2000 г. №117 – ФЗ (принят Государственной Думой РФ 19.07.2000 г.), действующая редакция от 08.03.2015 г.
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63 – ФЗ (принят Государственной Думой РФ 24.05.1996 г.)
3. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: Монография, В.К. Дуюнов, А.Г. Хлебушкин. - 2-е изд. - М.: ИЦ РИОР: НИЦ ИНФРА-М, 2015. - 384 с.
4. Налоговое право: Учебник, Н.В. Миляков. - М.: ИНФРА-М, 2010. - 383 с.
5. Налоговое право России, Под ред. А.Н. Козырина, А.А. Ялбулганова. - М.: Норма, 2010. 320 с.
6. Пилюгина Т.В. Коррупция как системное социальное явление современного российского общества / Пилюгина Т.В. в сборнике: Второй Пермский конгресс ученых-юристов материалы международной научно-практической конференции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» юридический факультет; семнадцатый арбитражный апелляционный суд Пермское отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» нотариальная палата Пермского края ЗАО «Телекомплус» ООО «Юридическая компания «Налоги и право», Пермь, 2011. с. 299-301.
7. Жинкин А.А. Некоторые аспекты действия российского уголовного закона // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2000. № 1-3 (6-8). С. 45-46.
8. Лукин В.К. Методы криминального контроля транснациональных финансовых и материальных потоков // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2009. № 1-3 (38-40).с. 14-16.
9. Жинкин С.А. О многоаспектности категорий эффективности права и норм законодательства // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2008. № 1-3 (35-37). С. 5-9.
10. Лукин В.К., Чечулина Ю. Правовая парадигма экономического развития - // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2000. № 1-3 (6-8). С. 57-58.
11. Лукин В.К. Проблемы легализации теневых капиталов в российской экономике // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2009. № 1-3 (38-40). С. 79-80.
12. Лукин В.К., Чикова О.Г. Финансовые проблемы развития российской экономики // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2004. № 7-9 (20-22). С. 35-37.
13. Логинов Е., Лукин В.К. Экономические преступления и коррупция в условиях изменений структуры государственной власти // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2000. № 1-3 (6-8). С. 60-61.

Леус М.В.

*К.и.н., доцент кафедры общетеоретических и
государственно-правовых дисциплин,
Кубанский социально-экономический институт*

Leus M.V.

*Ph.D., assistant professor of general theoretical and
State and legal disciplines,
Kuban Social and Economic Institute*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УДЕРЖАНИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DEDUCTION REAL ESTATE

Аннотация. В статье рассмотрены различные взгляды ученых о возможности удержания недвижимого имущества, проведен анализ неоднозначно складывающейся судебной практики в отсутствие законодательной регламентации данных вопросов.

Ключевые слова: удержание вещи должника, недвижимое имущество, государственная регистрация обременения недвижимости, способ обеспечения исполнения обязательства.

Annotation. This article describes the different views of scientists about the impossibility of retaining the real estate, the analysis is ambiguous emerging jurisprudence in the absence of legislative regulation of these matters.

Key words: hold things debtor, real estate, the state registration of encumbrance of real estate, a way to enforce the obligations.

Право удержания было известно российскому гражданскому законодательству. В Своде Законов Гражданских в перечне способов обеспечения исполнения обязательств удержание не упоминалось и являлось своеобразной формой ненаказуемого самоуправства и активно применялось на практике, такими случаями являлось, например, задержание вещи при потравах, когда дозволялось задержать чужой скот, пойманный на потраве в целях обеспечения вознаграждения за поврежденные уголья.

В Проекте Гражданского Уложения нормы об удержании содержались в подразделе VII Отделения 1 Главы III «Исполнение обязательств». В ст. 1642 было закреплено следующее положение: «Лицо, обязанное выдать не принадлежащее ему особливо определенное движимое имущество, вправе удерживать его у себя в виде обеспечения до тех пор, пока ему не будут возмещены произведенные им необходимые или полезные издержки на имущество» [1, с. 360].

Наряду с общегражданским правом удержания выделялось и право удержания, возникшее из обязательства, сторонами которого являлись предприниматели или иначе «право удержания между торговцами», которое заключалось в том, что действие права удержания распространялось на товары, процентные и иные ценные бумаги в обеспечение всякого рода требований, срок которым наступил, хотя бы они не имели отношения к удерживаемому имуществу (ст. 1643). Таким образом, в качестве предмета удержания признавалось лишь движимое имущество.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. [2] не содержал норм, предусматривающих возможность использовать удержание в качестве обеспечения договорных обязательств.

В Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. [3] также отсутствовали нормы об удержании, но оно как институт гражданского права признавалось мерой оперативного воздействия кредитора на должника [4, с.66]. В частности, ст. 417 ГК РСФСР предоставляло право комиссионеру удержать причитающиеся ему по договору комиссии суммы из всех сумм, поступивших к нему.

Свою «новую жизнь» данный правовой институт получил лишь с принятием части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5]. В настоящее время вопрос о возможности удержания недвижимого имущества является одним из самых дискуссионных в цивилистической доктрине. Это связано с тем, что удержанию, как способу обеспечения исполнения обязательств, посвящено в общих положениях Гражданского кодекса РФ всего две статьи (ст. 359 и ст. 360), содержание которых не позволяет ответить на многие вопросы, в том числе и основной для данного исследования: возможно ли удержание недвижимого имущества.

В статье 359 ГК РФ закреплено, что кредитору, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику (указанному им лицу), принадлежит право, в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещения кредитору связанных с этой вещью издержек и других убытков, удерживать ее у себя до тех пор, пока соответствующее обязательство должником не будет исполнено. Как известно, понятие «вещь» включает в себя как движимые, так и недвижимые вещи. К недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Наиболее распространенными объектами недвижимости являются жилые дома, квартиры [6, с. 232]. По общему правилу, вещные права на недвижимые вещи подлежат государственной регистрации и возникают с момента такой регистрации [7, с. 118].

Анализ ст. 359 ГК РФ и ст. 360 ГК РФ, регламентирующей порядок обращения взыскания на удерживаемое имущество, позволяют прийти к

выводу, что никаких ограничений для удержания недвижимого имущества нет.

В науке сложилось две противоположные позиции по данной проблеме. Представители одной из них категорически возражают против включения в круг предметов удержания недвижимого имущества. Так, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский полагают, что сделки с землей и иным недвижимым имуществом подлежат государственной регистрации, а ст. 131 ГК РФ и другие законы не включают право удержания в перечень обременений недвижимого имущества, что не позволяет считать недвижимое имущество предметом удержания [8, с. 448].

Л.Н. Якушина удержание недвижимой вещи недопустимо по следующим основаниям:

1) удержание значительно снизит оборотоспособность недвижимых объектов;

2) существенно усложнит применение права удержания на практике (все сделки с недвижимостью и права на недвижимость подлежат государственной регистрации), так как будет связано с дополнительными затратами как финансового, так и временного характера;

3) не может быть предметом права удержания недвижимость и потому, что закон не предусматривает специальную форму для удержания, как это требуется при сделках с недвижимостью [9, с.12]

Один из самых известных современных исследователей права удержания С.В. Сарбаш, полагает, что поскольку законодатель не конкретизировал положения об удерживаемой вещи, то она может быть любой [10, с. 95]. Аналогичной позиции придерживается и Б.М. Гонгало [11, с.121].

Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [12] не содержит исчерпывающего перечня ограничений (обременений), подлежащих государственной регистрации и признаков, позволяющие разграничить такие ограничения (обременения) с теми, регистрация которых не требуется. В частности, в данном законе вообще не упоминается об удержании недвижимой вещи должника.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами, судебная практика складывается неоднозначно. В качестве иллюстрации сказанного можно привести два примера из судебной практики:

Судебная коллегия по гражданским делам Ростовского областного суда оставила в силе решение Батайского городского суда Ростовской области от 02 ноября 2011 г., который отказал в иске А.С. к К. о признании права на удержание квартиры. Суд мотивировал свою позицию тем, что исходя из ст. 164 ГК РФ предусмотрена обязательная регистрация сделок с недвижимостью, что, по мнению суда, противоречит существу правоотношений, возникающих при осуществлении кредитором права удержания имущества. Статья 131 ГК РФ и другие законы не включают право удержания в перечень обре-

менений недвижимого имущества, подлежащих государственной регистрации, в связи с этим суд делает вывод о том, что изложенные обстоятельства не позволяют включать в круг вещей, которые могут служить предметом удержания, недвижимое имущество [13].

В другом случае, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд признал за ответчиком право на удержание результата работ по договору строительного подряда (жилой дом, а также на недвижимое имущество, расположенное на земельных участках в виде незавершенного строительством жилого 17-ти этажного дома со встроенно-пристроенным нежилыми помещениями), но отказал истцу в удовлетворении его требований по другому основанию [14].

Научный интерес представляет еще одна точка зрения. Если традиционно правом удержания можно было воспользоваться в таких договорах как хранение, перевозка, комиссия, подряд, поручение, то в настоящее время оно стало общегражданским способом, а поскольку в гражданский оборот введены новые виды договоров, следует полагать, что право удержания может быть применено и к недвижимой вещи по другим видам договоров. Показательным в этом плане является договор ренты. Данный договор направлен на охрану слабозащищенной стороны, которой, по смыслу законодателя, является получатель ренты, и суды в основном становятся на защиту прав получателя ренты. На практике же не редки случаи, когда договор расторгается по иску получателя ренты без достаточных на то оснований. Зачастую в таких случаях плательщик ренты понес значительные расходы на неотделимые улучшения недвижимой вещи, которые не всегда представляется возможным вернуть. Достаточно эффективным способом защиты прав добросовестного плательщика рентных платежей может оказаться применение института удержания к данному обязательству. Если ответчик в судебном процессе о расторжении договора ренты заявил об удержании вещи для обеспечения права на компенсацию произведенных им улучшений, это должно влечь последствия, предусмотренные ст. ст. 359, 360 ГК РФ. Представляется правильным, что применение в этой ситуации права удержания в значительной мере стабилизирует рентные отношения и сократит злоупотребления в этой сфере. Право удержания может с успехом применяться и по другим договорам, связанным с возвратом недвижимой вещи, на которую были произведены неотделимые улучшения, и которые должник отказывается возмещать их стоимость, например, по договору аренды, ссуды, найма жилого помещения [15, с. 80].

Представляется, что подобная неопределенность порождает различные толкования, поэтому нормы все-таки нуждаются в доработке. Тем более, что в настоящее время реформированию подвергаются многие правовые институты [16, с. 42].

В этом контексте заслуживает внимания предложение В.В. Витрянского, высказанное им когда-то в процессе обсуждения Концепции развития

гражданского законодательства. По его мнению, выходом из этой ситуации явилось бы закрепление на законодательном уровне предлагаемой, в свете разработок по совершенствованию законодательства в области государственной регистрации недвижимости, концепции об учреждении системы отметок, вносимых в Единый государственный реестр регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, которые не будут являться записями о государственной регистрации. К числу таких фактов, например, предлагалось относить случаи беститульного владения недвижимостью, когда данное обстоятельство имеет значение владения для давности [17, с.8].

Таким образом, неопределенность в вопросе о возможности удержания недвижимого имущества диктует необходимость совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Источники:

1. Проект книги Первой Гражданского Уложения с объяснительной запиской редакционной комиссии / Под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1895.
2. Гражданский кодекс РСФСР, утв. ВЦИК РСФСР 31 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
3. Гражданский кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
4. Лазаренкова О.Г. Взгляды современных исследователей на соотношение права удержания и самозащиты гражданских прав // Юридическая мысль. 2006. № 5. С.61-68.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 6 апреля 2015г. № 80-ФЗ) //Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2015. № 14. Ст. 2020.
6. Григорьева А.Г. Реализация жилищных прав несовершеннолетних: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 232.
7. Григорьева А.Г. Тенденции и перспективы развития гражданского законодательства в сфере регулирования вещных прав на жилые помещения // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. № 3-4 (63-64).С. 118.
8. Брагинский, М., Витрянский, В. Договорное право: Книга первая: Общие положения – М.: Статут, 2011. С. 448.
9. Якушина, Л.Н. Удержание в системе способов обеспечения исполнения обязательств: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 12.
10. Сарбаш С.В. Некоторые аспекты применения права удержания // Вестник ВАС РФ. 1997. № 11. С.95.
11. Залог, банковская гарантия и другие способы обеспечения исполнения обязательств: постатейный комментарий главы 23 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2010. С. 121.
12. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 6 апреля 2015 г. № 82-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3594; 2015. № 14. Ст. 2022.
13. Определение Ростовского областного суда от 9 февраля 2012 г. по делу № 33-1660 // [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://base.consultant.ru> / (Дата обращения 15.01.2015).

14. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 февраля 2012 г. по делу № А 65-7172/2011 // [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://base.consultant.ru/> / (Дата обращения 15.01.2015).
15. Лазаренкова О.Г. Удержание недвижимого имущества: теория и практика // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 34. С. 80.
16. Григорьева А.Г. Проблемы обеспечения тайны усыновления ребенка // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. № 1 (61). С. 42.
17. Витрянский, В. Пути совершенствования законодательства о недвижимом имуществе // Хозяйство и право. 1999. № 6. С. 8-16.

Медведева Э.А.

*преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Кубанский социально-экономический институт*

Medvedeva E.A.

*lecturer of the Department Criminal and Penitentiary Law,
Kuban Social and Economic Institute*

ОСОБЕННОСТИ И ЭТАПЫ ПРИВАТИЗАЦИИ В РОССИИ

FEATURES AND STAGES OF PRIVATIZATION IN RUSSIA

Аннотация. В статье рассмотрены недостатки правового и организационного обеспечения приватизации государственной и муниципальной собственности в России, ее негативные последствия.

Ключевые слова: приватизация, государственное имущество, муниципальное имущество, правовая база.

Annotation. In the article the most significant lacks of legal and organizational maintenance of privatization of the state and municipal property of Russia and its negative consequences are considered.

Key words: privatization, the state property, municipal property, legal base, bankruptcy, economic crimes.

В рыночной экономике некоторые объекты государственной собственности по мере того, как они начинают представлять интерес для частных индивидуальных или ассоциированных собственников капитала, приватизируются. Приватизация – это переход объектов из государственной собственности в частную.

В обобщенном понимании приватизация представляется как составной элемент государственной политики. В более узком понимании приватизация означает полную или частичную передачу права собственности на капитал определенного государственного предприятия акционерному обществу или частному лицу. Приватизация предприятия не сводится к простой продаже имущества – она является инструментом дерегулирования экономики и означает продажу государством физическим и юридическим лицам прав собст-

венности на имущество, а также прав распоряжения и пользования имуществом при одновременном снятии административных ограничений на деятельности предприятия [1, с.110].

Основной причиной приватизации, особенно в наименее развитых странах, послужило вызванное бюджетными кризисами осознание того, что государственные предприятия, как правило, выступают растратчиками национального богатства.

В случае с российской экономикой проблема усугубляется тем, что долгие годы существовала идея о порочности, неестественности частной собственности, о том, что процесс огосударствления носит объективный характер, не оставляющий частной собственности никакой перспективы. На подавление естественного стремления человека к частной собственности была брошена вся мощь государственной машины. В разрушении и деформации отношений собственности кроются главные причины банкротства командно-административной системы [2, с.15].

Поспешная приватизация в России породила социальную напряженность в обществе и стала одной из причин роста коррупции. Приватизация, с одной стороны, позволила уйти от советской экономики с ее бесперспективностью, но, с другой, не позволила решить задачи радикального повышения эффективности экономики и соблюдения социальной справедливости. Отсюда социальное расслоение и напряженность в обществе, которое считает результаты приватизации несправедливыми.

Сложившаяся неблагоприятная ситуация в этой важнейшей сфере экономических преобразований предопределена, как представляется, прежде всего нестабильностью правовой базы, отсутствием системного подхода. Правовому обеспечению приватизации государственного имущества и, соответственно, гарантированности при этом прав и интересов всех граждан России должны быть посвящены нормы всех отраслей права, в том числе уголовного. Анализ процесса становления российского приватизационного законодательства позволяет выделить несколько этапов.

Первый этап – законодательство периода массовой (т. н. «ваучерной») приватизации (1992-1994 гг.). Предваряют этот этап законодательные акты по приватизации, принятые Верховным Советом РСФСР еще летом 1991 года. Однако практическая реализация положений этих законов началась лишь в 1992 году. Основной массив документов этого периода составили Закон «О кооперации», Основы законодательства об аренде и Постановления «Об акционерных обществах», Указы Президента Российской Федерации, в том числе от 29 декабря 1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных пред-

приятий в акционерные общества»; от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации»; от 24 декабря 1993 г. № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации».

Второй этап – законодательство периода денежной приватизации (1994-1999 гг.). Базовым документом для начала денежной приватизации стал Указ Президента Российской Федерации от 22 июля 1994 г. «Об основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года». Однако важнейшим нормативным правовым актом этого периода является Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации».

Третий этап – совершенствование правовых основ распоряжения государственной собственностью (1999-2003 гг.). В этот период был принят Закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации», который под приватизацией понимает «возмездное отчуждение находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований имущества (объектов приватизации) в собственность физических и юридических лиц» [3, с. 15]. Этот Закон в статье 17 определяет следующие способы приватизации: продажа государственного или муниципального имущества на аукционе, на коммерческом конкурсе с инвестиционными или социальными требованиями; продажа акций работникам предприятий; выкуп арендованного имущества; преобразование унитарных предприятий в открытые акционерные общества; внесение государственного или муниципального имущества в качестве вкладов в уставные капиталы хозяйственных обществ.

Определение приватизации, установленное в Законе, описывает экономическую суть этого явления – перераспределение государственной и муниципальной собственности. Юридически же приватизация, проведенная любым из указанных способов, должна оформляться в виде договора купли-продажи государственного или муниципального имущества [4, с 45]. Договор приватизации подлежит обязательной государственной регистрации и считается заключенным только с момента такой регистрации. Договор приватизации должен быть заключен в письменной форме. Закон лишь дополняет перечень обязательных условий договора купли-продажи государственного и муниципального имущества, указанных в части второй Гражданского кодекса Российской Федерации.

Правовые нормы вышеуказанных законов направлены на недопущение совершения сделок приватизации обманными способами, нарушающими права не только контрагента договора купли-продажи, но и всех граждан Россий-

ской Федерации, имеющих право на участие в приватизации государственного и муниципального имущества.

На данных этапах были приняты и получили практическое применение основополагающие нормативные акты, регулирующие процесс приватизации. Но сама приватизация не завершена, поэтому возникает необходимость оперативного принятия новых нормативно-правовых актов, что определяет содержание четвертого этапа правового регулирования процесса приватизации. Ежегодно Правительством РФ принимается и публикуется прогнозный план приватизации на текущий год, где утверждается перечень объектов, подлежащих приватизации, примерный прогноз на доходные поступления в бюджет.

Главным упущением правового обеспечения процесса приватизации было отсутствие системного подхода при разработке соответствующей законодательной базы. Правовая база постоянно отставала как от реальных процессов приватизации, так и от стремительно развивающихся «новаций» в сфере экономической преступности. Противоречивость норм приватизационного законодательства стала одной из основных причин нарушений в сфере распределения государственного или муниципального имущества, создала препятствия на пути к достижению стратегических целей приватизации, в том числе социальных.

В числе пробелов законодательного регулирования, которые можно выделить, проанализировав процесс приватизации, являются следующие:

- не завершена работа по обеспечению соответствия норм приватизационного законодательства нормам Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. Действующее законодательство обнаруживает свою неполноту именно в части, касающейся обеспечения гарантий защиты прав государства как собственника. Это противоречит как требованиям Конституции Российской Федерации, так и нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, которым должно соответствовать законодательство о приватизации;

- законодательно не установлены критерии отнесения предприятия к числу производящих продукцию, имеющую стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности государства;

- не созданы правовые механизмы, препятствующие осуществлению так называемых криминальных банкротств предприятий;

- не завершен процесс законодательного урегулирования вопросов разграничения государственной собственности на федеральную, государственную собственность субъектов Российской Федерации и муниципальную.

В ходе приватизации получили широкое распространение новые для России виды экономических преступлений: подделка ценных бумаг, мошеннические операции с ваучерами, недобросовестные рекламные кампании, организация финансовых пирамид и другие [5, с. 89]. По оценке правоохранительных органов, в ходе приватизации сформировались условия, позволив-

шие проводить операции по отмыванию теневых капиталов, по передаче значительной части государственного и муниципального имущества в собственность криминальных и полукриминальных структур, усиливая тем самым их влияние на различные сферы экономики и политической жизни, коррумпируемость государственного аппарата.

Одной из причин криминализации экономики и нанесения экономического ущерба государству в ходе приватизации являются серьезные пробелы и недостатки законодательства, а также отсутствие необходимого государственного контроля.

Источники:

1. Подберезкин А.И., Стреляев С.П., Хохлов О.А., Ястребов Я.И. Секреты российской приватизации. - М. Ступени, 2004. - 144 с.
2. Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., ГУ-ВШЭ, 2004. ISBN 5-7598-0288-7
3. Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (21 декабря 2001 г.) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173589/КонсультантПлюс, 1992-2015
4. Подберезкин А., Стреляев С., Хохлов О., Ястребов Я. Секреты российской приватизации. – М.: Ступени, 2008г.
5. Э.А. Медведева Приватизация и коррупция. Имущественные последствия // Следователь. 2007. № 8(112).

Меркулова Т.А.

*Доцент кафедры сервиса и туризма, к.т.н.,
Кубанский социально-экономический институт*

Merkulova T.A.

*Associate Professor of Service and Tourism,
Kuban Social and Economic Institute*

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА,
НАПРАВЛЕННАЯ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ**

**PENAL POLICY OF THE STATE DIRECTED WARNING TO
PRAVONARUSHENINY TO TRADE**

Аннотация. В статье раскрыты особенности правонарушений в сфере торговли, а также борьба с правонарушениями в свете нового закона № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок».

Ключевые слова: торговля, правонарушения, федеральный закон, Роспотребнадзор.

Annotation. The article reveals peculiarities of offenses in the area of trade, as well as the fight against crime in the light of the new law № 532-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation with regard to countering trafficking in counterfeit, counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical products and biologically counterfeit dietary supplements».

Key words: trade, crime, the federal law, the Federal Service.

Изменения в социально-экономическом развитии современной России, постепенно вернули общество к осознанию истинной экономической сущности торговли, сказались на торговой политике государства, изменили организационно-правовые формы торговой деятельности. В настоящее время торговая деятельность охватывает комплекс не только операций, опосредствующих и обеспечивающих куплю-продажу товаров и услуг в сфере действия государственных торговых предприятий, но и предприятий негосударственных. Вместе с тем, не все изменения в экономическом содержании торговой деятельности нашли отражения в ее правовой, и в особенности, уголовно-правовой, регламентации. Новый УК РФ, во многом, учел особенности современного развития российской экономики, однако, уголовно-правовая регламентация правонарушений в сфере торговли, исходя из нового экономического содержания торговой деятельности, неизбежно должна претерпеть существенные изменения.

К числу преступлений, составляющих названную подгруппу следует отнести: обман потребителей; производство, хранение или перевозку в целях сбыта, либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности; использование в рекламе заведомо недостоверной информации или нарушение порядка рекламирования отдельных видов товаров; незаконный ввоз на территорию России товаров, не отвечающих требованиям экологической или санитарной безопасности.

С объективной стороны, обман покупателей, должно определяться сейчас, как общественно опасное, противоправное, уголовно-наказуемое деяние, совершаемое профессиональными участниками торгового оборота, заключающееся в умышленном введении покупателя в заблуждение относительно количества или качества товара, его потребительских свойств, стоимости либо порядка оплаты, и причиняющее вследствие этого, значительный вред как лицам, реализующим свои интересы в сфере торговой деятельности, так и надлежащему функционированию самой торговой деятельности.

В следственно-судебной практике отсутствует однозначный подход к сущностной характеристике введения покупателя в заблуждение. Сферой возможного совершения обмана покупателей следует считать предприятия торговли, независимо от форм собственности (на дому потребителя или продавца, в пути при доставке товара или заказа потребителю), а также предпри-

нимательскую деятельность отдельных граждан в области торговли. К предприятиям торговли следует относить как розничные, так и оптовые предприятия, биржи, аукционы, торговые склады и базы, предприятия, специализирующиеся на консультативной или посылочной торговле. Местом совершения преступления могут быть, предприятия сферы обслуживания, которые осуществляют одновременно и функции торгового предприятия. Поскольку сфера совершения преступления – обязательный признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 200 УК РФ, то обман покупателей, совершенный в иных сферах, должен квалифицироваться как мошенничество.

Исходя из того, что в условиях существования весьма многообразных форм осуществления торговой деятельности, фактическое определение момента окончания преступления зависит не только от особенностей форм и способов обмана, но и от того, в какой сфере торговой деятельности он произведен, юридический момент окончания должен зависеть от гражданско-правовой специфики формы договора купли-продажи.

Субъект предусмотренного ст. 200 УК РФ преступления, должен определяться особенностью преступления, его современным социально-экономическим содержанием, им может быть признан работник организаций, реализующий товар, либо индивидуальный предприниматель, либо иное лицо, реализующее товары в указанных организациях. В сфере торговли (как оптовой, так и розничной), это могут быть работники торговли, непосредственно продающие товар покупателю, и лица производящие расчет с ними за товар, отпускаемый другими лицами, либо подготавливающие товар к передаче покупателю. Лица, выполняющие в торговых предприятиях иные функции, не связанные с непосредственным осуществлением торговых операций (художники-оформители, грузчики, уборщицы, дворники и др.) также могут нести ответственность за обман покупателей, но только в том случае, если допустили его, выполняя обязанности по осуществлению торговых операций по поручению администрации, либо лиц, в чьи обязанности входило осуществление торговой деятельности. В противном случае, а также в случаях обмана граждан лицами, занимающимися незарегистрированной предпринимательской деятельностью, содеянное должно квалифицироваться как мошенничество. Как мошенничество, должны квалифицироваться и действия лиц, допустивших обман при продаже продуктов со своих огородов, приусадебных и садовых участков.

Товарами, не отвечающими требованиям безопасности, являются те товары, использование которых влечет вред здоровью человека или его смерть. Представляется, что это должны быть готовые изделия или сырье, не соответствующие (по аналогии с понятием некачественных и опасных продовольственного сырья и пищевых продуктов), обязательным требованиям качества и безопасности, установленным санитарными и ветеринарно-санитарными пра-

вилами и нормами, государственными стандартами и технической документацией; имеющие явные признаки недоброкачества, не вызывающие сомнений у компетентного лица, осуществляющего проверку качества и безопасности продукции; не имеющие документов изготовителя (поставщика) продукции, подтверждающих их происхождение, качество и безопасность, а также документов о сертификации продукции, оформленных в установленном порядке; свойства которых и маркировка не соответствует требованиям нормативной и технической документации; с не установленным сроком годности для продукции, на которую такой срок должен быть установлен, или с истекшим сроком годности. Это могут быть промышленные, и продовольственные товары, отечественные, и импортные.

Уже летом 2014 в сфере общепита начнут наводить порядок с помощью проверок без предупреждения, огромных штрафов и уголовных дел

Такой метод борьбы за чистоту бизнеса предлагает Роспотребнадзор. По мнению его руководителей, сейчас владельцам точек общепита проще заплатить штраф, чем работать по закону, и как аргумент приводят наглядную статистику. В 2011 году Роспотребнадзор проверил 14890 организаций, выявив 35 тыс. нарушений. В 2012 году ведомство нашло уже 53 тыс. нарушений у 16366 компаний. Количество штрафов, выписанных индивидуальным предпринимателям, за год возросло с 5,3 тыс. до 12,7 тыс. Число нарушений санитарных правил в детских и подростковых учреждениях снизилось, правда, совсем незначительно – с 62,5 до 61 тыс.

В Роспотребнадзоре считают, что только ужесточение наказания исправит ситуацию. Специалисты ведомства разработали законопроект, который в случае принятия увеличит штрафы за нарушения санитарно-эпидемиологических норм и уклонение от проверок. Так, за несоблюдение СанПиН штраф для граждан возрастет с 1-1,5 тыс. до 3-5 тыс. рублей, для должностных лиц – с 2,5-3 тыс. до 10-20 тыс. рублей. Штраф для индивидуальных предпринимателей увеличится в 10 раз – с 2-3 тыс. до 20-30 тыс. рублей. Будет ужесточено наказание и для юридических лиц – с 20-30 тыс. до 100-300 тыс. рублей.

Для граждан, которые уклоняются от проверок или мешают их проведению, штраф возрастет с 1 до 3 тыс. рублей, для должностных лиц и индивидуальных предпринимателей – с 4 до 10 тыс., а для юридических лиц – с 10 до 30-35 тыс. рублей. Роспотребнадзор также предлагает ужесточить наказание за производство, перевозку, хранение и сбыт пищевых продуктов, пищевых добавок и продовольственного сырья, не отвечающих требованиям безопасности здоровья и жизни граждан. Сейчас это правонарушение карается штрафом в размере 300 тыс. рублей, ограничением или лишением свободы сроком до двух лет. Если поправки в Уголовный кодекс будут приняты, нарушителей начнут наказывать штрафом до 500 тыс. рублей, принудительно-

ми работами на срок до 5 лет или лишением свободы до 6 лет в сочетании с тем же полумиллионным штрафом.

В конце 2013 года в России произошло несколько массовых отравлений некачественными продуктами. Для 72 человек корпоратив в селе Устье (Республика Якутия) закончился больничной койкой. Врачи диагностировали у них острую кишечную инфекцию. Такой же диагноз был поставлен 66 жителям Сургута, которые обратились за помощью медиков на утро после новогодних вечеринок.

Бизнес в этой сфере – большой риск еще по одной причине. Даже наличие всех сертификатов не гарантирует качество и безопасность продукции — порой проследить всю цепочку поставщиков почти невозможно. По мнению многих предпринимателей, специалисты Роспотребнадзора, как правило, и не стремятся разобраться, кто именно поставил некачественный продукт, которым отравились люди, а наказывают громадным штрафом владельцев точек общественного питания. Есть в правоприменительной практике Роспотребнадзора еще один интересный момент. Если за серьезные нарушения санитарных правил в частной компании ведомство наказывает ее руководителя, то в бюджетных организациях перед законом отвечают рядовые исполнители. Так, летом 2013 года в Тверской области в оздоровительном лагере «Звездный» после обеда в столовой пищевое отравление получили 56 детей. В ходе проверки специалисты Роспотребнадзора выяснили, что в лагере грубо нарушались правила хранения продуктов питания. Однако пока уголовное дело заведено только на повара. Женщину обвиняют в том, что она, зная о том, что больна инфекционным заболеванием, устроилась на работу в детское учреждение. А тем, кто ее нанял, не грозит даже штраф.

Роспотребнадзор готов начать внеплановые проверки ресторанов, супермаркетов и производителей продуктов питания с 23 января 2015 года. Об этом «Известиям» сообщили в пресс-службе ведомства. Теперь санинспекция сможет не оповещать о своем визите, если проверка касается качества и безопасности продуктов питания – ранее закон требовал предупреждать не менее чем за сутки.

Такие полномочия Роспотребнадзор получил после подписания президентом 31 декабря 2014 закона № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок». Прежде ведомство не могло прийти с проверкой без предупреждения. Предварительное уведомление для проведения проверки не требовалось лишь в самых исключительных случаях, когда существовала угроза причинения вреда жизни, здоровью людей и возникновения технической катастрофы.

Как отмечают в Роспотребнадзоре, внеплановые проверки не давали результатов, так как нарушители успевали замести следы, уволить задним числом или отправить в отпуск всех ответственных за качество товаров или услуг – ведь ведомство было обязано предупреждать о своем приходе и причине проверки не менее чем за 24 часа. А на лабораторные исследования и работу проверяющих тратились бюджетные средства.

В итоге большая часть проверок, производимых санинспекторами с 2008 года, носила плановый характер – 7 лет назад было запрещено проводить внеплановые проверки без предварительного уведомления предприятия об этом (закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»). Ранее в СМИ глава Роспотребнадзора Анна Попова заявляла, что с 2008 по 2014 год Роспотребнадзор снизил количество проверок в четыре раза. При этом из 400 тыс. жалоб, поступающих ежегодно, 10% касались качества и безопасности продуктов питания, сырья и пищевых добавок.

Также, по словам экспертов, недобросовестные предприниматели избегают проверок под всевозможными предлогами – проведение ремонта, отсутствие уполномоченных должностных лиц ввиду болезни.

Основанием для проведения Роспотребнадзором внеплановой проверки может стать, например, жалоба потребителей. Также проверки могут проводиться по истечении срока исполнения ранее выданного ведомством предписания об устранении тех или иных нарушений или по требованию прокурора.

Но по мнению эксперта Федерации рестораторов и отельеров (ФРиО) Марии Орловой эти изменения усугубляют и без того нелегкую жизнь бизнеса. Сегодня, даже получив уведомление, предприятие не знает, на каком основании прокуратура дала разрешение инспекторам. У нас часто случается, что жалоба была по одному факту, а инспектор проверяет всё, – заявляет Орлова. – Независимо от тяжести нарушения наказать могут как угодно строго. Для предприятий питания (особенно малый бизнес) самое сложное – это приостановка деятельности до 90 дней, в то же самое время надо из чего-то платить аренду. Выдержать такое могут только крупные сетевые компании, такие как McDonald's. Все восемь ресторанов, чья деятельность была приостановлена санитарными инспекторами в прошлом году, открылись заново. На примере плановых проверок в этой сети можно сделать вывод, что закрыть за нарушения могут кого угодно и за что угодно.

По данным Орловой, в общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» уже готовят корректировки к новому ФЗ, которые хотели бы предложить со стороны бизнеса. Первый вице-президент «Опоры России» по аналитической деятельности Владислав Корочкин в беседе с «Известиями» подтвердил, что будут готовиться предложе-

ния по смягчению требований для малого и среднего бизнеса в ближайшее время. Однако пока единая позиция не выработана.

Председатель комиссии Общественной палаты по социальной поддержке граждан и качеству жизни Владимир Слепак, впрочем, считает, что проведение внеплановых проверок без уведомления выгодно добросовестному бизнесу. До сих пор ему сложно было выдержать конкуренцию с теми предприятиями, которые не соблюдают всех необходимых норм, устраняя нарушения лишь на время проверки. Эксперт добавил, что с коррупцией, источником которой, по мнению противников нововведения, могут стать внезапные проверки, должны вести борьбу соответствующие органы – и не в ущерб качеству предлагаемой населению пищевой продукции.

Принятый в конце прошлого года Федеральный закон № 532-ФЗ был разработан группой депутатов-единороссов. В число соавторов, в частности, вошли председатель думского комитета по безопасности и противодействию коррупции Ирина Яровая, член думского комитета по бюджету и налогам Раиса Кармазина и др. Помимо расширения полномочий для Роспотребнадзора документ устанавливает административную ответственность по фактам обращения фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок. Полномочиями возбуждать дела о таких правонарушениях теперь наделены должностные лица Роспотребнадзора, а также ФТС России и Росздравнадзора. Принимать решение о назначении административного наказания будет суд.

Источники:

1. Прохорова М.Л., Дербок З.Г. Криминализация специальных видов хищения: исторические предпосылки // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ 2014 № 2(62)
2. Легостаев В.П. Использование результатов проверочной закупки в качестве доказательств по уголовному делу //Круглый стол, посвященный Дню российской науки. «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности». КРУ МВД РФ, 8.02.2011 г
3. Помазан С.В. Современная антикоррупционная политика. // Материалы региональной научно-практической конференции «Современная уголовная политика в сфере обеспечения охраны прав, свобод, чести и достоинства личности: состояние и тенденции», Краснодар, 2011
4. Пилюгина Т.В. Девиантная социализация как форма криминализации общества //Вестник СПб ГУ. Сер.14, 2012.Вып.4;

Панасенко (Яловая) В.Н.
*К.ю.н., доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Кубанский социально-экономический институт*
Panasenko (Yalovaya) V.N.
*Ph.D., assistant professor of Department of criminal and criminal executive law,
Kuban social and economic Institute*
Яловой Г.Н.
*Начальник следственной части следственного управления МВД России по
г. Краснодару*
Yalovoy G.N.
*Head of the Investigation Department of Investigation Ministry of Internal
Affairs of Russia in Krasnodar*

ИНСТИТУТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

INSTITUTE OF DEATH IN INTERNATIONAL AND RUSSIAN CRIMINAL LAW

Аннотация. В связи с тем, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы, в статье проанализированы уголовно-правовые аспекты исключительности смертной казни, содержащиеся в статье 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и в ряде других статей Общей части Уголовного кодекса, применительно к международному праву.

Ключевые слова: смертная казнь, наказание, уголовный кодекс, международное право, конституция.

Annotation. Due to the fact that the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of Russia are an integral part of its legal system, the article analyzed the criminal legal aspects of the exclusivity of the death penalty contained in Art. 59 of the Criminal Code of the Russian Federation and a number of other articles of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, with respect to international law.

Key words: death penalty, punishment, criminal code, international law, the Constitution.

Смертная казнь является не только институтом уголовного права Российской Федерации, но и институтом международного уголовного права. В мире, особенно в Европе, уже сформировалось движение за абсолютную отмену этого вида наказания на всей планете. Это дает возможность ее противникам утверждать, что Россия находится «на обочине» мирового процесса, связанного с такой отменой, поскольку количество стран, исключивших из законодательства смертную казнь, постоянно растет.

По нашему мнению, это не так. Во-первых, растет не только число стран, отменивших смертную казнь, но и общее количество всех государств на Земле. Во-вторых, необходимо внимательно посмотреть, что это за страны. Среди них большое число «крохотных» государств, как по территории, так и по количеству населения. Эти страны либо достаточно давно известны, либо недавно образованы: Андорра, Бутан, Вануату, Ватикан, Кирибати, Лихтенштейн, Монако, Ниуэ, Палау, Сан-Марино, Самоа, Соломоновы острова, Тувалу и др. В маленьких странах вопрос об отказе от смертной казни решается однозначно. Следовательно, сама по себе «цифра», определяющая число всех государств, отменивших смертную казнь, ничего не значит. В-третьих, надо реально смотреть на вещи и понимать, что смертная казнь, несмотря ни на что, в своем уголовном законодательстве сохраняют огромные по территории и населению страны: Китай, Индия, Индонезия, Япония, Ирак, Египет, Пакистан, Нигерия, США, в том числе Аргентина и Бразилия, сохранившие возможность применения смертной казни в военное время. Как правило, это государства многоконфессиональные, с разнородным по этносу населением, с его разными политическими и социальными установками и, подчас, с разными языками.

Все это дает основания для утверждения о том, что планета еще неопределенно долго будет существовать со смертной казнью в законодательстве многих крупных государств.

В настоящей статье мы постараемся проанализировать международно-правовые установления о смертной казни и установления, содержащиеся в УК РФ.

В соответствии со ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. В полной мере это установление относится и к уголовному законодательству. В юридической литературе утверждается, что смертная казнь не совместима с международно-правовыми стандартами в области прав человека [1]. По нашему мнению, это весьма спорная точка зрения. Действительно, с одной стороны, существует Международный Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Второй факультативный протокол к нему (1989 г.), которые направлены на отмену смертной казни. Об этом же заявлено и в Протоколе № 6 (относительно отмены смертной казни) к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (с изменениями 1994 г.) [2]. С другой стороны, в этих же документах прямо указано: «в странах, которые не отменили смертной казни...». Иными словами, международно-правовые стандарты предусматривают и альтернативное развитие законодательных процессов. Более того, в этих же документах предусматривается возможность установления смертной казни во время войны или даже при неизбежной угрозе войны. Эти правоустановления, вне зависимости от

чьего-либо желания, также являются международно-правовыми стандартами [3].

Смертная казнь ни в одном международном договоре не определяется как «исключительная» мера, что вполне понятно, поскольку этот термин можно использовать лишь к законодательству тех стран, которые сохраняют смертную казнь юридически.

Анализ международно-правовых документов позволяет провести их сравнение с российским уголовным законодательством по перечню преступлений, за совершение которых возможно назначение смертной казни. Напомним, что по УК РФ это «только особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь». По международному праву это «только самые тяжкие умышленные преступления со смертельным исходом или чрезвычайно тяжкими последствиями» [4].

По российскому уголовному законодательству и по логике международных договоров, какой бы чрезвычайностью не отличались последствия преступления (экологическая катастрофа, распространение эпидемий и т.п.), они, в любом случае, «мягче», чем умышленное причинение смерти другому человеку. В крайнем случае, они сравнимы по тяжести, или по степени общественной опасности. Таким образом, российское уголовное законодательство в противовес международному уголовному праву имеет более ограниченный перечень преступлений, чем тот, который в общем виде предусмотрен в некоторых международно-правовых документах.

Следует отметить и то обстоятельство, что в международном праве не содержится такой терминологии, как в УК РФ – «преступления, посягающие на жизнь». В соответствии с российским уголовным законом к таким преступным деяниям относится квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ) с его многочисленными вариантами, геноцид (ст. 357 УК РФ) и, собственно, три «посягательства на жизнь» (ст.ст. 277, 295, 317 УК РФ).

Понятие «посягательство на жизнь» в законе не раскрывается. В соответствии с теорией уголовного права, по объективной стороне состава преступления данное понятие альтернативно включает в себя два различных варианта:

а) покушение на убийство как оконченное преступление. Оно характеризуется только деянием и считается оконченным с момента начала каких-либо активных физических действий, непосредственно направленных на причинение смерти потерпевшему (формальный состав);

б) убийство. Оно характеризуется деянием и общественно опасными последствиями в виде биологической смерти потерпевшего, а также соответствующей причинной связью между ними (материальный состав).

В соответствии с УК РФ (ст. 66) смертная казнь за приготовление к преступлению или за покушение на него не назначается. Фактически данный запрет, на наш взгляд, распространяется только на случаи приготовления или

покушения при квалифицированном убийстве. Действительно, при трех остальных посягательствах (ст.ст. 277, 295, 317 УК РФ) речь о покушении вообще не стоит, поскольку эти составы усеченные. В отношении геноцида, в принципе, можно сказать то же самое, поскольку диспозиция начинается словами: «Действия, направленные на...» Сравним с понятием покушения в ст. 30 УК РФ («действия лица, непосредственно направленные на...») и получим соответствующий вывод: состав формальный, преступление считается оконченным с момента начала действий.

В то же время, понятие «преступления, посягающие на жизнь» в ст. 59 УК РФ носит, по нашему мнению, весьма неоднозначный характер. Возникает вопрос: преступное деяние посягает на жизнь скольких лиц – одного или нескольких? Особое правовое значение это вопрос приобретает при анализе геноцида. В юридической литературе по этому поводу высказываются прямо противоположные точки зрения. Одни авторы считают, что достаточно причинить смерть одному члену демографической группы населения, чтобы считать преступление оконченным [5]. Другие, полагают, что необходимо умышленное лишение жизни, как минимум, двух лиц, относящихся к составу одной из перечисленных в диспозиции нормы групп [6]. Мы придерживаемся последней точки зрения, поскольку она формализована, то есть об этом есть прямое указание в законе – «путем убийства членов этой группы...»

В диспозиции ст. 357 УК РФ в качестве одной из разновидностей геноцида выступает «создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы». Это может выражаться в различных формах создания обстановки, ведущей к истреблению (вымиранию) людей: заражения места обитания возбудителями опасных болезней, лишение возможности пользоваться водой, уничтожение жилищ, источников тепла или энергии в холодное время года и т.д. В соответствии с теорией уголовного права подобный состав является разновидностью преступного деяния с формальным составом. В юридической литературе их называют составами опасности [7]. Момент окончания вышеуказанной формы геноцида связан не с фактическим уничтожением (вымиранием) людей, а лишь с реальной угрозой их истребления. В связи с этим возникает естественный вопрос, подпадают ли такие действия под признаки «преступления, посягающего на жизнь»?

В соответствии с теорией уголовного права ответ, по нашему мнению, должен быть утвердительным: да, подпадают. В соответствии с международно-правовыми документами, о которых мы говорили ранее, ответ должен быть отрицательным. В международных договорах содержится указание лишь о «самых» или «наиболее» тяжких преступлениях со смертельным исходом. Ни о каком посягательстве на жизнь не упоминается. Получается, что правовое установление в ст. 59 УК РФ вступает в противоречие с положениями международного права, поскольку расширяет перечень преступлений,

за совершение которых возможна смертная казнь. Возникает парадоксальная ситуация, обусловленная российской уголовно-правовой терминологией: с одной стороны, перечень преступлений более ограничен (за счет отсутствия указания о чрезвычайно тяжких последствиях), с другой стороны, он необоснованно расширен (за счет многовариантности понятия «посягательства на жизнь»).

Положение о том, что смертная казнь не назначается мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, появилось только с принятием УК РФ 1996 г. Это правоустановление вызывает много вопросов, поскольку видно, на наш взгляд, его несовершенство. Подобное ограничение фактически не встречается в международном праве, за исключением, пожалуй, только Американской конвенции о правах человека, которая была принята в 1969 г. В ст. 4 этого документа сказано, что смертный приговор не выносится лицам старше 70 лет [8].

Понятно, что «смертных приговоров» в правовой природе не существует. Это либо плохой перевод, либо явная юридическая недоработка. На наш взгляд, перед нами – второе. Об этом свидетельствуют и некоторые другие погрешности текста данного документа: например, в нем содержится запрещение смертной казни за «политические» преступления. Термин, как мы понимаем, не является юридическим.

Сравнение Американской конвенции о правах человека и отечественного уголовного законодательства по анализируемому правовому аспекту позволяет прийти к выводу о том, что предельный возраст установлен произвольно. Это мог быть и любой другой «круглый» (делящийся на пять) возраст: 70 лет, 75 и даже 60.

В то же время, вызывает сомнение правоустановление об учете возраста лица в зависимости от того дня, когда выносится приговор. Во-первых, это противоречит традициям российского уголовного законодательства, в соответствии с которыми правовое положение субъекта правоотношений всегда фиксируется на день совершения преступления. Иными словами, во главу угла ставится материальный, а не процессуальный аспект. Во-вторых, непонятна логика установления правовых исключений по возрасту. В отношении несовершеннолетних возраст должен фиксироваться на день совершения преступления, а в отношении 65-летних почему-то принято прямо противоположное решение – на момент вынесения приговора, то есть юридически установленного, но фактически неопределенного дня.

В соответствии со ст. 59 УК РФ смертная казнь не назначается женщинам. Это исключительное условие имеет абсолютно определенный характер. В международном праве по этому поводу иногда делаются оговорки. Так, согласно ст. 2 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (1995 г.) смертный приговор «как правило, не может быть вынесен женщинам» и смертная казнь не применяется к беременным женщинам [9]. Подобная тен-

денция характерна и для многих других международно-правовых договоров. Однако наряду с материальным аспектом (назначение или применение смертной казни) почти всегда дополнительно регулируются и процессуальные или уголовно-исполнительные аспекты. Так, указывается, что смертный приговор не приводится в исполнение в отношении беременных женщин (Международный Пакт о гражданских и политических правах) или в отношении женщин недавно ставших матерью (Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни) либо матерей, имеющих детей на своем иждивении (Резолюция Комиссии по правам человека ООН 2004 г.) и т.д.

Такое сочетание материальных, процессуальных и уголовно-исполнительных аспектов было характерно и для предыдущего российского уголовного законодательства. В ст. 23 УК РСФСР 1960 г. содержались подобные, но, на наш взгляд, противоречивые установления: «Не могут быть приговорены к смертной казни...женщины, находившиеся в состоянии беременности во время совершения преступления или к моменту вынесения приговора». И далее: «Смертная казнь не может быть применена к женщине, находящейся в состоянии беременности к моменту исполнения приговора».

Как мы видим, абсолютный запрет о назначении смертной казни, содержащийся в ст. 59 УК РФ в отношении женщин, полностью исключает и необходимость дальнейших запретов процессуального и уголовно-исполнительного характера.

Таким образом, проведенный анализ правовых установлений о смертной казни, позволяет сделать вывод, что нынешнее правовое положение исключительной меры наказания никак не противоречит международному праву.

Источники:

1. См.: Лепешкина О.И. Указ. работа. С. 98.
2. Международные акты о правах человека: Сб. документов / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., Норма. 1998. С. 55, 554 и др.
3. В 2002 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод был принят Протокол № 13, который не допускает смертную казнь при любых обстоятельствах. Россия подписала, но не ратифицировала Протокол № 6 и не подписала Протокол № 13.
4. Резолюция ООН 1984 г. о дополнении Международного Пакта о гражданских и политических правах (Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни). См.: Международные акты о правах человека: Сб. документов С. 317; Резолюция Комиссии ООН по правам человека 2004 г. Там же.
5. См. например: Давитадзе М.Д. Преступления против мира и безопасности человечества. М. 2006. С. 57; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 2001. С. 829 и др.
6. См. например: Уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 1999. С. 499 и др.
7. См. Наумов А.В. Указ. работа. С. 297.
8. См. Международные акты о правах человека: Сб. документов. С. 721.
9. СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

Панкратова О.В.
*преподаватель кафедры административного
права и правоохранительной деятельности,
Кубанский социально-экономический институт*

Pankratova O.V.
*Lecturer of the Department of Administrative Law and Law Enforcement Affairs,
Kuban Social and Economic Institute*

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
НАПРАВЛЕННОГО НА СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН НА
ПОЛУЧЕНИЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ЗА ТРУД И ИНЫХ
ГАРАНТИРОВАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ,
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ, ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ**

**MILESTONES LEGISLATION TO THE RIGHTS OF CITIZENS TO
RECEIVE REMUNERATION FOR LABOR AND OTHER GUARANTEED
SOCIAL PAYMENTS: COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS OF THE
INTERNATIONAL, DOMESTIC, FOREIGN ACTS**

Аннотация. Статья посвящена правовому анализу норм международных, отечественных, зарубежных правовых актов, регулирующих выплату заработной платы. Актуальность исследования обусловлена неэффективностью имеющихся механизмов реализации конституционного права граждан на вознаграждение за труд.

Ключевые слова: заработная плата, вознаграждение за труд, конституция, труд, государство.

Annotation. Article is devoted to the legal analysis of standards of the international, domestic, foreign legal acts regulating payment of a salary. Relevance of research is caused by an inefficiency of available mechanisms of realization of a constitutional law of citizens on remuneration for work.

Key words: salary, remuneration for work, constitution, work, state.

Право на вознаграждение за труд сегодня является одним из общепризнанных прав человека и гражданина. Признание этого права и закрепление его в нормативных документах прошло длительную эволюцию и явилось следствием признания права на труд – необходимой предпосылки и условия обеспечения права на вознаграждение за труд. Неотъемлемым элементом права на труд являются эффективные юридические гарантии сохранения трудовых отношений, защиты трудящихся от произвольных и несправедливых увольнений. Право на вознаграждение за труд относится к числу прав второго поколения в отличие от возникшего ранее права на труд. Чтобы прийти к пониманию недостаточности провозглашения права на труд (сво-

боды труда) как основы полноценного существования человека в цивилизованном обществе, в XX в. пришлось пережить не один экономический и социальный кризис. Тем не менее, уже в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека заложила основу международного нормативного регулирования права на вознаграждение за труд. Так, пункт 2 ст.23 Декларации устанавливает, что «каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату труда за равный труд» [1]. В п.3 Декларации отмечено, что «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое при необходимости другими средствами и социального обеспечения» [1].

Основным документом, подробно регулирующим право граждан на вознаграждение за труд, явилась Конвенция МОТ № 95 1949 г. В соответствии с Конвенцией МОТ термин «заработная плата» означает всякое установленное соглашением или национальным законодательством вознаграждение или заработок, независимо от названия и метода исчисления, могущие быть исчисленными в деньгах. Вознаграждение или заработок предприниматель должен уплатить в силу письменного или устного договора о найме услуг трудящемуся за труд, который либо выполнен, либо должен быть выполнен, или за услуги, которые либо оказаны, либо должны быть оказаны (ст. 1). Выплата заработной платы должна осуществляться только в денежной форме (ст. 3). Однако предусмотрены исключения, когда национальное законодательство, коллективные договоры или решения арбитражных органов могут разрешать частичную выплату заработной платы в натуре в тех отраслях промышленности или профессиях, где эта форма выплаты принята в обычной практике или желательна ввиду характера отрасли промышленности или профессии, о которых идет речь (ст. 4) [5].

Рассматриваемое право работников на выплату заработной платы получило дальнейшее развитие в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Участвующие в договоре государства признают право каждого на справедливые и благоприятные условия труда, включая вознаграждение, обеспечивающее, как минимум, всем трудящимся справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого бы то ни было различия.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не содержала положений, определяющих права граждан на труд, защиту от безработицы, гарантии достойного вознаграждения за него [2]. Европейская социальная хартия, принятая 3 мая 1996 г. в Страсбурге, восполнила образовавшийся пробел в вопросе обеспечения защиты прав второго поколения, т. е. оплаты труда. В ст. 2 были включены положения, способствующие реализации права трудящихся зарабатывать себе на жизнь трудом по свободно избранной специальности [3]. Согласно Европейской социаль-

ной хартии 1996 г. различаются права на справедливое вознаграждение и на справедливые условия труда [4].

Конституционное право на труд и его оплату считается базовой правовой нормой, оно закреплено в конституциях многих государств. Требование о признании права на труд впервые было выдвинуто во время Французской революции 1848 г. В преамбуле Конституции Франции говорится, что наряду с личностью, семьей, собственностью, Республика должна охранять и труд: «путем братской помощи обеспечить существование нуждающимся гражданам, подыскивая работу соответственно их способностям» [18]. В Конституции Финляндии записано: «Права граждан на труд находятся под особой защитой государства» [19].

В некоторых конституциях труд прямо признается фундаментальной основой общества. Так, в Конституции Италии 1947 г. страна определяется как «демократическая республика, основывающаяся на труде». Среди основных своих принципов она признает за всеми гражданами право на труд и способствование созданию условий, которые делают это право реальным. Каждый гражданин в соответствии со своими возможностями и по своему выбору обязан осуществлять деятельность или выполнять функции, способствующие материальному и духовному прогрессу общества (ст. 4). В ст. 36 Конституции Италии, например, сказано, что трудящийся имеет право на вознаграждение, соответствующее количеству и качеству труда и во всяком случае достаточное для обеспечения ему и его семье свободного и достойного существования. Немало внимания уделяется и выравниванию уровня доходов и уровня жизни [8]. Право на труд и обязанность трудиться закрепляется в конституциях и многих других стран. Статья 58 Конституции Португалии от 2 апреля 1976 г. гласит: «Все имеют право на труд. Обязанность трудиться неотделима от права на труд.». Статья 59 Конституции Португалии закрепляет, что все трудящиеся имеют право на вознаграждение, соответствующее количеству, характеру и качеству труда; при этом соблюдается принцип равной оплаты за равный труд, с тем, чтобы обеспечить каждому трудящемуся достойное существование. Этим целям также служит признание обязанности государства установить и индексировать единую для всей страны минимальную заработную плату, единую для всей страны продолжительность рабочего дня и т.д. [8].

В ст. 22 Конституции Греции 1975 г. сказано: «Труд — это право, находящееся под охраной государства, которое заботится о создании условий для обеспечения занятости всех граждан и повышении уровня трудящегося сельского и городского населения». Конституция Греции закрепляет, что все трудящиеся имеют право на равную оплату за равноценную выполняемую работу. При этом часто говорится о праве на такой уровень заработной платы, который необходим для поддержания социально определенного уровня жизни работника и его семьи. Тем не менее, даже в греческой Конституции абзац

второй ч. 1 ст. 22 провозглашает, что «все работающие имеют право независимо от пола и других различий на одинаковую оплату равного труда» [7]. Части 2 и 3 ст. 70-б венгерской Конституции от 18 августа 1949 г. содержат еще два унаследованных от социализма лозунга, реализация которых весьма сомнительна. Согласно ч. 2 каждый имеет право на равное вознаграждение за одинаковую работу без всякой дискриминации. В первой половине XX века это правило еще было уместно. Ныне же, когда все шире распространяется контрактный способ найма квалифицированных специалистов, включая и сферу физического труда, предполагающий тайну содержания трудового контракта, данный конституционный принцип выглядит анахронизмом. В ч. 3 сказано, что каждый трудящийся имеет право на доход, соответствующий количеству и качеству затраченного им труда [9]. Статья 130 Конституции Испании 1978г., где положения Конституции конструировались с учетом Международных пактов о правах человека 1966 года, содержащих взвешенные формулировки, ч. 1 ст. 35, помещенной среди прочих статей о правах и обязанностях, гласит: «Все испанцы обязаны трудиться и имеют право на труд, на свободный выбор профессии или занятия, на продвижение посредством труда и на вознаграждение, достаточное для удовлетворения своих потребностей и потребностей своей семьи, причем ни в каком случае не может осуществляться дискриминация по признаку пола» [10].

Что касается правовых норм, регулирующих проблемы невыплаты заработной платы в государствах с развитой рыночной экономикой, то там, как правило, акцент делается на возмещение материального ущерба, нанесенного работникам. Так, наиболее распространенный вид ответственности за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания – это уплата процентов на сумму этих средств. Например, в Нидерландах выплачивается до 50% задолженности по невыплатам. В Израиле задержанная зарплата подлежит увеличению на 5% за первую неделю опоздания и по 7% за каждую последующую.

Обязанность выплаты заработной платы, указанная в Конвенции № 95 об охране труда, обеспечивается законодательствами различных стран. Так статья 143-11-1 кодекса труда Франции обязывает предпринимателей не допускать невыплаты зарплаты, причитающейся работникам за выполнение обязанностей, вытекающих из трудового договора [20]. В Великобритании, где нет законов ни о минимуме зарплаты, ни о задолженности, все излагается в коллективных договорах, нарушение которых влечет существенную денежную компенсацию [12].

В уголовном законодательстве ответственность за невыплату заработной платы предусмотрена только в двух странах – Норвегии и Германии. Так, уголовное законодательство Норвегии (§ 412) [14]; УК Германии (§ 266a) [15] содержат аналогичную по названию (по сравнению с российским

уголовным законодательством) норму – незаконное лишение и растрата заработной платы.

В России право на труд и его оплату законодательно было закреплено в начале XX в., в период развития капиталистических отношений. Так, одним из первых документов, предусматривающих обеспечение основных прав и свобод человека уголовно-правовыми мерами, стало Уголовное уложение, принятое 22 марта 1903 г. При его составлении члены комиссии знакомились с ранее действующим законодательством, а также с судебной и административной практикой: была проделана большая работа по сбору, приведению в порядок и сличению с источниками различных законов о наказаниях, собранию с уголовных судов замечаний на уголовные законы, обобщению материалов отчетов Министерства юстиции за несколько лет, составив табель преступлений [16]. Также учитывался зарубежный опыт: были изучены 15 действовавших в то время кодексов (шведский, прусский, австрийский, французский, баварский, неаполитанский, греческий, римский, саксонский и др.), уголовные законы Англии, а также разрабатываемые в те годы проекты новых уголовных кодексов – прусского (1830 год), баварского (1832 год), шведского (1832 год) и других [13]. В нескольких нормах Уложения предусматривается ответственность за различные нарушения права на труд и на оплату труда, совершенные работодателем: нарушение обязанности обеспечивать школьное обучение малолетних работников (ст. 365); нарушение запрета ночной работы женщин и подростков в ткацком производстве (ст. 366; наказание – арест до одного месяца); самовольное понижение платы рабочему и принудительная оплата труда товарами (ст. 364; наказание – арест до трех месяцев) [17]. В 1917 г. Временное правительство России приняло Декрет о труде, в котором провозглашалось право на труд и содержались другие нормы, нацеленные на улучшение положения рабочих.

Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 132 устанавливал ответственность за «нарушение нанимателем установленных кодексом законов о труде и общим положением о тарифе правил, регулирующих продолжительность рабочего дня, сверхурочные часы, ночную работу, работу женщин и подростков, оплату труда, прием и увольнение, а также нарушение специальных норм об охране труда». Как видим, специальной нормы об ответственности за невыплату заработной платы в этом законе не содержалось. Следует отметить, что в УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. даже подобная общего характера норма отсутствовала.

Таким образом, проведенный правовой анализ норм международных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что право на вознаграждение за труд относится к числу прав второго поколения в отличие от возникшего ранее права на труд. Что касается правовых норм, регулирующих проблемы невыплаты заработной платы в государствах с развитой рыночной экономи-

кой, то там, как правило, акцент делается на возмещение материального ущерба, нанесенного работникам.

Источники:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948.// Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: юр.лит., 1990. С. 12.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. //Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М., 1990.
3. Европейская социальная хартия. Подписана Россией 14 сентября 2000 г. Отдельное издание. // Библиотека журнала «Социальная защита». Серия «Права человека». Вып. № 2. М., 1998.
4. Европейская социальная хартия. Отдельное издание.//Библиотека журнала «Социальная защита». Серия «Права человека». вып. № 2. М., 1998.
5. Конвенции МОТ N 95 1949 г. «Об охране заработной платы». Заключена в Женеве 01.07.1949. Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР N 31 от 31 января 1961 г. // Ведомости ВС СССР. 01.11.1961, № 44, ст. 447.
6. Конституция Португалии от 2 апреля 1976 г. //электр. ресурс (worldconstituions.ru>archives/category) (дата обращения 07.11.2011г.).
7. Конституция Греции 1975 г. // электр. ресурс (worldconstituions.ru>archives/category) (дата обращения 07.11.2011г.).
8. Конституция Италии 1947 г. // электр. ресурс worldconstituions.ru>archives/category (дата обращения 07.11.2011г.)
9. Конституция Венгерской республики от 18 августа 1949 г.// электр. ресурс worldconstituions.ru>archives/category (дата обращения 07.11.2011г.)
10. Конституция Испании 1978г. // электр. ресурс worldconstituions.ru>archives/category (дата обращения 07.11.2011г.)
11. Кодекс Законов о труде Франции 2008г. //электр. ресурс worldconstituions.ru>archives/category (дата обращения 07.12.2011г.).
12. Консолидированный Закон Англии о профсоюзах и трудовых отношениях 1992г. // электр. ресурс worldconstituions.ru>archives/category (дата обращения 11.01.2012г.)
13. Краткое обозрение хода работ предложений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. СПб, 1849 г.- С. 55-56.
14. Уголовный кодекс Норвегии, принятый 1902г. // электр. ресурс worldconstituions.ru>archives/category (дата обращения 07.12.2011г.)
15. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии, принятый в 1987 г. электр. ресурс worldconstituions.ru>archives/category (дата обращения 28.12.2011г.)
16. Таганцев Н.С. Русское уголовное право, лекции, часть общая, том 1. М. 1994г. С.76-81.
17. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. М., 1912. С. 131.
18. Прело М. Конституционное право Франции//Пер. с франц. Ф.А. Кублицкого. М., 1957.- С. 203; Конституция Французской Республики, 1848г.
19. Маклаков В.В. Конституция Финляндии 1919г. Конституции зарубежных государств: Волтерс Клувер, 2003.
20. Кодекс Законов о труде Франции 2008г. // электр. ресурс worldconstituions.ru>archives/category (дата обращения 07.12.2011г.).

Панкратова О.В.
*К.ю.н., доцент кафедры административного права и правоохранительной
деятельности, Кубанский социально-экономический институт*

Pankratova O.V.
*Ph.D., assistant professor of administrative law and law enforcement,
Kuban Social and Economic Institute*

**ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 145¹ УК РФ – ДЕЙСТВИЕ ИЛИ
БЕЗДЕЙСТВИЕ**

**ACTUS REUS, UNDER ART. 145¹ CRIMINAL CODE – ACTION
OR INACTION**

Аннотация. Статья посвящена правовому анализу вопроса выплаты заработной платы. Актуальность исследования обусловлена особенностями объективной стороны преступления, которая выражается в бездействии. Специфика изучаемого явления заключается в том, что бездействие может быть выражено в самых различных формах: как с активным поведением виновного, так и с его пассивным поведением.

Ключевые слова: невыплата заработной платы, бездействие, объективная сторона преступления, сроки выплаты заработной платы.

Annotation. The article is devoted to legal analysis of the issue of payment of wages. The relevance of the study due to the peculiarities of the objective side of the crime, which is expressed in inaction. The peculiarity of the phenomenon under study is that inaction can be expressed in various forms: as the active behavior of the perpetrator, and with its passive behavior.

Key words: non-payment of wages, failure to act, actus reus, the timing of the payment of wages.

Объективная сторона преступления – это внешнее выражение процесса преступного посягательства. Ее образуют признаки, характеризующие сами по себе акт волевого поведения человека, протекающего в объективном мире: деяние, общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и общественно опасными последствиями, способ, место, время, обстановка, орудия и средства совершения преступления. Деяние является обязательным признаком всех составов преступления, сформулированных в Особенной части УК, и проявляется внешне в форме действия или бездействия (ст. 14 УК РФ). При этом ряд преступлений может быть совершен только путем действия, другие – только путем бездействия, а некоторые – как путем действия, так и путем бездействия. «В социально-нравственном смыс-

ле сущность действия и бездействия едина: они представляют собой акт поведения (поступок) человека» [3].

Толкование ст. 145¹ УК РФ в новой редакции позволяет сделать вывод, что объективная сторона основного состава преступления, предусмотренного в ней, сводится в соответствии ч. 1 ст. 145¹ УК РФ к частичной невыплате свыше трех месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. Под частичной невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат в настоящей статье понимается осуществление платежа в размере менее половины подлежащей выплате суммы. В части 2 ст. 145¹ УК РФ законодатель сформулировал квалифицированный состав, предусмотрев уголовную ответственность за полную невыплату свыше двух месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат или выплату заработной платы свыше двух месяцев в размере ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда [2]. В данном случае речь идет о так называемом длящемся преступлении, когда деяние выражается в форме бездействия - «невыплаты» и длится в установленные законом сроки. Преступное бездействие, признаваемое в качестве признака объективной стороны, это не просто ничего не делание [4]. Как отмечает В.Д. Филимонов: «Каждый человек в обществе выполняет определенные социальные функции. В расчете на их выполнение действуют и другие члены общества. Невыполнение тех или иных функций способно нарушить порядок общественной жизни в целом или в какой-либо ее части» [5]. А.А. Тер-Акопов характеризует бездействие как приобретаемую форму жизнедеятельности, возникающую лишь в определенной социальной системе отношений и проявляющей активность только благодаря существующим системным социальным связям, социальному детерминизму. При этом возложение на субъекта какой-то обязанности рассматривается как способ включения его в соответствующую систему социальных отношений и связей, благодаря чему этот субъект приобретает способность активно влиять на систему [6].

В теории уголовного права выделяют объективный (должен) и субъективный (мог) условия признания бездействия признаком объективной стороны. Невыплату следует рассматривать на физическом, социальном и правовом уровнях объективной реальности. Общеизвестно, что деяние приобретает статус явления, учитываемого при квалификации преступления лишь в случае, если оно предусмотрено уголовно-правовой нормой в качестве общественно опасного. Впрочем, в деле с «бездействием» специфично уже то, что данная категория сама по себе есть», как верно указывает А.И. Бойко, «условие субъективного характера, принудительно организуемое властью к пресечению причинного влияния других факторов» [7].

В свою очередь само бездействие в социальной плоскости может быть выражено в самых различных формах. Так, при совершении преступ-

ления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ, бездействие, т. е. уклонение от оплаты труда, может быть сопряжено как с активным поведением виновного (например, вместо зарплаты он выплачивает себе или близким премии из фонда заработной платы, покупает автомобиль в свою собственность либо близких и т.п.), так и с его пассивным поведением (например, непринятием мер по погашению дебиторской задолженности предприятия либо неосуществлением иных мер по обеспечению выплат при наличии у лица возможности вмешательства). Руководитель может быть привлечен к ответственности уже на следующий день после истечения установленного уголовным законом срока. При этом важно в ходе следствия выяснить сроки выплаты заработной платы или пособий, установленные на предприятии, в организации или учреждении. Эти сроки можно установить путем изъятия соответствующих приказов, трудовых договоров, контрактов и иных документов, в которых они оговариваются, а также допросами свидетелей. Моментом же выплаты заработной платы или пособия считается дата, когда работник получает на руки всю сумму причитающихся ему выплат или когда они перечисляются на его расчетный счет в банке.

Следовательно, мы имеем дело с пассивным поведением, т.е. не совершением лицом таких действий, которое оно в соответствии с законом должно было и могло совершить в силу определенных обязанностей.

Источники:

1. Уголовный Кодекс РФ. М. 2010г.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 382-ФЗ «О внесении изменений в статью 145¹ УК РФ»;
3. Рарог А.И. Уголовное право России. Учебник - М., 2005. С. 71-73
4. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М. 2004. С. 234;
5. Уголовное право. Часть Общая. Учебник для вузов /отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. М. 1999. С.142; см.также: Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов-на-Дону, 1977. С. 53;
6. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.2003. С.51,52
7. Бойко А.И. Преступное бездействие СПб, 2003. С 159

Самойленко А.А.

*доцент кафедры сервиса и туризма,
Кубанский социально-экономический институт*

Samoilenko A.A.

*Associate Professor of the Department of Services and Tourism,
Kuban Social and Economic Institute*

Дзидзава В.

*студентка юридического факультета,
Кубанский социально-экономический институт (г. Гагры, Абхазия)*

Dzidzava V.

law student, Kuban Social and Economic Institute (Gagra, Abkhazia)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ТУРИСТСКО-СЕРВИСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF READINESS OF STUDENTS OF HIGH SCHOOLS FOR ORGANIZATIONS TOURISM SERVICE ACTIVITIES

Аннотация. При создании психолого-педагогических условий для студентов в вузе важно использовать научные методы и дидактические принципы воспитания. Психолого-педагогические условия формирования готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности создаются во время теоретических и практических занятий, во время ознакомительной, производственной и преддипломной практик, а так же в туристских походах, на соревнованиях, во время учебно-тренировочных сборов по туризму.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, принцип обучения, студент, вуз, туристско-сервисная деятельность, способности, умения, навыки, компетентность.

Annotation. When you create a psychological and pedagogical conditions for students in high school, it is important to use scientific methods and didactic principles of education. Psycho-pedagogical conditions of formation of readiness of students of high schools in the organization of tourist and service activities are created during the theoretical and practical sessions, during the study, industrial practice, as well as in tourist trips, competitions, during training camps on tourism.

Key words: training, the principle of learning, student, university, tourism and service activities, skills, abilities, skills and competence.

В профессиональной подготовке готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности большое значение имеет научность учебно-методической базы вуза. В связи с чем, при создании психолого-

педагогических условий для студентов вузов важно использовать научные методы и дидактические принципы воспитания.

Принципы процесса обучения связаны с реализацией образовательных, воспитательных и профессиональных функций, которые закономерно влияют на результативность всего учебно-воспитательного процесса.

Принцип профессиональной направленности обучения студентов в вузе к организации туристско-сервисной деятельности имеет приоритетное значение. Изучаемые в вузе предметы должны быть максимально приближены к туристско-сервисной профессии, чтобы в процессе реализации воспитывающей функции обучения преподаватели обращали внимание и на формирование индивидуальных и профессионально значимых качеств, и на способности студентов к организации туристско-сервисной деятельности, и на готовность студента вуза к организации туристско-сервисной деятельности в целом.

Кроме того, педагогический процесс предполагает наличие двух сторон в равной степени способных оказывать воздействие друг на друга в силу их постоянной взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности - это педагог и студент.

Педагог – человек, обладающий определенной системой знаний, умений и навыков, специальной педагогической подготовкой, основной целью деятельности которого является создание условий для формирования, развития и саморазвития готовности студента вуза, с помощью эффективной организации различных видов учебной деятельности.

Студент – обучающийся, деятельность которого направлена на принятие (или непринятие) предлагаемых педагогом знаний, норм, ценностей и т.д. Деятельность педагога определяется потребностями общества. Деятельность студентов определяется действиями педагога и протекает в соответствии с их возрастными, психологическими и индивидуальными особенностями [2].

Наше исследование показало, что важнейшей проблемой профессиональной подготовки будущих специалистов является недостаточное формирование готовности студентов к организации туристско-сервисной деятельности.

Эффективность этой работы зависит, прежде всего, от построения учебного процесса с опорой на ряд принципов:

- организация процесса профессиональной подготовки на основе сдвига мотивов познания на цели профессионального становления готовности специалиста к организации туристско-сервисной деятельности;
- формирование профессионально-познавательной направленности личности студента с установкой на повышение способностей, умений и навыков к организации туристско-сервисной деятельности;
- комплексный подход к формированию готовности студентов к организации туристско-сервисной деятельности, учитывая при этом комплексный характер педагогического процесса и многогранность личности студента;

- деятельностный подход к формированию готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности с учетом того, что развитие способностей и любого качества специалиста происходит только в деятельности.

При анализе любого типа деятельности предполагают вычленение и описание взаимосвязи следующих структурных компонентов - потребностей, мотивов, задач, действий и операций. При этом установлены следующие закономерности формирования и функционирования различных видов деятельности:

1. Процесс возникновения, формирования и распада любого конкретного вида деятельности (например, учебной).

2. Структурные компоненты деятельности постоянно меняют свои функции, превращаясь друг в друга (например, потребности конкретизируются в мотивах, действие может стать операцией и наоборот).

3. Различные частные виды деятельности взаимосвязаны друг с другом в едином потоке человеческого поведения (например, подлинное понимание учебной деятельности предполагает раскрытие ее взаимосвязи с игрой и трудом, со спортом и общественно-организационными занятиями и т. д.).

4. Каждый тип деятельности первоначально возникает и складывается в своей внешней форме как сеть развернутых взаимоотношений между людьми, использующими различные материальные и материализованные средства организации своего общения и обмена опытом; лишь на этой основе формируются внутренние формы деятельности отдельного человека, свернутые в своей структуре и опирающиеся на образы и понятия [5, с. 81].

Для формирования у студентов готовности к учебной деятельности необходимо, чтобы:

- они овладели указанными выше учебными действиями;
- их деятельность становилась деятельностью по решению учебных задач и, при этом осознавали, что они не просто выполняют задания, а именно решают очередную учебную задачу;
- учебный процесс они могли строить, организовывать, чтобы постепенно элементы самообучения, самостоятельности, саморазвития, самовоспитания стали занимать в этом процессе все большее место, когда уже с первых дней занятий учебный процесс ведется по принципу ролевого участия в его организации и проведении.

Д.Б. Эльконин [8, с.65] отмечал, что процесс учебной деятельности рациональнее всего начинать с формирования самостоятельного контроля, когда учащиеся или студенты, прежде всего, должны научиться контролировать друг друга и самих себя.

Е.П. Ильин [1, с. 87] подчеркивает, что на базе общей мотивации учебной деятельности (профессиональной, познавательной, прагматической, социально-общественной и лично-престижной) у студентов появляется опреде-

ленное отношение к разным учебным предметам. Оно определяется: важностью предмета для профессиональной подготовки; интересом к определенной отрасли знаний и к данному предмету как ее части; качеством преподавания (удовлетворенностью занятиями по данному предмету); мерой трудности овладения этим предметом исходя из собственных способностей; взаимоотношениями с преподавателем данного предмета.

Цели обучения и цели учения разделяют В.Я. Кикоть (1996) и В. А. Якунин (1998). Цели обучения задаются извне и выявляют общественные запросы и ценности, которые по отношению к студентам являются внешними. Цели учения определяются индивидуальными потребностями, сформировавшимися на основании их предшествующего опыта. Обе цели могут совпадать лишь в идеальном случае, когда первые воспроизводят себя в структуре индивидуальных мотивов.

П.М. Якобсон [8, с.87] предложил для мотивов учебной деятельности свою классификацию. Он предпочитал говорить о мотивации, которая ассоциируется с мотивом – это для него одно и то же. На основе классификации мотивации учебной деятельности по П.М. Якобсону нами разработана таблица 1.

Таблица 1 - Классификация мотивации учебной деятельности по Якобсону П. М.[8]

№	Классификация мотивов	Характеристика мотива
1	Первый вид мотивов («отрицательные»)	Обучение без всякой охоты, без интереса к получению образования, к посещению учебного заведения. Мотив посещения учебного заведения не связан с потребностью получения знаний или с целью повысить личностный престиж. Этот мотив необходимости не может привести к успехам в учении. Его осуществление требует насилия над собой, что при слабом развитии волевой сферы приводит к уходу этих учеников из учебного заведения.
2	Второй вид мотивов	Связан с внеучебной ситуацией, имеет положительное влияние на учебу - чувство долга учащегося формируют воздействия со стороны общества, обязывающее его получить профессиональное образование. Такая установка на учение занимает существенное место в направленности личности учащегося, делает учение нужным и привлекательным, дает силы для преодоления затруднений, для проявления терпения, усидчивости, настойчивости. Процесс учения воспринимается как путь к личному благополучию, как средство продвижения по жизненной лестнице. Если у студента нет интереса к учению как таковому, но есть понимание, что без знаний в дальнейшем не удастся «продвинуться», прилагаются усилия для овладения ими. Для многих из них обучение в вузе является формальным актом для получения диплома о высшем образовании, а не для повышения своего профессионального мастерства.

Продолжение таблицы 1		
№	Классификация мотивов	Характеристика мотива
3	Третий вид мотивов	Учиться побуждают: потребность в знаниях, любознательное стремление познавать новое. Учащийся получает удовлетворение от роста своих знаний при освоении нового материала; мотивация учения отражает устойчивые познавательные интересы. Специфика мотивации учебной деятельности зависит от личностных особенностей учащихся: от потребности в достижении успеха или, наоборот, от лени, пассивности, нежелания совершать усилия над собой, устойчивости к неудачам (фрустрации) и т. п.

Полное представление о мотивах учебной деятельности можно получить, согласившись с мнением Ильина Е.П. [1, с.96], только выявив значимость для каждого учащегося всех компонентов готовности студентов вузов всей сложной мотивационной структуры. Все эти мотиваторы могут находиться в различных отношениях друг с другом (взаимодействие или конкуренция) и иметь различное влияние на учебу, что позволит установить и мотивационную напряженность у данного субъекта, т. е. сумму компонентов готовности студентов к учебной деятельности: чем больше компонентов обуславливает эту деятельность, тем больше у него мотивационное напряжение.

При изучении процесса обучения в вузе получены данные, когда значительная часть студентов убеждена, что общенаучные и общественно-образовательные дисциплины не приближают, а удаляют их от овладения профессионально важными знаниями и навыками (особенно это характерно для студентов-заочников). Не случайно при изучении этих дисциплин наибольший отсев студентов происходит на первых курсах. Для успешной учебной деятельности характерно, чтобы фактор мотивации оказался сильнее, чем фактор интеллекта. Успехи в учебе не обнаружили тесной и достоверной связи с интеллектом студентов (по данным М. Д. Дворяшиной [1, с.101], учебные успехи по интеллекту можно прогнозировать у 56% девушек и только у 35% молодых людей), в то время как по уровню мотивации учебной деятельности «сильные» и «слабые» студенты различались. «Сильные» студенты имеют потребность в освоении профессии на высоком уровне, ориентированы на получение прочных профессиональных знаний и практических умений и навыков. «Слабые» студенты в структуре мотива имеют, в основном, внешние мотиваторы: избежать осуждения, наказания за плохую учебу, не лишиться стипендии и т. п.

Формирование принципа мотивационного обеспечения учебного процесса для успешной учебы привело осознание высокой значимости мотива учения. Важность этого принципа вытекает из того факта, что в процессе обучения в вузе сила мотива учения и освоения выбранной специальности снижается, что неоднократно отмечалось в исследованиях. Причинами этого,

по данным А.М. Василькова и С.С. Иванова [1, с.88], являются: неудовлетворительные перспективы работы и службы, недостатки в организации учебного процесса, быта и досуга, недостатки воспитательной работы. Исследованиями показано, что учащиеся отличаются самостоятельностью и склонностью к авторитарности и ригидности, обнаруживают более существенное снижение профессиональной готовности (направленности).

Сравнительный анализ современных направлений разработки проблемы готовности к учебно-профессиональной деятельности позволил выделить ряд подходов к сущности этой деятельности и условиям ее возникновения и развития у будущих специалистов. И, как показывают исследования, усиливается потребность инструментального наполнения образования: оно должно дать те знания и умения, сформировать те качества личности, которые пригодятся в любой сфере трудовой деятельности. Специалиста как представителя и носителя определенной культуры характеризует специфический набор знаний, умений, а также определенное мировоззрение, жизненные установки и ценности, особенности профессионального поведения [8, с.123].

По мнению некоторых авторов [1-5], к дальнейшему развитию готовности личности приводит преобразование учебно-профессиональной деятельности, а ее качественно новый уровень, в свою очередь, может рассматриваться как специфический вид деятельности, направленный на самого обучаемого с целью развития, формирования готовности его личности как профессионала.

Н.А. Подымов в соавторстве с Л.С. Подымовой и А.В. Репринцевым [5, с. 107] считают, что учебно-профессиональная деятельность представляет собой совокупность следующих компонентов: мотивационно-смыслового, деятельностного, оценочно-контрольного.

Такая структура учебно-профессиональной деятельности выделена на основе психологической теории учебной деятельности [9, с.145] и общей теории деятельности. На основе данных нами разработана структура учебно-профессиональной деятельности и представлена таблица 2.

Таблица 2 - Структура учебно-профессиональной деятельности

№	Компоненты	Учебно-профессиональная деятельность определяется:
1	Мотивационно-смысловой	Иерархией целей и мотивов, побуждающих учащегося к овладению профессией; Отношением субъекта к будущей профессиональной деятельности.
2	Деятельностный	Соотнесением с внешней структурой деятельности (по А. Н. Леонтьеву, 1971) и включает решение учебно - профессиональных задач, которые предполагают выполнение определенных действий - целеполагания, планирования, моделирования, преобразования и других.

Продолжение таблицы 2		
№	Компоненты	чебно-профессиональная деятельность определяется:
3	Оценочно-контрольный	Готовностью на развитие самоконтроля и самооценки в процессе выполнения учебно-профессиональной деятельности.

Содержание учебной деятельности будущего специалиста определяется не только логикой науки, но и моделью будущей профессиональной деятельности. Такой подход придает целостность, системную организованность и личностный смысл усваиваемым знаниям. Содержание обучения проектируется не как учебный предмет, а как предмет учебной деятельности, последовательно трансформируемый в предмет деятельности профессиональной. Кроме того, задаются пространственно-временная координата развертывания содержания, сценарный план и ролевая инструментовка профессиональной деятельности в соответствии с ее технологиями.

Система профессионального обучения служит не только для передачи специальных знаний, но и для развития и воспроизведения особого культурного слоя, важнейшим элементом которого является и сам специалист.

А.А. Вербицкий [4, с. 68] выделил три базовые формы деятельности: собственно учебные (лекция, семинар); квазипрофессиональные (деловая игра и другие активные игровые формы); учебно-профессиональные (научно-исследовательская работа студентов, производственная практика, подготовка дипломного проекта и т.п.). Промежуточные между ними – любые формы (традиционные и новые), отвечающие специфике целей и конкретного содержания обучения на соответствующем этапе обучения.

Через учебную деятельность осуществляется, главным образом, передача и усвоение информации; квазипрофессиональная - моделирует целостные фрагменты производства, их предметно-технологическое и социально-ролевое содержание; учебно-профессиональная форма – это форма, где студент совершает действия и поступки, соответствующие нормам собственно профессиональных и социальных отношений специалистов, вступающих в межличностные взаимодействия и общение.

Переход от одной базовой формы деятельности к другой позволяет студентам получать все более развитую практику применения учебной и научной информации в функции средства осуществления указанных форм деятельности, овладевать реальным профессиональным опытом, получать возможность естественного вхождения в профессию [7].

Основной проблемой любого профессионального образования является переход от активной учебы к усвоению учебного материала. С позиций общей теории деятельности такой переход идет, прежде всего, по линии трансформации мотивов, поскольку именно мотив является конституирующим признаком деятельности [3, с. 156]. Таким образом, в профессиональном образова-

нии развитие познавательных и профессиональных мотивов выступает центральным звеном всего учебного процесса формирования готовности студентов вузов к будущей профессии.

Н.А. Подымов в соавторстве с Л.С. Подымовой и А. В. Репринцевым [24, с.98] определяют мотивацию к профессиональной деятельности соответствующей готовностью (направленностью), наличием смысла в этой деятельности, профессиональными установками человека. Устойчивые системы отношений в профессиональной деятельности образуют его профессиональный менталитет и определяют его профессиональные позиции. По мнению авторов, мотивационно-ценностные отношения обусловлены системой мотивов и выделяют несколько групп мотивов: мотив понимания предназначения профессии; мотив профессиональной деятельности; мотив профессионального общения; мотив проявления личности в профессии.

Как форма и мера профессиональной готовности с принятием конечных целей обучения возникают и развиваются мотивы понимания предназначения профессии. Как интерес к профессии и склонность заниматься ею рассматривается профессиональная готовность. Она является сложным многомерным образованием и включает в себя представление о цели: мотивы, побуждающие к деятельности; эмоциональное отношение к этой деятельности; удовлетворенность ею. Готовность студентов вуза как обобщенная форма отношения к профессии складывается из частных, локальных оценок (субъектом) степени личностной значимости, ее содержания и условий осуществления.

Авторы подчеркивают, что ранее сложившиеся потребности личности, актуализированные при взаимодействии с профессией (мотивы самораскрытия и самоутверждения, материальные потребности, особенности характера, привычек и т.п.) выражают мотивы профессиональной деятельности. Этот вид мотивов связан с такими личностными качествами, как усилия, понимаемые как физическое, умственное, душевное, необходимые для эффективного выполнения профессиональной деятельности; старания как усилия, направленные на достижение профессиональной деятельности и характеризующиеся усердием, прилежанием в работе и т.д.; настойчивость как решительность, упорство, требовательность в достижении конечного результата деятельности; добросовестность как честность, старательность, тщательность выполнения профессиональной деятельности; нацеленность как готовность (направленность) личности на результат своей деятельности, своего стремления.

Психолого-педагогические условия формирования готовности студентов к организации туристско-сервисной деятельности в вузе создаются во время теоретических и практических занятий, во время ознакомительной, производственной и преддипломной практик, а так же в туристских походах, на соревнованиях, во время учебно-тренировочных сборов по туризму.

Основными мерами, которые будут способствовать существенному повышению готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности в системе профессионального высшего образования, будут следующие:

1) проведение аудиторных занятий, которые, во-первых, позволят проводить более четкую грань между теоретической и практической подготовкой, а, во-вторых, повысят роль теоретической подготовки студентов в освоении ими основ в организации туристско-сервисной деятельности в ходе практических и лабораторных занятий;

2) использование особой организации профессиональной практики будущих специалистов в организации туристско-сервисной деятельности, которая будет учитывать: особенности организации туристско-сервисной деятельности; интеграцию теоретического и практического содержания практики в организации туристско-сервисной деятельности; формирование готовности студентов вузов как совершенствование способностей, умений и навыков к организации туристско-сервисной деятельности;

3) организация самостоятельной и индивидуальной работы студентов вузов должна быть направлена не столько на закрепление теоретических знаний, сколько на практические умения и навыки в организации туристско-сервисной деятельности;

4) необходимо осуществлять студенческую научно-исследовательскую работу, связанную с предстоящей профессиональной деятельностью, учитывающую в своем содержании специализацию студентов к организации туристско-сервисной деятельности.

Принцип соединения самостоятельной работы студентов с учебно-познавательной профессиональной деятельностью к организации туристско-сервисной деятельности поможет сблизить их самостоятельную работу с научным поиском. Это ориентирует студентов вузов на научно-исследовательскую работу теоретического или опытно-экспериментального уровня, способствует развитию любознательности, пытливости, индивидуальному поиску и расширению знаний к организации туристско-сервисной деятельности;

Для создания воспитательного учебного процесса к организации туристско-сервисной деятельности в вузе необходимо интегрировать знания, накопленные философией, социологией, экологией, этнологией, социальной и общей психологией, теорией и практикой в организации туристско-сервисной деятельности. Построение учебного процесса адекватно подготовке студентов к осуществлению процесса формирования готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности.

Таким образом, при создании психолого-педагогических условий для студентов в вузе важно использовать научные методы и дидактические принципы воспитания. Психолого-педагогические условия формирования готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности соз-

даются во время теоретических и практических занятий, во время ознакомительной, производственной и преддипломной практик, а так же в туристских походах, на соревнованиях, во время учебно-тренировочных сборов по туризму. Организация самостоятельной и индивидуальной работы студентов должна быть направлена не столько на закрепление теоретических знаний, сколько на практические умения и навыки к организации туристско-сервисной деятельности.

Источники:

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы [текст] СПб.: Питер, 2008.
2. Квартальнов В.А. Педагогика и туризм: Учебник. М., 2007.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [текст] М.: Политиздат, 1997. 304 с.
4. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996.
5. Педагогика профессионального образования. Учебное пособие для студ. высш.пед. учебн. заведений / Е.П. Белозерцев, А.Д. Гонеев, А.Г. Пашков и др.; Под ред.В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.
6. Самойленко А.А. Природно-ориентированный туризм в горно-предгорной части Краснодарского края: состояние, регулирование, стратегия развития. Монография. Краснодар: Изд-во КСЭИ, 2006. 204с.
7. Татаренко И.И. Проблемы организации и проведения экологический экскурсий на особо охраняемых горных территориях/Новые технологии/Сборник научных трудов МГТУ. Майкоп: издательство ООО «Качество», 2005. 72 с.
8. Эльконин Д.Б. Психология развития: Учебное пособие для студ. высш. учебных заведений. М., 2008.

Сидоров А.А.

*к.ю.н., доцент кафедры административного права и
правоохранительной деятельности,
Кубанский социально-экономический институт*

Sidorov A.A.

*Ph.D., assistant professor of administrative law and law enforcement,
Kuban Social and Economic Institute*

Эрнст А.А.

Университет Эберхарда и Карла (Г. Тюбинген, Германия)

Ernst A.A.

University of Eberhard and Carl (Tübingen, Germany)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

INFORMATION PRINCIPLES OF JUDICIAL EXPERTISE

Аннотация. Рассмотрены информационные основы судебной экспертизы, экспертное исследование представляется как декодирование следов-отображений.

Ключевые слова: декодирование, кодирование следов-отображений, информационное поле преступника, носители информации, структура информационного канала, сигнал, биологическая и социальная структуры.

Annotation. Information bases considered forensic expert study presented as a decoding trace-mappings.

Key words: decode, encode tracks, maps, information field of criminal media, the structure of a traffic channel signal, biological and social structures.

Информационные технологии уголовно-процессуального доказывания являют собой новую тенденцию научно-практической деятельности, начавшуюся в ситуации становления и развития информационного общества на стыке правовых и естественно-технических наук. Она должны обеспечить результативность правосудия путем включения в процесс его отправления самых эффективных прогрессивных информационных технологий и приближения обоснованности принимаемых правовых решений к уровню точных наук.

В литературе по уголовному доказыванию, то одним из первых определений понятия информации дается А.И. Трусовым – «информация представляет собой отражение предметов и явлений в человеческом сознании, явлений и процессов друг в друге, без связи с сознанием» [7. Л. С. 20].

На наш взгляд, трактовка информации как отражения применительно к такой области как расследование, и в частности судебной экспертизе, является наиболее верной.

Общеизвестно, что в основе материи имеется особенность, - свойство отражения. Отражение свойственно всей материи, оно носит закономерный характер, в связи с этим любой материальный процесс отображается в прочих, связанных ним, материальных процессах. Диалектический подход говорит нам о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального мира, «поэтому взаимосвязь при отражении есть одна из необходимых и универсальных связей объективной действительности: если всякий материальный процесс связан необходимо с другими процессами, то не существует изолированных явлений, а значит, не существует и принципиально неотражаемых объектов, явлений, процессов» [1. Л. С.50].

Представляет повышенное внимание вопрос об информационной стороне деяний субъектов преступления, являющихся разновидностью событий. В науке существует мнение, и мы её разделяем, о том, что с данной позиции информация подразделяется на информацию о событии и информацию из события. «Всякое событие, - отмечает В.И. Корюкин, - связано с изменениями в окружающей среде. Изменения в среде предшествуют наступлению события, наступление события, в свою очередь, вызывает изменения в окружающей среде... Для того чтобы узнать о событии, мы должны выделить связанные с ним изменения. Связь изменений с событием существует объективно, субъективен лишь способ её установления. Связь изменений с событием и характеризуется информацией. Другими словами, информация есть мера связи собы-

тия и вызванных этим событием изменений в окружающей среде» [5. Л. С.42,43].

Информация о преступлении возникает неизбежно и становится объективно существующим явлением материального мира. Ее существование, как результат отражения события в среде, обусловлено объективными закономерностями действительности, только по следам отражения этого события можно судить о его содержании.

Р.С. Белкин в своей работе «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики» пишет, что «Если доказательство является материальным носителем информации, то сама информация – назовем её доказательственной информацией – составляет содержание доказательства. Информация, заключенная в данном доказательстве, дает ответ на вопрос о том, что устанавливается данным доказательством, что оно доказывает» [2. Л. С.11].

Позже, Р.С. Белкин и А.И. Винберг отмечают: «Можно сказать, что изменения, связанные с событием, есть доказательства, а мера связи доказательств с событием, к которому они относятся, находящаяся в прямой зависимости от количественного и качественного содержания этих изменений, есть доказательственная информация» [3. Л. С.173].

Это положение требуют уточнения: доказательства (доказательственная информация) в соответствии со ст. 75 УПК РФ должна быть допустимой, то есть в определенной законом процедуре признана доказательствами по делу; не все изменения связанные с событием становятся доказательствами и являются доказательственной информацией, поскольку чтобы стать таковыми они должны стать известны субъекту расследования.

Поскольку заключение эксперта в совокупности с иными сведениями является доказательством, «можно полагать, что доказательственной является лишь та информация, которая составляет содержание доказательств, служит средством доказывания» [6. Л. С.151].

При расследовании преступления в структуру информационно-экспертного процесса входят: а) носители информации о преступнике; б) элементы, приобретающие информацию; в) носители информации, соединяющие первые два.

Носители информации отражают информационное поле преступника в двух формах: материальных и идеальных следов (мысленных образцов), которые представляют закодированные сигналы о преступнике.

Структура информационного канала может быть представлена следующим образом, преступник, обладающий индивидуальным информационным полем, совершая преступление воздействует на объекты, которые взаимодействуют с ним и становятся носителями его индивидуальных свойств, само исследуемое событие представляется как «ансамбль» сообщений и ото-

бражается в окружающей среде в форме разного рода отображений (следов). При этом процесс отображения представляет процесс передачи сообщений в форме кода, определяемого механизмом слеодообразования, а след представляет фиксированное в окружающей среде сообщение. В процессе фиксации результатов первоначальных исследовательских действий формируются промежуточные накопители информации в виде слепков, кино-, фото-, видео-, аудиозаписей и протоколов. Последние представляют преобразования исходного сообщения в удобной для хранения форме искусственного (протоколы) или естественного кода (фототехническая и подобная форма). Исследование источника представляет декодирование исходного сообщения, содержащегося в следе, по правилам использованного кода – осуществляется экспертом. В результате субъект доказывания (адресат сообщения) получает фактические данные об исследуемом событии: объектах, механизме, условиях слеодообразования. Указанные фактические данные при условии их получения в режиме процессуального доказывания являются доказательствами и могут быть использованы для установления доказательственных сведений» [4. Л. С. 4-5].

Таким образом, при проведении экспертного исследования декодирование осуществляется экспертом с помощью различных экспертных методик. Субъект доказывания (следователь) получает сведения об исследуемом событии: объектах, механизме, условиях слеодообразования.

Обнаружение такой информации, т. е. прочтение (декодирование) следов-отображений, связано с понятием информационного поля. Информационное поле – это выделенный в составе источника поток однородной информации об обстоятельстве, подлежащем установлению в соответствии с задачами доказывания и экспертного исследования [4. Л. С. 18].

С данным определением нельзя не согласиться.

В отличие от примитивного признака-сигнала информационное поле является потоком сигналов, информационный срез действительности на предметном или функциональном уровне. Информационное поле необходимо отделять от следа-отображения, представляющего фиксированный результат объективного взаимодействия и имеющего сложную информационную структуру. Последняя включает отображение внешнего строения, состава и структуры взаимодействующих объектов, механизма их взаимодействия. Информационное поле отражает специально выделенную в результате анализа источника систему свойств или сторону исследуемой системы взаимодействия.

Выделение информационного поля является инструментом анализа информационной структуры источника. При этом, чем сложнее информационная структура источника, тем большее значение имеет выделение и отдельное исследование соответствующих информационных полей.

В плане информационных технологий процессуального доказывания нужно остановиться на том, что выделение информационных полей напря-

мую связано с использованием требующихся специальных знаний в экспертном исследовании.

Предметная специализация каждого эксперта прямо связана с определенным информационным полем определенного объекта, например дактилоскопия, баллистика, почерковедение, исследование документов, материаловедение, фоноскопия и др.

Структурная организация учреждений судебной экспертизы (система подразделений, лабораторий) также прямо связана с исследованием соответствующих информационных полей источников вещественных доказательств. Такие учреждения входят в структуру различных ведомств: МВД, Минюста, Минздрава, Минобороны, ФСБ и некоторых других.

Структура экспертно-криминалистической службы МВД:

1) экспертно-криминалистический центр МВД России (осуществляет организационные и научно-методическое руководство всеми экспертными подразделениями):

- а) организационно-техническое управление;
- б) федеральную пулегильзотеку;
- в) научно-исследовательскую лабораторию;
- г) отделы: трасологических, дактилоскопических и автотехнических экспертиз; экспертиз документов, денежных знаков и ценных бумаг; экспертиз видео- и фотодокументов; экспертиз материалов, веществ и изделий; взрыво- и пожаротехнических экспертиз; экспертиз биологических объектов; экспертиз почвенно-ботанических и минералогических объектов; фоноскопических экспертиз; медико-криминалистических экспертиз;

2) экспертно-криминалистические подразделения (управления), имеющие в своем составе базовые межрегиональные подразделения (отделы);

3) экспертно-криминалистические отделы (отделения, группы, лаборатории) горрайорганов;

4) экспертно-криминалистические подразделения (отделы) МВД республик, ГУВД (УВД) краев и областей, а также городов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Краснодара;

5) экспертно-криминалистические отделы (отделения, группы, лаборатории) горрайорганов.

Структура экспертно-криминалистической службы Минюста России:

1) Российский федеральный центр судебных экспертиз Минюста России (осуществляет научно-методическое руководство):

- а) лаборатории: почерковедческой экспертизы; технической экспертизы документов; трасологической экспертизы; баллистической экспертизы; видеофонографических исследований; криминалистической экспертизы волокнистых материалов; криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий; исследования объектов почвенного и биологического происхождения; инструментальных методов исследования; судебно-авто технической

экспертизы; строительно-технической экспертизы; судебно-взрывотехнической экспертизы; инженерно-техническая; автоматизации экспертного производства.

б) отделы: организационно-методической работы; методической работы; научной информации; экономических экспертиз; товароведческих экспертиз; экспертных исследований пожаров и взрывов;

2) Управление судебно-экспертных учреждений (осуществляет организационное руководство);

3) Северо-Западный региональный центр судебных экспертиз (г. Санкт-Петербург);

4) Южный региональный центр судебных экспертиз (г. Ростов-на-Дону);

5) лаборатории судебных экспертиз в республиках, краях, областях, их филиалы и группы экспертов.

Экспертные учреждения Минздрава России:

1) Научно-исследовательский институт судебной медицины (осуществляет научно-методическое руководство судебно-медицинскими экспертными учреждениями и производство сложных и повторных экспертиз; проводит научные исследования);

2) Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (осуществляет научно-методическое руководство и производство наиболее сложных экспертиз в области судебной психиатрии);

3) центры судебной психиатрии (региональные и межрегиональные);

4) судебно-психиатрические экспертные комиссии (стационарные и амбулаторные);

5) психиатрические больницы, где проводится принудительное лечение;

6) отделения судебно-медицинских экспертиз (районные, межрайонные);

7) бюро судебно-медицинских экспертиз (республиканские, областные, городские).

Анализ информационной структуры вещественных источников представляет разработанный наукой инструмент интеллектуального проникновения в структуру материальной среды изучаемого события с целью прочтения (декодирования) информации о свойствах взаимодействующих объектов и механизмах их взаимодействия.

Выделение информационных полей в структуре материальной обстановки расследуемого события осуществляется следователем на основе следственно-экспертной ситуации с учетом задач доказывания в конкретных пространственно-временных и материально-технических условиях. Специалист (эксперт) осуществляет выделение информационных полей на основе анализа следственно-экспертной ситуации с учетом своей специализации и научно-технических возможностей. Согласование предмета доказывания и задач экс-

пертного исследования осуществляется в форме согласования вопросов, формулируемых перед экспертизой. Такое согласование имеет предварительный характер (ст. 195, 198 УПК РФ), поскольку в процессе исследования может быть выявлена дополнительная информация, которую эксперт может указать в своем заключении (ст. 204 УПК РФ).

Таким образом, при проведении экспертного исследования декодирование осуществляется экспертом с помощью различных экспертных методик. Субъект доказывания (следователь) получает сведения об исследуемом событии: объектах, механизме, условиях слеодообразования.

В ходе данного декодирования при проведении идентификационных экспертиз мы сталкиваемся с идентификационным признаком. Данное понятие тесно связано с информационно-отражательным процессом. Идентификационный признак представляет собой сигнал, несущий информацию о свойствах искомого объекта. При этом форма признака обусловлена физической, химической, психической или иной природой сигнала, а его содержание - информацией об отображаемом свойстве объекта. Для признака существенны как его форма так и содержание. Под сигналом понимается любой процесс или его результат несущий информацию. Характерной чертой сигнала является то, что его структура соответствует структуре источника информации. Например, рисунок папиллярного узора пальца руки и след оставленный на месте происшествия.

Для идентификации могут быть использованы не все свойства идентифицируемого объекта, а лишь те из них, которые отобразились в идентифицирующем объекте. Их принято называть идентификационными. Расследование черпает исходную информацию о преступлении из его следов в окружающей среде, полученной как правило в ходе осмотра места происшествия, возможны и другие источники. Если те или иные свойства идентифицируемого объекта не отразились в следах, записях, фотоснимках, сознании очевидцев, свидетелей, потерпевших, их нельзя использовать для сравнения и положить в основу решения вопроса о тождестве.

В ходе идентификации используются признаки, содержащие информацию о различных свойствах идентифицируемых объектов.

Такое свойство, как внешнее строение объекта, может быть выражено такими показателями как глубиной и относительным расположением трасс динамического следа, пиками профилограммы, показателями измерительного прибора и т. п.

Свойства внутренней структуры и химического состава объекта в случаях специальных исследований могут быть выражены распределением оптических плотностей спектрограммы, распределением информационных точек хроматограммы, показателями аналитических реакций, измерительных приборов и другими признаками.

Свойства динамического стереотипа письма, почерка, походки, бытовых, трудовых и прочих навыков выражаются в рукописях, следах ходьбы и иных целенаправленных действий человека как признаки. Сходство или различие вещей выражается признаками или знаками. Соответственно этому в зависимости от формы выражения исходной информации следует различать сигнальную и знаковую формы идентификации. Сигнальная форма классифицируется по характеру используемого идентификационного поля, знаковая – по способу обозначения свойств. В случаях когда знаком обозначается каждый последовательно выделенный признак (например, высокий, низкий, черный, светлый), можно говорить о приметоописательной форме, если же знаком обозначается вещь в целом т.е. знак приобретает функцию кода, - о кодовой форме идентификации.

Сигнальные и знаковые формы идентификации существенно различаются как по методике, так и по способу их оценки в качестве доказательств. В сигнальных формах идентификация базируется на природной связи идентификационных признаков и свойств. Оценка знаковых форм идентификации должна исходить из отсутствия природной причинно-следственной связи предмета и обозначающего его знака.

Информация о преступлении возникает неизбежно и становится объективно существующим явлением материального мира.

Получение данной информации, т. е. декодирование следов отображений, тесно связано с понятием информационного поля. Информационное поле представляет собой выделенный в составе источника поток однородной информации о преступном событии, подлежащем установлению в соответствии с задачами доказывания и экспертного исследования.

Источники:

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
2. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.
3. Белкин Р. С, Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969.
4. Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания. / Под общ. ред. В.Я. Колдина. М., 2002.
5. Корюкин В.И. Вероятность и информация. // Вопросы философии. 1965. № 8.
6. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. // Под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, М., 1997.
7. Трусов А.И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики. // Вопросы кибернетики и права. М., 1967.

Федина И.М.
*К.и.н., доцент кафедры истории и культурологии,
Кубанский государственный университет*
Fedina I.M.
*Ph.D., Associate Professor of History and Cultural Studies,
Kuban State University*

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КОНЦЛАГЕРЯХ ГЕРМАНИИ

THE FATE OF SOVIET PRISONERS OF WAR IN A CONCENTRATION CAMP OF GERMANY

Аннотация. Сегодня важной задачей российской исторической науки является воссоздание и освещение объективной истории. К числу проблемных тем в изучении Великой Отечественной войны относится положение советских военнопленных в немецких концлагерях так как неприсоединение СССР к Женевской конвенции 1929 г. поставило вне закона миллионы советских военнопленных.

Ключевые слова: советские военнопленные, Женевская конвенция, Великая Отечественная война.

Annotation. Today, an important task of the Russian historical science is to recreate and provide objective coverage of history. The problematic issues in the study of the Great Patriotic War include the Soviet prisoners of war in Germany's concentration camps because the non-adherence of the USSR to the 1929 Geneva Convention outlawed millions of Soviet prisoners of war.

Key words: soviet prisoners of war, the Geneva Convention, the Great Patriotic War.

Одной из острых проблем в изучении Великой Отечественной войны являются судьбы советских военнопленных погибших в многочисленных концентрационных лагерях фашистской Германии.

Среди всех выпавших испытаний Советского союза в годы Великой Отечественной войны особое место занимает военный плен, с которым связаны непередаваемые физические и моральные страдания советских солдат. Трагедия советских военнопленных, находившихся с 1941 по 1945 гг. в немецком плену, состоит в том, что они с самого начала были лишены защиты, гарантированной Женевской конвенцией 1929 г. Отказ СССР от подписания конвенции позволил нацистам использовать этот факт и оставить советских пленных без всякой защиты и контроля со стороны Международного Красного Креста и других организаций, помогавших пленным западных стран. Исключая СССР Женевская конвенция была подписана 47 странами.

Развитие международных правовых норм по защите военнопленных относится к числу выдающихся достижений человечества. Положение которых всегда определялось либо традициями ведения войны, либо договорами воюющих сторон. Так в Женевском соглашении 2 статья гласила: «Военнопленные находятся во власти противника, но не во власти отдельных лиц или войска. Любая форма мести в отношении военнопленных запрещается». Далее в статье 4 сказано: «Государство, во власти которого находятся военнопленные (государство тюремной власти), обязано заботиться об их содержании. Разница в обращении с военнопленными допускается только тогда, когда речь идет о льготах, которые зависят от воинского звания, физического или психического состояния здоровья, профессионального опыта или пола» [1]. Соглашение предусматривало допуск двух нейтральных представителей к военнопленным: представителя Международного комитета красного креста и дипломатического представителя назначенной родиной военнопленных защитной власти. Международный комитет Красного креста прежде всего оказывал гуманитарную помощь – продовольствие, промышленные товары, одежда, лекарства, а также доставка писем и посылок. Однако на деле, в ходе войны происходили разнообразные нарушения этих норм международного права. Наиболее известным нарушением оказался так называемый «приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г., который указывал воюющим частям при взятии в плен политкомиссаров Красной Армии расстреливать их на месте по законам военного времени. Гитлер рассматривал войну как войну двух мировоззрений. Одной из предпосылок успеха Германии он считал ликвидацию «большевистских комиссаров и интеллигенции» [3]. Каждый советский военнопленный рассматривался как потенциальный коммунист и угроза национал-социалистическому режиму. В глазах вермахта «приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г. должен был гарантировать, чтобы ни один комиссар не перешагнет границу немецкого рейха.

Нарушение норм международного права, осуществлялось по отношению к еврейскому, цыганскому и женским военнослужащим Красной Армии, при взятии в плен им также грозил расстрел.

Во все времена плен был тяжелым испытанием для солдат, захваченных неприятелем. Изданные Верховным главнокомандованием вермахта (ОКВ) в мае 1941 г. приказы по урегулированию поведения армии в предстоящем походе на Советский Союз отменили основные моменты действовавшего тогда военного международного права. Так, например, Указ о военном судействе гласил, что правосудие «призвано преследовать деяния против жителей страны в рамках военного суда лишь в том случае, если этого требует поддержание дисциплины или же обеспечение армии» [3]. В результате подобного рода указаний советское гражданское население и военнопленные после 22 июня 1941 г. были фактически беззащитно отданы на произвол немецкой окку-

пационной власти. Жизнь или смерть зависела от конкретного командования на местах.

Воспользовавшись непрочным статусом советских военнопленных германское руководство осуществляло преступные приказы, на основе которых миллионы людей были обречены на произвол в лагерях для военнопленных.

В период второй мировой войны территория Германии и оккупированной ею стран были покрыты густой сетью концлагерей, лагерей для военнопленных и рабочих лагерей, через которые прошли военнослужащие стран антигитлеровской коалиции, попавшие в плен.

Перед нападением на Советский союз верховное командование вермахта приказало соорудить 60 новых лагерей исключительно для размещения советских военнопленных. Каждый из лагерей должен был готовым принять до 30000 пленных. Военнопленные доставлялись вначале на фронтовые сборные пункты и пересыльные лагеря, так называемые дулаги, затем в стационарные лагеря военнопленных на оккупированных территориях. В этих лагерях условия были невыносимые, пленные погибали каждый день. Большое количество умерло от бесчеловечных условий в этих лагерях. Пленных отправляли поездами в Германию. Многие из них умерли от холода и голода уже во время этапирования. Из воспоминаний бывшего военнопленного: «Пережитое в вагонах невозможно описать словами. Люди истекали кровью, грязные раны чернели, в каждом вагоне приговорённые к смерти люди умирали от истечения крови, столбняка, заражения крови, от голода, нехватки воды и воздуха, а также от других лишений. Стоны, проклятия, глубокие вздохи умирающих, лихорадочный бред, тоска по Родине» [4].

Одним из таких лагерей был концлагерь Цайтхайн. Уже в июле 1941 г в лагерь были доставлены первые военнопленные. После регистрации, медицинского обследования и гигиенической обработки военнопленные размещались под открытым небом. Территория лагеря была окружена забором из двойной колючей проволоки. Защищаясь от непогоды военнопленные выкапывали себе землянки. Строительство жилых бараков велось силами самих военнопленных. Руководство лагеря не выдавало ни инструментов, ни материала, ни палаток для строительства временок. Жизненные условия военнопленных по словам Николая Гутаря в первые недели были ужасающими: «Мы легли под открытым небом на мокрую от дождя землю. Каждый день лагерь все больше пополнялся русскими людьми. Каждый в стремлении приспособиваться вырывал для себя маленькую землянку, в которой он старался пригреть свое изнуренное тело» [4]. Нехватка колодцев и нехватка воды заставляла пленных пить воду из луж.

Суточный рацион военнопленного состоял из 250 граммов хлеба, брюквенного или шпинатного супа (0,75 литра). Но даже при таком ничтожно скудном питании немецкие власти находили необходимым использовать пленных на земляных и каменных работах по десять—двенадцать часов в день.

Методы обращения гитлеровцев с советскими военнопленными определялись нацистской идеологией. Германское политическое и военное руководство расценивало советских военнопленных не только как представителей низшей расы, но и как потенциальную угрозу.

Приказ Гитлера от 13 мая 1941 г. гласил не преследовать в судебном порядке военные преступления совершенные немецкими солдатами в Советском Союзе. Обращение с пленными объявленными «неполноценными в расовом отношении» советскими солдатами следовало нацистской идеологии. Строгость, жестокость, грубость и беспощадность – такие требования ставились перед немецкими солдатами в обращении советскими солдатами. В инструкции по охране советских военнопленных от 8 сентября 1941 г указано «беспощадно принимать меры при любых признаках сопротивления или непослушности! Беспощадно применять оружие для подавления сопротивления. При побеге военнопленного сразу же (без предупреждения) стрелять стараясь попасть в цель... В отношении трудолюбивых и послушных военнопленных мягкость в обращении также неуместна». Такие приказы часто подготавливали почву для полного произвола и чрезмерного применения силы в обращении с военнопленными со стороны охранных команд [2].

Не только насилие, но и систематическое недоедание было причиной массовой гибели советских военнопленных. Продовольственные пайки «для русских» были значительно ниже общепринятого прожиточного минимума. Установленные пайки целенаправленно способствовали преданию голодной смерти тысячи советских людей. Вследствие постоянного хронического недоедания при одновременно истощающем труде и плохом медицинском обслуживании смертность советских военнопленных была самой высокой. О продовольственном снабжении в концлагере Цайтхайн можно судить по высказываниям бывших узников и охранников: утром «чай» или суррогат кофе, изредка с сахаром на обед поллитра баланды – жидкого супа из нечищенной репы с небольшим количеством картошки вечером 1,5 кг «хлеба для русских» (50% ржаных отрубей, 20% свекловичной стружки и целлюлозной муки, а также перемолотого сена или листьев) на 5-10 человек [4]. Вследствие продолжительного недостаточного питания и без того обессиленные недостаточным снабжением во время боев и этапирования пленные страдали голодными отеками, цингой и дизентерией.

С июля 1941 по апрель 1945 г только через лагерь Цайтхайн прошло 80 000-90 000 советских военнопленных, из них около 35 тыс. умерло от голода, истощения и болезней. В рамках систематических «акций отбора» так называемых оперкоманд выявлялись в лагерях партийные и государственные деятели, комиссары, евреи и люди с высшим образованием и подвергались расстрелу.

Массовая гибель советских военнопленных была непосредственно связана с национал-социалистическим планом физического уничтожения и из-

гнания нескольких десятков миллионов людей в европейской части Советского Союза (так называемый «план Ост») для того, чтобы на долгий срок контролировать и заселить эти регионы.

Изданные Верховным командованием вермахта директивы об обращении с советскими военнопленными сознательно нарушили действующие нормы международного права по защите военнопленных. Советским военнопленным отказали в любых видах защиты по международному праву. Не соблюдение норм международного права по отношению к советским военнопленным нацистская Германия обосновывала отсутствием ратификации Женевского Соглашения о военнопленных со стороны Советского Союза несмотря на то что СССР ратифицировал «Соглашение о защите раненых военнопленных», которое являлось частью Женевских конвенций 1929 г. Однако, советские военнопленные находились в бесправном положении, практически были беззащитны перед произволом национал-социалистического террора.

Источники:

1. Пустогаров В.В. Международное гуманитарное право: Учебное пособие, М., 1977.
2. Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л.А.Кишнер. Л., 1991. С.39.
3. Селеменев В. Зверев Ю. Мюллер К. Советские и немецкие военнопленные в годы второй мировой войны. Минск. 2004. с. 20–65.
4. Zeithain – Gedenkbuch sowjetischer Kriegsgefangener 1941–1945. Stiftung Sächsische Gedenkstätten zur Erinnerung an die Opfer politischer Gewaltherrschaft, Dresden. 2006.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Материалы I Международной научно-практической конференции

Печатается по решению научно-методического и
редакционно-издательского советов КубГУ и КСЭИ

Подписано в печать 18.05.15.
Формат 60×84. Усл.печ.л. 6. Тираж 500 экз.

Издательство Кубанского социально-экономического института.
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, 3.